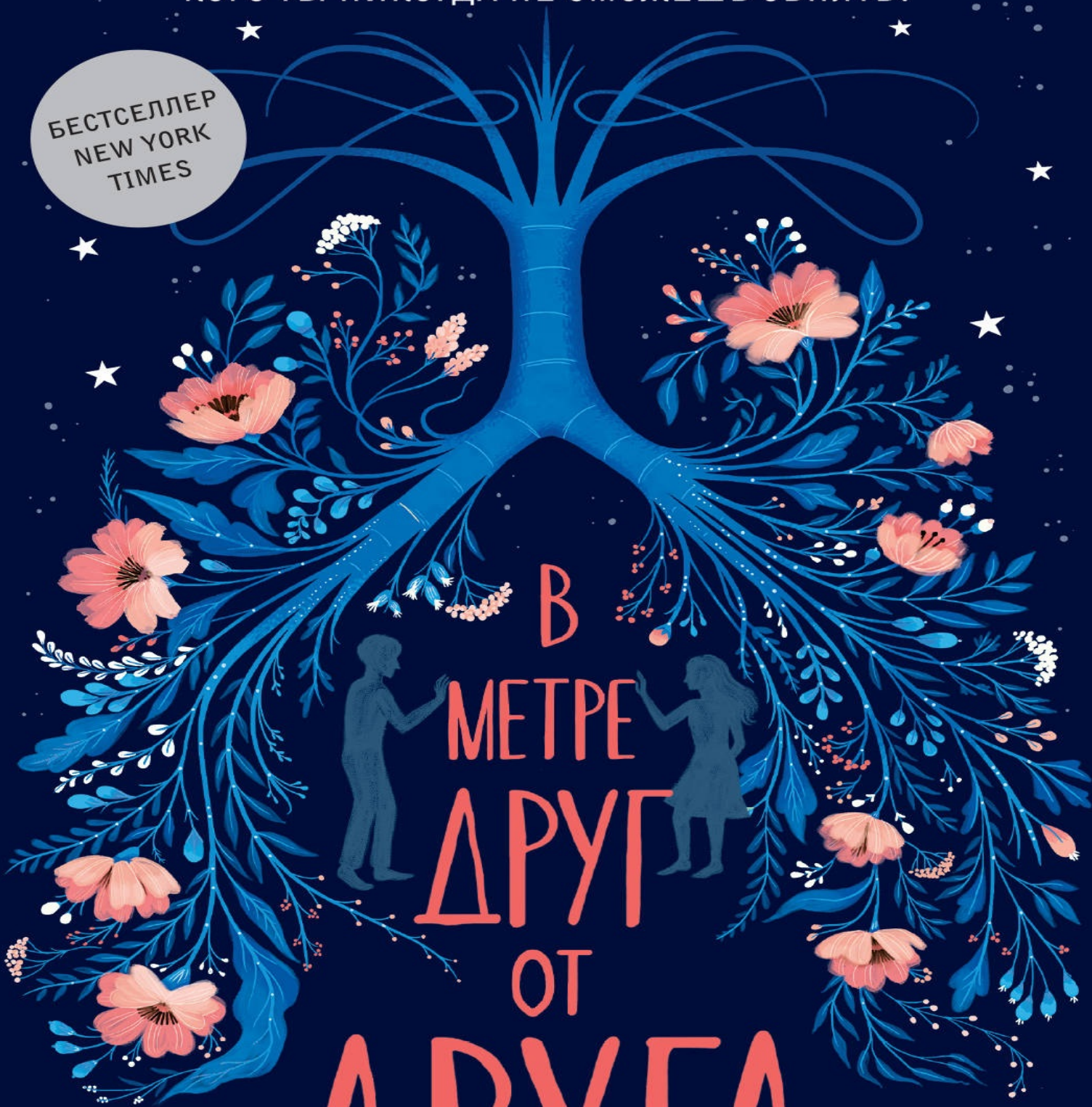

МОЖНО ЛИ ВЛЮБИТЬСЯ В КОГО-ТО,
КОГО ТЫ НИКОГДА НЕ СМОЖЕШЬ ОБНЯТЬ?

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK
TIMES

В
МЕТРЕ
ДРУГ
ОТ
ДРУГА

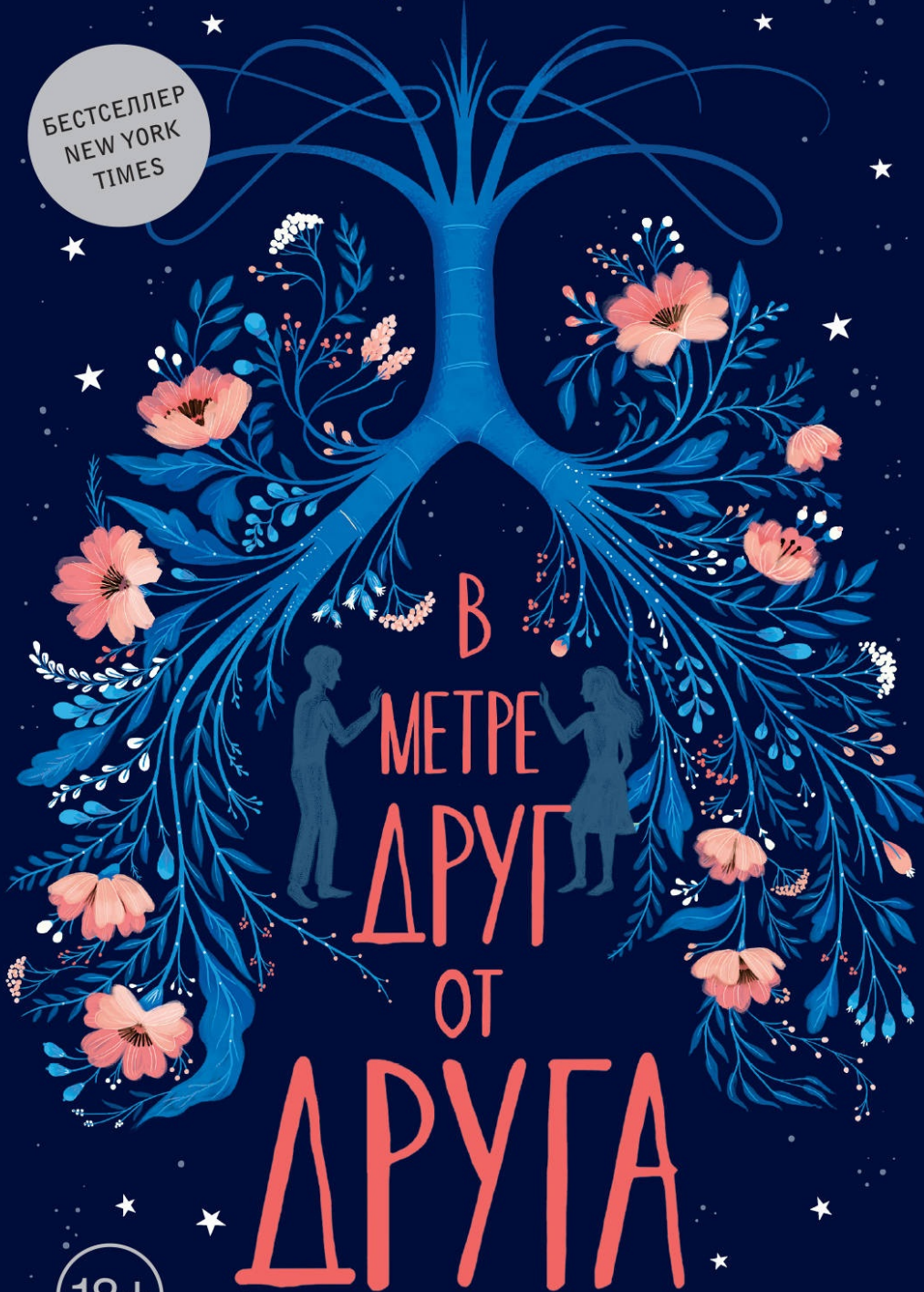
18+

Рейчел Липпикотт, Микки Дотри, Тобиас Иаконис

МОЖНО ЛИ ВЛЮБИТЬСЯ В КОГО-ТО,
КОГО ТЫ НИКОГДА НЕ СМОЖЕШЬ ОБНЯТЬ?

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK
TIMES

18+

Рейчел Липпикотт, Микки Дотри, Тобиас Иаконис

Рейчел Липпикотт

В метре друг от друга

*Для Эллисон
- Р. Л.*

Мы посвящаем эту книгу и фильм всем пациентам, членам семей, медицинским работникам и любимым, которые каждый день отважно сражаются с кистозным фиброзом. Мы надеемся, что история Стеллы и Уилла поможет привлечь внимание к этой болезни и найти лекарство от нее.

- М. Д. и Т. И.

ГЛАВА 1

СТЕЛЛА

На рисунке моей сестры — легкие, состоящие из моря цветов. Я веду пальцем по контуру. Лепестки вырываются за кромки двух одинаковых овалов нежно-розовыми, насыщенно-белыми и даже вересково-синими кончиками, но каждый из них по-своему уникален, в каждом ощущается вибрация, пульс вечного цветения. Не все бутоны раскрылись, и я чувствую в них обещание жизни, только и ждущей прикосновения моего пальца, чтобы явить себя. Вот они — мои любимцы.

Я часто — даже слишком часто — задаюсь вопросом, а каково было бы иметь такие здоровые легкие. Такие живые. Делаю глубокий вдох и чувствую, как воздух, преодолевая сопротивление, пробивается в грудь и из груди.

Рука соскальзывает с последнего лепестка последнего цветка и опускается, пальцы тянутся по звездному фону, касаясь ярких пятнышек, нарисованных Эбби в попытке запечатлеть бесконечность.

Я откашливаюсь, убираю руку и, наклонившись, тянусь с кровати за нашей фотографией. Из-под толстых шерстяных шарфов выглядывают одинаковые улыбки, и над нашими головами, как на ее рисунке, мигают праздничные огоньки в парке.

В этом было что-то волшебное. Мягкое сияние уличных фонарей, белый снег, цепляющийся за ветки деревьев, тихая неподвижность всего вокруг. Тогда, в прошлом году, мы чуть не отморозили задницы, но такая уж у нас с Эбби традиция. Наперекор холоду ходить вместе в парк и смотреть праздничную иллюминацию.

Каждый раз, когда смотрю на эту фотографию, вспоминаю то чувство. Ощущение близкого приключения, в котором мир ждет нас, только нас двоих, как раскрытая книга.

Беру кнопку, вешаю фотографию рядом с рисунком, а потом сажусь на кровать, достаю из кармана блокнот и беру с прикроватной тумбочки карандаш. Глаза бегут по длинному списку намеченных на сегодня дел. Я

составила его утром, и первым пунктом в нем идет «составить список дел». Твердая, горделивая линия его вычеркивает — выполнено. Последний пункт, под номером 22, гласит: «поразмышлять о жизни после смерти».

Пункт 22 был, возможно, чуточку амбициозен для пятничного вечера, но, по крайней мере, теперь я могу вычеркнуть пункт 17 — «украсить комнату». Оглядываю еще недавно голые стены. Едва ли не все утро я превращала эту палату снова в мою, и теперь она украшена творениями Эбби, собранными за несколько последних лет, частичками цвета и жизни на холодных белых стенах.

Вот я — в руке катетер от капельницы, и флакон едва не лопается от бабочек самых разных форм, расцветок и размеров. Вот я — в носу канюля, длинная трубка от которой свилась так, что напоминает знак бесконечности. Вот я и небулайзер, пар из которого образует облачный ореол. А вот самый изящный рисунок из всего собрания — поблекшее торнадо звезд, которое Эбби нарисовала, когда я попала сюда в первый раз. Он не такой безукоризненный, как более поздние ее работы, но почему-то нравится мне больше.

И под всем этим буйством красок — коллекция моего медицинского оборудования, расположившаяся рядом с жутким больничным креслом из зеленого кожзаменителя, стандартным для каждой палаты здесь, в Сейнт-Грейсиз. Я с опаской поглядываю на стойку капельницы — до начала первого из многих приема антибиотиков остается час и девять минут. Везет же мне.

— Вот она! — слышится голос в коридоре. Поворачиваюсь. Дверь медленно приоткрывается, и в щелочке появляются два знакомых лица. За последние десять лет Камила и Миа побывали у меня здесь миллион раз, но до сих пор не могут добраться из вестибюля до моей комнаты, не обратившись за помощью к каждому встречному.

— Ошиблись дверью! — говорю я с улыбкой, видя, как светлеют их встревоженные лица.

Миа смеется и толкает дверь:

— Сказать по правде, могли бы. Это же лабиринт какой-то.

— Радуетесь? — Я вскакиваю и раскрываю объятия.

Камила отстраняется, смотрит на меня, надув губы, и темно-каштановые волосы падают ей на лицо.

— Уже вторая подряд поездка без тебя.

Так и есть. Не в первый уже раз кистозный фиброз^[1] лишает меня возможности отправиться с классом в поездку, присутствовать на школьном мероприятии или ждать солнечных каникул. Примерно

семьдесят процентов времени у меня все нормально. Я хожу в школу, гуляю с Камиллой и Мией, работаю над приложением. При этом мои легкие функционируют очень слабо. Но оставшиеся тридцать процентов моей жизни контролирует кистозный фиброз. А это означает, что, возвращаясь по необходимости в больницу для «настройки», я пропускаю такие вещи, как поход с классом в художественный музей или как сейчас — поездку в Кабо.

В этот раз главная цель «настройки» — накачать меня антибиотиками и избавиться наконец от ангины и высокой температуры, которые никак не проходят.

Миа плюхается на кровать, вытягивается и демонстративно вздыхает:

— Всего-то две недели. Ты точно не можешь поехать? Это же наша последняя общая поездка. Ну же, Стелла!

— Точно не могу, — твердо говорю я, и они знают, что это серьезно. Мы дружим со средней школы, и им уже хорошо известно, что, когда речь заходит о моих планах, последнее слово всегда остается за кистозным фиброзом.

Дело не в том, что я не хочу поехать, а в том, что это вопрос жизни и смерти буквально. Я не могу поехать в Кабо или, если уж на то пошло, куда-либо еще, потому что всегда есть риск не вернуться. Поступить так с родителями для меня невозможно. По крайней мере сейчас.

— Ты же была в этом году главой планового комитета! Неужели нельзя сделать так, чтобы курс лечения перенесли на другое время? Мы не хотим, чтобы ты застряла здесь. — Камила обводит широким жестом так заботливо украшенную мной палату.

Я качаю головой:

— Мы еще проведем вместе весенние каникулы. И я не пропустила ни одного весеннего уик-энда лучших подруг с восьмого класса, когда слегла с простудой! — Я улыбаюсь и с надеждой перевожу взгляд с Камиллы на Мию и обратно. Ни одна, ни другая не улыбаются в ответ, но смотрят на меня так, словно я убила их домашних любимцев.

Замечаю, что обе держат сумки с купальными костюмами, которые я просила их принести, и, пытаясь сменить тему разговора, выхватываю сумку из рук Камиллы.

— О, купальники! Надо выбрать лучшие! — Раз уж не суждено нежиться под теплым солнышком Кабо в своем любимом купальнике, то почему бы не порадовать себя выбором купальных костюмов для подруг.

Девочки тут же оживляются. Мы радостно вытряхиваем содержимое сумок на мою кровать, и там вырастает пестрый холмик разноцветных

тряпочек — цветастых, в горошек, переливающихся.

Зорким глазом просматриваю горку Камилы и вытаскиваю что-то красное, затерявшееся между трусиками от бикини и слитным купальником, наверняка перешедшим моей подруге от ее старшей сестры, Меган.

Бросаю его ей:

— Вот это. Очень тебе идет.

Она делает большие глаза, подносит купальник к талии и в полном замешательстве поправляет очки в тонкой оправе.

— Конечно, линии загара будут смотреться просто восхитительно, но...

— Камила... — Я подхватываю полосатое, белое с голубым, бикини, которое — это видно с первого взгляда — будет сидеть на ней идеально. — Это шутка. Вот то, что тебе нужно.

Она облегченно вздыхает и забирает у меня бикини. Я же переключаю внимание на горку Мии. Моя подруга обосновалась в зеленом кресле в углу и с застывшей на лице улыбкой ведет активную переписку.

Выуживаю слитный спортивный купальник, знакомый мне с шестого класса, когда Миа занималась плаванием, поднимаю его и с ухмылкой обращаюсь к подруге:

— Как этот?

— Обожаю! Прелесть! — отвечает Миа, не отрываясь от телефона и продолжая печатать с бешеной скоростью.

Камила усмехается, засовывает купальники в сумку и лукаво мне подмигивает.

— Мейсон и Брук разошлись, — объясняет она.

— О, боже, быть не может, — удивляюсь я. Вот это новость. Просто потрясающее известие.

Да, только не для Брук. Но Миа втюрилась в Мейсона еще в десятом классе, на курсе английского у миссис Уилсон, так что эта поездка — ее последний шанс сделать наконец решающий шаг.

С опозданием соображаю, что меня-то там не будет и помочь ей с осуществлением ударного многоступенчатого плана «Бурный роман в Кабо» я не смогу.

Миа убирает телефон и с напускным равнодушием пожимает плечами. Потом поднимается и делает вид, что рассматривает рисунок на стене.

— Пустяки! Завтра утром мы встречаемся с ним и Тейлором в аэропорту.

Я бросаю на нее многозначительный взгляд, и по ее лицу разливается широкая улыбка.

— Ладно, может, и не пустяки.

Мы все пищим от восторга, и я поднимаю расчудесный, супервинтажный купальник в горошек — ровно то, что ей надо. Миа кивает, берет его у меня и прикладывает к себе.

— Я так надеялась, что ты именно его выберешь.

Оборачиваюсь и вижу, что Камила нервно посматривает на часы. Ничего удивительного. Она всегда откладывает все до самой последней минуты, прямо-таки чемпион по части прокрастинации, и, вполне вероятно, еще ничего для поездки не приготовила. Кроме, конечно, бикини.

Камила замечает мой взгляд и застенчиво улыбается:

— Мне еще нужно купить до завтра пляжное полотенце.

Классическая Камила.

Я встаю. Сердце сжимается при мысли, что они уезжают, но и задерживать их я не хочу.

— Вам, девочки, пора идти. Самолет завтра рано-рано, проснуться не успеете. Миа грустно оглядывает комнату, Камила уныло крутит в руках свою сумку с купальниками. Из-за них все получается даже труднее, чем я ожидала. Сделав над собой усилие, сглатываю нарастающее чувство вины и раздражение. Это же не они пропускают поездку в Кабо. По крайней мере будут вместе.

Улыбаюсь обеим и только что не тащу их к двери. С позитивом у меня перебор, даже щеки горят, но расклеиваться в их присутствии никак нельзя.

— Пришлем тебе кучу фоток, ладно? — говорит, обнимая меня, Камила.

— Обязательно! И меня прифотошопьте куда-нибудь, — обращаюсь я к Мие, которая с этой программой творит чудеса. — Вы меня даже спохватиться не успеете!

Они мнутя у двери, и я театрально закатываю глаза и шутливо выталкиваю их в коридор.

— Убирайтесь отсюда. Идите и готовьтесь к поездке.

— Люблю тебя, Стелла! — говорят они в один голос и идут по коридору.

Я смотрю им вслед, машу, пока подпрыгивающие кудряшки Мии не исчезают из виду, и внезапно ловлю себя на том, что больше всего на свете хотела бы уйти с ними и паковать чемоданы.

Улыбка блекнет, как только я закрываю дверь и вижу старую семейную фотографию, аккуратно приколотую к ее внутренней стороне. Снимок

сделан несколько лет назад, в День независимости, на веранде нашего дома. На нем мы вчетвером — я, Эбби, мама и папа — замерли перед камерой с глуповатыми улыбками.

Я слышу постанывание стертых шатких досок, скрип ступенек под ногами и наш смех, когда мы все сбиваемся в кучку перед фотоаппаратом, и чувствую тоску по дому. Как же мне не хватает этого чувства — мы вместе, мы здоровы и счастливы. По большей части.

Не помогает. Я вздыхаю, возвращаюсь к кровати и смотрю на медицинскую тележку.

Сказать по правде, мне здесь нравится. С шести лет эта палата была моим вторым домом, так что обычно я даже не против приезжать сюда. Здесь я прохожу курс лечения, принимаю лекарства, поддерживаю вес тела за счет молочных коктейлей, встречаюсь с Барб и Джули и ухожу до следующего обострения. Все просто. Но в этот раз есть какое-то волнение, даже беспокойство. Я не просто хочу выздороветь — мне это необходимо. Ради родителей.

Потому что они все запутали и испортили, когда развелись. И, потеряв друг друга, они не выдержат, если потеряют еще и меня. Я это знаю.

Если бы только я смогла поправиться, то, может быть...

Не надо спешить. Всему свое время. Я направляюсь к кислородному аппарату, встроенному в стену, проверяю, правильно ли установлен расходомер, и слушаю ровное шипение поступающего кислорода. Потом подтягиваю трубку и вставляю в ноздри канюлю. Снова вздыхаю, опускаюсь на уже знакомый, неудобный больничный матрас и делаю глубокий вдох.

Достаю из кармана блокнот, читаю следующий пункт в списке намеченных дел: 18 «записать видео».

Беру карандаш и задумчиво кусаю его, глядя на предыдущую запись. Как ни странно, размышлять о жизни после смерти сейчас почему-то легче. Но список есть список, и я тянусь к тумбочке, на которой лежит мой ноутбук, и сажусь, поджав ноги, на новое цветочное одеяло, купленное вчера в «Таргете» в то самое время, когда Камила и Миа покупали вещи для поездки. Вообще-то я вполне могла обойтись и без нового одеяла, но они так хотели помочь мне выбрать что-то для больницы, что я просто не могла обидеть их отказом. По крайней мере, оно неплохо сочетается со стенами, яркими, красочными, ожившими.

Пока ноутбук загружается, тревожно постукиваю пальцами по клавиатуре и всматриваюсь в экран.

Длинные каштановые волосы спутались, и я стараюсь расчесать их,

пользуясь вместо щетки пальцами. Получается плохо, и я стаскиваю с запястья резинку и собираю неряшливые пряди в небрежный пучок. Не совсем то, что хотелось бы для видео, но лучше уж так. Потом беру с тумбочки «Руководство по Java-программированию» и ставлю на него ноутбук, чтобы не выглядеть на экране слишком уж серьезной. Подключившись к своему аккаунту на Ютьюбе, поправляю веб-камеру так, чтобы она обязательно захватывала рисунок с легкими прямо за моей спиной.

Лучшего фона не придумать.

Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и слышу знакомый хрип — это легкие отчаянно стараются втянуть воздух через море слизи. На медленном выдохе наклеиваю на лицо безмятежную, как на поздравительной открытке «Холлмарка», улыбку, открываю глаза и вхожу в онлайн.

— Ребята, привет. Всех с «черной пятницей»! Я так ждала снег, а его так и не было!

Смотрю в угол экрана и поворачиваю камеру к больничному окну — там, по другую сторону стекла, небо в серых тучах и совершенно голые деревья. Счетчик показывает, что вживую меня смотрят более тысячи человек, небольшая часть от общей аудитории в 23940 подписчиков, которые интересуются ходом моего сражения с кистозным фиброзом.

— Вот так вот. Могла бы сейчас собираться в поездку — наш класс летит в Кабо, но вместо этого проведу каникулы в моем выездном доме. Спасибо ангине.

И сильной лихорадке вдобавок. Вспоминаю, как температура утром подскочила к опасной отметке — 39 градусам. Только вот сообщать обо всем тем, кто меня смотрит, не хочу, потому что позднее это увидят мои родители.

Пока что они считают, что у меня всего лишь легкая простуда.

— И кому, спрашивается, нужны две недели солнца, голубого неба и песчаного пляжа, если в вашем распоряжении целый роскошный месяц на заднем дворе? Не верите? Давайте посмотрим вместе. — Я начинаю перечислять прелести больничного отдыха, загибая пальцы. — Личный круглосуточный консьерж, шоколадный пудинг — сколько угодно, ешь не хочу, да еще прачечная. И — да! — Барб таки уговорила доктора Хамид разрешить мне держать все медикаменты в моей комнате. Убедитесь сами!

Я поворачиваю камеру к куче медицинского оборудования, а потом к медицинской тележке, в которой все уже разложено в алфавитном и хронологическом порядке в соответствии со схемой применения, которую я закачала в разработанное мной приложение. Пора наконец провести

тестовое испытание!

Именно это и значилось в моем плане под номером 14, и надо сказать, все прошло наилучшим образом.

Компьютер начинает позванивать, отмечая поступающие комментарии. В одном замечаю имя Барб, сопровождающееся сердечками-эмоджи. У зрителей она безусловный фаворит. Как и у меня. Так было всегда, начиная с первого раза, когда я попала в больницу десять лет назад. Барб работает здесь респираторным терапевтом, и это она, когда нам совсем плохо, подсовывает конфетку мне и другим больным, например моему товарищу по несчастью По. Это она держит меня за руку, когда боль ломает кости. Примерно с середины своего больничного стажа я записываю видео для Ютьюба, чтобы люди знали, что представляет собой кистозный фиброз. За несколько лет численность следящих за ходом моего оперативного и терапевтического лечения и моими посещениями больницы Сейнт-Грейсиз увеличилась в несколько раз, и эти люди вместе со мной проходят все, порой не самые приятные стадии лечения.

— Моя легочная функция снизилась сейчас до тридцати процентов. — Я поворачиваю камеру к себе. — Доктор Хамид говорит, что моя очередь на получение трансплантата постепенно продвигается, так что следующий месяц я проведу здесь, принимая антибиотики и строго соблюдая предписанный режим.

Мой взгляд уходит к рисунку у меня за спиной, здоровым легким.

Я качаю головой и улыбаюсь, потом наклоняюсь к медицинской тележке и беру из нее пузырек с лекарствами.

— А строго соблюдать режим — это вовремя принимать лекарства, носить пневмовибрационный жилет «Аффловест» для отведения мокроты и... — я поднимаю бутылочку, — каждую ночь принимать вот это жидкое питание через гастростомическую трубку. Если есть желающие получать ежедневно пять тысяч калорий и иметь при этом тело, которое не стыдно показать на пляже Кабо, я готова поменяться местами.

Сообщения сыплются одно за другим, и компьютер подает сигнал не переставая. Прочитав несколько первых, я уже чувствую, как прилив позитива смывает все негативные мысли.

Держись, Стелла!

Выходи за меня замуж!

— Новые легкие могут прибыть в любой момент, так что надо быть наготове! — Я произношу эти слова так, как будто верю в них всем сердцем, хотя по прошествии стольких лет уже научилась не давать волю воображению.

День! Еще одно сообщение.

У меня тоже кистозный фиброз, и ты помогаешь мне не поддаваться отчаянию. ХОХО.

На сердце теплеет, и я улыбаюсь в камеру тому, кто, как и я, сражается с болезнью. На этот раз абсолютно искренне.

— Ладно, ребята! Спасибо, что смотрите! Надо еще разок проверить, все ли на месте, и подготовиться к процедурам. Вы же знаете, какая я дотошная. Надеюсь, неделя у всех выдалась классная. Пока!

Заканчиваю прямой эфир и медленно выдыхаю. Закрываю браузер и вижу на экране перед собой улыбающиеся лица. Я, Камила и Миа, взявшись за руки, демонстрируем одну и ту же темно-красную помаду, которую вместе выбрали в «Сефоре». Камила хотела ярко-розовую, но Миа убедила, что по жизни нам всем НЕОБХОДИМ красный. До сих пор не уверена, что мы сделали правильный выбор.

Откинувшись на подушку, подтягиваю и крепко обнимаю потертую панду. Лоскуток, как назвала ее Эбби. Вполне подходящее имя для выдавшей виды игрушки. Медвежонок всегда сопровождает меня в больницу, и это не могло не сказаться на его внешнем виде. Бедняга весь в заплатках, а когда я при самых болезненных процедурах стискиваю его слишком сильно, из дырок лезет наполнитель.

Стук в дверь, и она тут же распахивается, а в комнату врывается Барб с охапкой стаканчиков с пудингом, который я принимаю вместе с лекарствами.

— Вот и я! Служба доставки!

За последние шесть месяцев — да что там, за все десять лет, если уж на то пошло, — она ничуть не изменилась и осталась лучшей. Те же короткие кудряшки. Те же яркие халаты. Та же улыбка, освещающая всю комнату.

Следом за ней всплывает сильно беременная Джули с капельницей в руках. И вот здесь за шесть месяцев перемена огромная.

Стараясь не выказать удивления, улыбаюсь Барб, а она тем временем ставит стаканчики на край кровати и, достав список, проверяет, есть ли в моей медицинской тележке все необходимое.

— Что бы я без тебя делала? — говорю я.

Барб подмигивает:

— Умерла бы.

Джули подвешивает рядом со мной флакон с антибиотиками, и ее живот касается моей руки. Почему она не сказала, что беременна? Замираю и с натянутой улыбкой осторожненько отодвигаюсь.

— Вот это перемена!

Джули с улыбкой поглаживает живот, ее голубые глаза вспыхивают.

— Хочешь потрогать? Она так брыкается!

— Нет, — торопливо отвечаю я. Джули смотрит на меня немного растерянно и удивленно, ее светлые брови ползут вверх, а мне становится не по себе. Не хочу, чтобы моя болячка приближалась к этому здоровенькому, идеальному во всех отношениях ребенку.

К счастью, ее внимание привлекает заставка на экране моего компьютера. — Фотки с зимнего бала? Видела в Инстаграме! Как прошло? — спрашивает она.

— Здорово! Супер! — говорю я со всем энтузиазмом, на какой только способна. Недавняя неловкость проходит. Открываю на рабочем столе папку с фотографиями. — Протанцевала целых три песни подряд. Прокатилась на лимузине. Поела вкусенького. Плюс к тому продержалась до половины одиннадцатого и только тогда стала уставать, а это намного лучше, чем ожидалось. Кому нужен комендантский час, когда тело само все решает, правильно?

Я показываю им фотографии, сделанные в доме Миа еще до танцев, а Джули тем временем подсоединяет капельницу и проверяет кровяное давление и уровень кислорода. Помнится, раньше я боялась иголок, но с каждой пробой крови, с каждой капельницей страх понемногу уходил. Теперь даже не моргаю. После каждого укола сил как будто прибавляется. Иногда кажется, что я могу преодолеть все на свете.

— Готово, — говорит Барб. Они уже сняли мои жизненные показатели и успели поохать и поахать над моим серебристым сверкающим приталенным платьем и бутоньеркой на руку из белых роз. Мы втроем — Камила, Миа и я — решили поменяться бутоньерками, когда пошли на бал без кавалеров. Идти с кем-то я не хотела, хотя, если честно, никто меня и не приглашал. Слишком велика была вероятность, что мне придется остаться дома или станет плохо посередине танца, а это было бы несправедливо по отношению к тому, с кем я могла бы пойти. Камила и Миа не хотели, чтобы я чувствовала себя лишней, поэтому решили, что мы пойдем все вместе. Теперь, имея в виду развитие ситуации с Мейсоном, на такой вариант рассчитывать не приходится.

Барб, подбоченясь, кивком указывает на медицинскую тележку:

— Я буду тебя контролировать, но ты вполне в состоянии справиться сама. — Она поднимает пузырек с таблетками. — Не забудь, одну штуку при приеме пищи. И убедись, что у тебя...

— Я поняла.

Барб в своем обычном стиле, проявляет материнскую заботу, но сейчас просто поднимает руки — мол, сдаюсь. В глубине души она прекрасно знает, что со мной ничего не случится и все будет хорошо.

Они идут к выходу, я машу им вслед и, пользуясь пультом дистанционного управления, немного поднимаю кровать.

— Кстати, — медленно говорит Барб, пропуская в коридор Джули. — Хочу, чтобы ты сначала закончила капельницу, но в 310-ю только что въехал По.

— Что? Правда? — От удивления я даже приподнимаюсь, чтобы тут же вскочить с кровати и побежать к нему. Невероятно, даже не намекнул, что будет здесь!

Барб быстро возвращается, кладет руки мне на плечи и заставляет лечь.

— Я же сказала, что хочу, чтобы ты сначала закончила капельницу. Что из этого ты не поняла?

Смущенно улыбаюсь. С другой стороны, как она может меня винить? По — первый, с кем я подружилась, когда попала в больницу. И он единственный, кто по-настоящему меня понимает. Целых десять лет мы вместе сражаемся с кистозным фиброзом. То есть вместе, но с безопасного расстояния. Нам нельзя приближаться друг к другу. Для больных фиброзом перекрестная инфекция определенных бактериальных штаммов представляет огромный риск. Всего только одно прикосновение способно буквально убить нас обоих.

Сдвинутые серьезно брови возвращаются на место.

— Полегче. Расслабься. Прими успокоительное. — Она улыбается и шутливо смотрит в тележку. — Не пойми меня буквально.

Я киваю и, не удержавшись, смеюсь, чувствуя, как внутри все омывает свежая волна облегчения. Ура, По тоже здесь!

— Загляну попозже, помогу с жилетом, — выходя из комнаты, бросает через плечо Барб. Я тут же хватаю телефон и, вместо того чтобы мчаться по коридору в 310-ю, набираю короткое сообщение.

Ты здесь? Я тоже. Включай.

Не проходит и секунды, как экран светится полученным ответом.

Бронхит. Только что. Жить буду. Приходи потом, помашешь ручкой. Поваляюсь.

Откидываюсь на подушку, долго и медленно выдыхаю.

Честно говоря, мне немножко не по себе.

Так быстро моя легочная функция упала до тридцати пяти процентов. И вот теперь, больше даже, чем температура и ангина, меня бесит необходимость провести здесь целый месяц, принимая лекарства и проходя

процедуры, тогда как мои подруги будут где-то далеко. Тридцать пять процентов — это показатель, при котором моя мама не спит по ночам. Она, конечно, не сознается, но ее компьютер это подтверждает. Непрерывные поиски легочных трансплантатов, информации по предполагаемой продолжительности жизни, новых комбинаций препаратов — при этом главная цель одна и та же. Как добыть для меня больше времени. Когда у вас кистозный фиброз, вы вроде как привыкаете к мысли о том, что умрете молодым. Сейчас это пугает меня сильнее, чем прежде. Но боюсь я не за себя. Мне страшно за родителей. Если случится самое плохое, что будет с ними? Тем более теперь, когда они лишились друг друга.

Но По здесь, а значит, я смогу продержаться. Ведь он все понимает. Только бы мне разрешили поскорее с ним увидеться.

После полудня время идет медленно.

Вожусь с приложением, хочу убедиться, что программная ошибка, выскакивающая каждый раз, когда я пытаюсь его запустить, устранена. Смазываю фуцидином кожу вокруг гастроскопической трубки — сейчас она красная, как пожарный гидрант, а должна быть розовой, цвета летнего заката. Проверяю и перепроверяю пузырьки и таблетки, предназначенные для приема перед сном. Отвечаю на ежечасные сообщения от родителей. Смотрю в окно. День постепенно клонится к вечеру. Вижу пару примерно моего возраста. Смеюсь и целуюсь, они идут в направлении больницы. Такое видишь не каждый день — чтобы счастливая парочка направлялась в наше заведение.

Наблюдая за тем, как они держатся за руки и обмениваются страстными взглядами, спрашиваю себя: каково это, когда на тебя так смотрят? Люди всегда замечают в первую очередь мою канюлю, мои шрамы, трубку, но не меня. А заметив, не спешат выстроиться в очередь к моему шкафчику.

Однажды, в девятом классе, я «встречалась» с Тайлером Полом, но длилось это всего лишь месяц, пока я не слегла с инфекцией и не попала на несколько недель в больницу. Уже через несколько дней промежутки между его сообщениями стали увеличиваться, и я решила общение прекратить. К тому же между нами не было и десятой доли нежности, что у пары во дворе. Когда мы держались за руки, у Тайлера постоянно потели ладони, а еще он так обильно опрыскивал себя дезодорантом «Акс», что каждый раз, когда мы обнимались, у меня начинался приступ кашля.

В общем, отвлечься этот мыслительный процесс помогает не очень, так что я даже пробую взяться за пункт 22 — «поразмышлять о жизни после смерти» из моего списка обязательных дел и открываю «Жизнь, смерть и

бессмертие: путешествие души».

Но проходит немного времени, и я откладываю книгу и просто лежу, уставившись в потолок и прислушиваясь к своему тяжелому, с хрипом, дыханию, к свисту воздуха, пробивающегося сквозь слизь к легким. Перевернувшись, открываю бутылочку с фловентом — легким требуется помощь. Наливаю жидкость в небулайзер возле кровати, и устройство с гудением просыпается и выдает порцию пара.

Сижу, смотрю на рисунок с легкими и дышу: вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Вдох... выдох...

Надеюсь, что, когда меня через несколько дней навещат родители, с дыханием будет чуточку легче. Маме я сказала, что в больницу утром меня отвез папа, а папе — что отвезла мама, но на самом деле я просто вызвала «убер» и села в такси на углу улицы, где живет теперь мама. Не хочу, чтобы они видели меня здесь, по крайней мере до тех пор, пока мне не станет легче. Мама и без того бросала озабоченные взгляды, когда мне всего лишь понадобилось проверить портативный концентратор кислорода.

В дверь стучат, и я отрываю взгляд от стены. Может быть, По заглянет? Вынимаю мундштук, и в этот момент дверь приоткрывается, и в комнату просовывает голову Барб. Снимает хирургическую маску и латексные перчатки и бросает их на столик рядом с моей дверью.

— Новенький наверху. Встретимся минут через пятнадцать?

Сердце подпрыгивает от волнения.

Я киваю, она улыбается и исчезает. Снова беру мундштук, стараюсь как можно быстрее наполнить легкие паром. Потом выключаю небулайзер, снимаю с зарядного устройства переносной кислородный концентратор, включаю его и вешаю на плечо. Вставив канюлю, направляюсь к двери, натягиваю голубые латексные перчатки и надеваю маску.

Нырнув в «конверсы», я открываю дверь и выскользываю в коридор. Решаю пойти долгим маршрутом, чтобы пройти мимо палаты По.

Минуя сестринский пост на середине этажа, приветственно машу младшей медсестре, молоденькой Саре, которая улыбается мне в ответ из-за нового металлического стола.

Старый заменили накануне моего прошлого поступления шесть месяцев назад. Новый такой же высоты, что и прежний, но тот был деревянный и, возможно, занимал свое место со времени основания больницы шестьдесят с чем-то лет назад.

Помню, когда я была маленькая и старалась прошмыгнуть мимо поста по пути к По, моя голова даже не высывалась из-за стола.

Теперь я могла бы положить на него локоть.

Иду дальше по коридору и замечаю маленький флажок цветов Колумбии, прищипленный к приоткрытой двери, закрыться которой не дает скейтборд.

Заглядываю в палату. По спит на кровати, свернувшись в удивительно маленький комочек под клетчатым одеялом. Над головой у него постер с изображением Гордона Рамзи, как будто охраняющего спящего.

Прежде чем двинуться дальше, рисую маркером сердечко на доске, которая висит на наружной стороне двери, — пусть знает, что я была здесь.

За двойной деревянной дверью, если подняться на лифте, главная часть больницы. Спустившись, можно попасть в крыло С; пройдя по мостику — в корпус 2, а если идти прямо, то окажешься в отделении интенсивной неонатальной терапии.

За десять лет я столько раз попадала в больницу, что знаю ее расположение не хуже, чем знаю дом, в котором выросла. Пересекающиеся коридоры, скрытые лестницы, тайные переходы — все исследовано не раз и не два.

Но прежде чем я успеваю открыть двойную дверь, справа от меня распаивается другая. Повернув в удивлении голову, я вижу профиль высокого, худощавого парня, которого никогда не видела прежде. Он стоит на пороге палаты 315 с блокнотом в одной руке и угольным карандашом в другой, а на запястье у него такой же, как и у меня, белый больничный браслет.

Я останавливаюсь как вкопанная.

Волосы у него цвета темного шоколада и взъерошены так, словно он только что выпрыгнул из журнала «Тин вог» и оказался здесь, в одной из палат больницы Сейнт-Грейсиз. Глаза голубые, и когда он говорит, в уголках появляются морщинки. Но мое внимание в первую очередь привлекает его улыбка — лукавая, очаровательная и теплая.

Он такой симпатичный, что моя легочная функция падает еще процентов на десять.

Хорошо еще, что нижнюю половину лица закрывает маска, потому что встречи с красавчиками на этом этаже больницы у меня не запланированы.

— Я проверил их график, — говорит он и небрежно сует карандаш за ухо. Я отступаю влево и вижу, что он разговаривает с парочкой, за которой я наблюдала несколько минут назад из окна своей палаты. — То есть если не плюхнешься задницей на кнопку вызова, тебя никто не побеспокоит по крайней мере целый час. И не забывай, чувак, мне еще спать на этой кровати.

— Раньше тебя подумали. — Девушка расстегивает спортивную сумку и показывает лежащие в ней одеяла.

Подожди-ка. Что?

Красавчик с непокорной шевелюрой тихонько свистит:

— Вы только посмотрите. Настоящая герл-скаут.

— Мы же не звери, старик, — говорит ее бойфренд, ухмыляясь.

О, боже. Вот жуть! Он собирается разрешить друзьям заняться этим в палате, словно это номер в мотеле.

Маска скрывает мою гримасу отвращения, и я иду по коридору, спеша отойти как можно дальше от того, что здесь затевается. Скорее прочь.

Вот вам и красавчик.

ГЛАВА 2

УИЛЛ

— Ладно, ребята, еще увидимся. — Я подмигиваю Джейсону и закрываю дверь — пусть побудут наедине. На двери рисунок — череп, и его пустые глазницы смотрят на меня в упор. На черепе надета кислородная маска, а под ней подпись «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Сгодится для девиза этой лечебницы. Впрочем, подойдет и любой из тех пятидесяти больниц, в которых я побывал за последние восемь месяцев.

Пробегаю взглядом по коридору и вижу, как закрывается дверь за девушкой, которую я уже видел входившей в палату раньше. Ее потертые белые «конверсы» скрылись в дверном проеме. Она была одна и тащила спортивную сумку, достаточно большую и для трех взрослых, но все равно выглядела очень привлекательной.

И давайте начистоту. Не каждый день видишь в больнице симпатичную девчонку, которая к тому же занимает палату едва ли не по соседству с тобой.

Оторвавшись от блокнота, я пожимаю плечами, скатываю его в трубочку, сую в задний карман и направляюсь по коридору за незнакомкой. Дело вовсе не в том, что у меня нет занятия получше, и я точно не собираюсь задерживаться здесь еще на час.

Толкаю распашные двери и вижу, как она проходит по выстеленному серой керамической плиткой полу, перекидываясь словечком, кивая или махая рукой едва ли не каждому встречному, как будто у нее здесь собственный персональный парад по случаю Дня благодарения.

Незнакомка входит в стеклянный лифт с видом на восточный вестибюль, где стоит большая, празднично украшенная рождественская ель. Должно быть ее поставили сегодня утром, еще до того, как все успели доесть остатки ужина по случаю Дня благодарения.

Хорошо, что наконец-то убрали громадное изображение индейки.

Продолжая наблюдать, вижу, как незнакомка поднимает руки,

поправляет маску и, наклонившись, нажимает кнопку. Дверцы медленно закрываются.

Поднимаюсь по лестнице рядом с лифтом, одновременно следя за тем, чтобы не столкнуться с кем-нибудь и не упустить из виду кабину, которая уверенно ползет к пятому этажу.

Конечно. Бегу по ступенькам так быстро, как только позволяют легкие, и ухитряюсь не только пережить серьезный приступ кашля, но и оправиться от него еще до того, как девушка в маске выходит из лифта и исчезает за углом. Растираю грудь, прокашливаюсь, прохожу за ней пару коротких коридорчиков и следую по широкому, застекленному переходу, ведущему к соседнему корпусу.

Хотя незнакомка и попала сюда сегодня утром, она определенно прекрасно здесь ориентируется. Если же принять во внимание скорость ее передвижения и тот факт, что ей знаком едва ли не каждый в этом здании, я бы не удивился, обнаружив, что она некто вроде мэра этого мирка. Я провел здесь две недели и только лишь вчера вычислил, как можно безопасно улизнуть из палаты в кафетерий в корпусе 2, а с ориентацией у меня все в порядке. За несколько лет я побывал во многих больницах, и в каждой мне так или иначе приходилось осваиваться. В каком-то смысле это стало моим хобби.

Девушка останавливается перед двойной дверью, табличка над которой гласит: **ВОСТОЧНЫЙ ВХОД. ОТДЕЛЕНИЕ НЕОНАТАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ**, заглядывает внутрь и лишь затем толкает дверь.

Странно.

Иметь детей, когда у тебя кистозный фиброз, ситуация супертрудная. Мне приходилось слышать о том, как девушки с кистозным фиброзом переживают из-за этого, но смотреть на детишек, которых у тебя, может быть, никогда не будет, это совершенно иной уровень.

Жуткая депрессуха.

Кистозный фиброз — такая болезнь, в которой меня раздражает многое, но не это. Практически все парни с этой болезнью бесплодны, а это означает, что от меня никто не забеременеет, и по крайней мере в этом отношении беспокоиться не о чем, и ломать комедию, изображая счастливое семейство, мне не придется.

Держу пари, Джейсон хотел бы оказаться сейчас в моей шкуре.

Посматривая по сторонам, приближаюсь к двери и заглядываю в узкое окошечко. Моя незнакомка стоит перед смотровой панелью и наблюдает за крохотным малышом в кювезе. Его ручки и ножки соединены проводами с

какими-то огромными в сравнении с ним приборами.

Толкая дверь, проскальзываю в полутемный коридор и секунду-другую с улыбкой наблюдаю за девушкой. Ничего не могу с собой поделать — смотрю на ее отражение в стекле, и все, что за стеклом, расплывается. Вблизи она симпатичнее — длинные ресницы, густые брови. И даже маска ее не портит. Не сводя глаз с ребенка, незнакомка поднимает руку и убирает упавшие на лицо волнистые песочного оттенка каштановые волосы.

Осторожно откашливаясь, привлекаю ее внимание.

— Думал, что попал в очередную богадельню с убогими калеками. И тут вдруг ты. Везет же мне.

Наши взгляды встречаются в стекле, и в ее глазах мелькает удивление, а потом почти сразу — что-то похожее на неприязнь. Не удостоив меня ответом, она отворачивается и смотрит на ребенка.

Ну что ж, это всегда благоприятный знак. Ненапускное отвращение — лучшего для начала и быть не может.

— Видел, как ты в свою палату входила. Будешь здесь еще какое-то время?

Не отвечает. Молчит. Если бы не та гримаса, я бы подумал, что она меня даже не слышит.

— А, понимаю. Я так хорош собой, что ты не в состоянии двух слов связать и...

— Может, тебе стоит позаботиться о местах для твоих гостей? — раздраженно бросает она и, повернувшись ко мне, сердито срывает маску.

Застигнутый врасплох ее прямотой, я вначале теряюсь, а потом смеюсь.

И тут она заводится по-настоящему:

— Сдаешь палату на почасовой основе или как? — Ее темные глаза сужаются до щелочек.

— Ха! Так это ты скрывалась в коридоре.

— Я не скрывалась, — выпаливает в ответ она. — Это ты следил за мной.

Верно подмечено. И все-таки первой начала она. Я делаю вид, что сражен наповал, и демонстративно поднимаю руки.

— С намерением представиться. Но при таком отношении...

— Дай-ка угадаю, — перебивает незнакомка. — Ты считаешь себя бунтарем. Ты игнорируешь правила, чтобы доказать самому себе, что у тебя все под контролем. Разве не так?

— Ты права, — признаю я и небрежно прислоняюсь к стене.

— По-твоему, это мило?

Я ухмыляюсь:

— Думаю, да, судя по тому, что в коридоре ты подсматривала за мной довольно долго.

Она закатывает глаза, явно не находя в моих словах ничего забавного.

— В том, что ты сдаешь палату своим друзьям, чтобы они там занимались сексом, ничего милого нет.

Вот еще девочка-паинька нашлась.

— Сексом? Да нет же, нет. Они мне сказали, что проведут заседание клуба любителей чтения. Может быть, немного бурное. Но часа им вполне хватит.

Смотрит на меня сердито. Похоже, мой сарказм ей не по вкусу.

— А, так вот в чем дело, — говорю я и складываю руки на груди. — Ты имеешь что-то против секса.

— Конечно, нет! У меня был секс! — Слова слетают у нее с языка, и глаза заметно расширяются. — Это нормально и...

Ну не смешно ли! Такой возмутительной лжи я не слышал за целый год, а ведь меня окружают люди, которые старательно отрицают тот факт, что я умираю.

— Вообще-то «нормально» звучит не слишком убедительно. Я так понимаю, у нас много общего.

Ее густые брови неодобительно сдвигаются к переносице.

— У нас с тобой ничего общего нет.

Я подмигиваю. Злить ее, выводить из себя — истинное удовольствие.

— Остынь. Мне это нравится.

Дверь со стуком распахивается, и в коридор врывается Барб. От неожиданности мы оба вздрагиваем.

— Уилл Ньюман! Ты что здесь делаешь? Или позабыл, что после той твоей выходки на прошлой неделе тебе запретили уходить с третьего этажа?

Смотрю на незнакомку:

— Ну вот. Имя и фамилия к психологическому профилю. А тебя как зовут?

Она обжигает меня сердитым взглядом и быстро, пока не заметила Барб, натягивает маску на нос.

— Обойдешься.

Хорошо. Что-то в этой паиньке все-таки есть. Какой-то огонек.

— Ясно, наверно, у учителей в любимицах ходишь.

— Полтора метра! Никаких исключений. Всегда и везде. Вы оба прекрасно знаете правила.

Я вижу, что действительно подошел слишком близко, и отступаю, а между нами, не замечая звенящего напряжения, становится Барб.

— И что, по-твоему, ты здесь делаешь? — Она поворачивается и смотрит на меня в упор.

— Э... — Я показываю на смотровое окно. — Смотрю на детей?

Моего легкомысленного настроения она определенно не разделяет.

— Вернись в свою палату. И... где твоя маска? — Поднимаю руку, трогаю лицо — маски действительно нет. — Спасибо, Стелла, что хотя бы ты про свою не забыла.

— Как же, вспомнила пять секунд назад, — ворчу я, и Стелла испепеляет меня взглядом за спиной у Барб. Дарю ей широкую улыбку.

Стелла.

Ее зовут Стелла.

Вижу, Барб готова всыпать мне по первое число, и решаю уйти сам. Хватит с меня на сегодня лекций. Наслушался.

— Полегче, Стелла. Не шуми, — говорю я, легкой походкой направляясь к двери. — Это всего лишь жизнь, и она скоро закончится — не успеешь и глазом моргнуть.

Выхожу за дверь, иду по стеклянному переходу и дальше через крыло С. Длинный маршрут меня не устраивает, и я запрыгиваю в тряский, старый лифт, который обнаружил два дня назад. Он доставляет меня на мой этаж, прямиком к сестринскому посту. За стойкой Джули читает какие-то бумажки.

— Привет. — Я наклоняюсь над стойкой и беру карандаш.

Она поднимает голову, бросает на меня быстрый взгляд и возвращается к бумагам у себя в руках:

— Ты где это был?

— Бродил по больнице. Дразнил Барб. — Я пожимаю плечами и верчу в пальцах карандаш. — Она такая крутая.

— Уилл, никакая она не крутая, а просто...

Я смотрю на нее:

— Крутая.

Джули кладет руку на свой необъятный живот.

— Твердая. Правила — дело важное. Особенно для Барб. В этом она послаблений не дает.

Дверь в конце коридора снова распахивается, впуская на этот раз Барб и саму девочку-паиньку.

Барб смотрит на меня со строгим прищуром, и я с невинным видом пожимаю плечами:

— Что? Просто разговариваю с Джули.

Медсестра фыркает, и они обе идут дальше по коридору, к палате Стеллы. Стелла поправляет маску, оглядывается, и наши глаза на мгновение встречаются. Я со вздохом смотрю ей вслед.

— Она меня невлюбила.

— Кто? — спрашивает Джули, следуя за моим взглядом.

Барб и Стелла исчезают в палате, и я снова поворачиваюсь к Джули.

Она смотрит на меня с тем выражением, которое я видел уже миллион раз с тех пор, как попал сюда. В ее голубых глазах словно застыл вопрос «Ты с ума сошел?». А еще там нечто похожее на заботу.

Но «ты с ума сошел?» все-таки перевешивает.

— Даже не думай об этом, Уилл.

Я смотрю на лежащий перед ней файл, и в глаза бросается имя в левом верхнем углу.

Стелла Грант.

— О'кей, — говорю я так, словно речь идет о какой-то ничего не значащей мелочи. — Пока.

Возвращаюсь в 315-ю. Кашель уже бьет, слизь забивает легкие и горло, грудь болит после прогулки. Знал бы, что пробегу половину марафонской дистанции по всей больнице, захватил бы с собой портативный концентратор кислорода.

Да кого я обманываю?

Прежде чем толкнуть дверь, проверяю по часам, прошел ли час. Щелкаю выключателем и замечаю на белоснежных больничных простынях сложенную записку от Хоуп и Джейсона.

Как романтично с их стороны.

Ребята ушли, и я стараюсь не расстраиваться. Восемь месяцев назад, когда у меня диагностировали В. серасиá^[2], мама забрала меня из школы и перевела на домашнее обучение с уклоном на международный больничный туризм. Как будто продолжительность моей жизни не была уже и так отмерена смехотворно коротком сроком, теперь еще и В. серасиá отхватит от нее изрядный кусок, ухудшив и без того мою дерьмовую легочную функцию.

И когда устойчивая к антибиотикам бактерия начинает бушевать внутри организма, новых легких вам никто не даст.

Но для моей матери «неизлечимый» это всего лишь предположение, и она решительно настроена найти спасительное лечение, как ту самую иголку в стоге сена.

Даже если при этом понадобится отрезать меня от всех.

Хорошо хотя бы то, что Хоуп и Джейсону до больницы всего-то полчаса, и они могут навещать меня более-менее регулярно и держать в курсе дел. С тех пор как у меня завелась В. серасiа, они — единственные в моей жизни, для кого я не стал чем-то вроде лабораторной крысы. Они всегда были такими и, может быть, поэтому так идеально подходят друг другу.

Разворачиваю записку и вижу сердечко и аккуратный почерк Хоуп: До скорого! Через две недели тебе — ого-го — 18! Хоуп и Джейсон.

Я невольно улыбаюсь.

Ого-го 18! Еще две недели, и я — сам себе хозяин. Меня снимут с этого испытательного клинического курса, выпишут из больницы, и тогда я смогу что-то сделать со своей жизнью, вместо того чтобы позволять маме распоряжаться ею.

Больше никаких больниц. Никаких скитаний по лечебницам с одинаковыми побеленными стенами, в которых врачи испытывают одно за другим различные лекарства и методы. Только все понапрасну.

Если уж суждено умереть, то хотелось бы сначала пожить по-настоящему.

А потом и умереть.

Смотрю, прищурившись, на фотографию, думаю о том роковом последнем дне. Что-нибудь поэтичное. Может быть, на берегу. Или в лодке на Миссисипи. Только чтобы не было стен. Я бы мог набросать пейзаж, изобразить себя показывающим средний палец Вселенной, а потом кусающим большой. Думать о том последнем, роковом дне — не самое приятное занятие.

Бросаю записку на кровать. Пробегаю взглядом по простыне, быстренько встряхиваю ее на всякий случай. Крахмал и отбеливатель. Неизменный больничный одеколон. Хорошо.

Сажусь в поскрипывающее кожей больничное кресло у окна, отодвигаю цветные карандаши и альбомы и вытаскиваю ноутбук из-под кучи ксерокопий политических карикатур 1940-х, которые просматривал утром. Открываю браузер и, не ожидая ничего особенного, печатаю в строке поиска Гугла: Стелла Грант. Она представляется мне одной из тех девчонок, которые держат свою страничку Фейсбука приватной. А может, у нее аккаунт в Твиттере с ретвитами мемов о том, как важно мыть руки. Однако первый результат, который мне выдал поисковик, — это страничка в Ютьюбе под названием «Не Такой Уж и Секретный Кистозно-Фиброзный Дневник Стеллы Грант». В дневнике по меньшей мере сотня видео, самые ранние из которых появились примерно шесть лет назад.

Присматриваюсь повнимательнее, потому что название страницы выглядит странно знакомым. О, боже, так и есть. Это тот самый канал, ссылку на который несколько месяцев назад мама прислала с расчетом настроить меня на более серьезное отношение к лечению.

Может быть, если бы я знал, как выглядит эта девушка...

Перехожу к первой записи, включаю видео и вижу совсем еще юную Стеллу с целым ртом железок и высоким хвостиком. Сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Интересно, как ее зубы выглядят сейчас, учитывая, что улыбающейся я ее не видел.

Возможно, и ничего. Такие, как она, пожалуй, и спать ложатся с фиксатором, а не оставляют его собирать пыль на полочке в ванной. Мой, кажется, даже не добрался до дома после посещения стоматолога.

Включаю звук, и из динамиков доносится ее голос:

— Как и все, кто болен кистозным фиброзом, я родилась смертной. Наш организм производит слишком много слизи, которая старается попасть в легкие и вызвать заражение, снижающее легочную функцию. — Новые слова даются девочке с трудом, она сбивается, но потом все равно улыбается без всякого стеснения в камеру. — Прямо сейчас мои легкие выполняют свою функцию на пятьдесят процентов.

Она поворачивается на ступеньках, которые ведут к главному входу в здание больницы. Неудивительно, что ей так хорошо все вокруг знакомо, ведь она приходит сюда с незапамятных времен.

Я улыбаюсь девочке на экране. Она садится на ступеньки и переводит дух.

— Доктор Хамид говорит, что если так пойдет дальше, то к окончанию средней школы мне понадобится трансплантат. Это не исцеление, но он даст мне время. Я хотела бы получить еще несколько лет, если, конечно, мне повезет с трансплантатом.

Давай, Стелла, расскажи мне о себе.

По крайней мере у нее есть шанс.

ГЛАВА 3

СТЕЛЛА

Надеваю синий жилет «Аффловест»; подтянуть ремни, застегнуть пряжки помогает Барб. «Аффловест» ужасно напоминает спасательный жилет, если только не обращать внимание на портативный регулятор. Смотрю в окно и на мгновение представляю, что это и на самом деле спасательный жилет и что я в Кабо, в лодке вместе с Мией и Камилой, а в небе сияет послеполуденное солнце.

Кричат пронзительно чайки, белеет вдалеке песчаный берег, на волнах покачиваются серферы, а я... ловлю себя на том, что думаю об Уилле. Моргаю - и Кабо тает за горизонтом, а за моим окном лишь голые ветки деревьев.

- Так что Уилл? У него кистозный фиброз? - спрашиваю я, хотя это очевидно.

Барб помогает застегнуть последний ремешок. Я подтягиваю жилет на плече, чтобы не тер мою костлявую ключицу.

- Кистозный фиброз и кое-что еще. В. серасиá. Он сейчас участвует в программе испытания нового лекарства, цевафломалина. - Она привстает, включает аппарат и выразительно на меня смотрит.

Невольно бросаю взгляд на ванночку с антибактериальным гелем для рук. И что, я была чуть ли не рядом с ним, а у него В. серасиá? Для больных кистозным фиброзом это практически смертный приговор. Ему сильно повезет, если протянет еще несколько лет. И то лишь при условии, что режим он будет соблюдать так же строго, как и я.

Жилет начинает вибрировать. Сильно. Чувствую, как в легких понемногу разжижается слизь.

- Подцепишь эту штуку и можешь попрощаться с шансом на новые легкие, - говорит Барб, не сводя с меня глаз. - Держись от него подальше.

Киваю. Именно так я и намерена делать. Мне ох как нужно то самое дополнительное время. К тому же Уилл не мой тип - слишком занят собой.

- Этот испытательный курс... - Я поднимаю руку, показывая, что беру

паузу, и отхаркиваю комком слизи. Барб одобрительно кивает и протягивает мне бледно-розовое судно. Сплюываю и вытираю рот. - Какие у него шансы?

Она вздыхает, качает головой и лишь потом поднимает глаза:

- Толком никто ничего не знает. Лекарство совсем новое.

Но ее взгляд говорит другое. Мы умолкаем, и в тишине слышно только, как вибрирует жилет.

- Ну ладно, с тобой разобрались. Надо что-нибудь еще, пока я не ушла?

Я улыбаюсь и смотрю на нее умоляюще:

- Молочный коктейль?

Барб закатывает глаза и упирается руками в бока:

- Я тебе что, обслуживание номеров?

- Пользуюсь льготами любимицы, - говорю я, и Барб смеется.

Она уходит, и я сажусь. Жилет продолжает работать, и меня всю трясет. Мысли идут вразброд, и вот уже в зеркале возникает отражение Уилла, стоящего за моей спиной с дерзкой усмешкой на лице.

В. серасіа. Это жесть.

Но разгуливать по больнице без маски? Неудивительно, что он подхватил эту гадость, выделявая такие номера.

Подобных Уиллу мне попадалось в больнице бесчисленное множество. Беспечные, легкомысленные люди, бунтари, бросающие вызов поставленному диагнозу, отвергающие его, пока не станет слишком поздно. Это даже неоригинально.

- Ну вот, - говорит Барб с важным видом, как будто она здесь королева, ставя передо мной не один, а целых два молочных коктейля. - Это поможет тебе продержаться какое-то время.

Она ставит коктейли на стол, и я улыбаюсь, глядя в ее такие знакомые карие глаза.

- Спасибо.

Барб кивает, легонько поглаживает меня по голове и направляется к выходу.

- Спокойной ночи, детка. До завтра.

Снова сажусь, смотрю в окно и отхаркиваю все больше и больше слизи, а «Аффловест» продолжает свою работу, прочищая мои дыхательные пути. Взгляд уходит к рисунку с легкими, а от него к другим, висящим рядом. Начинает болеть грудь. Жилет здесь ни при чем, просто мне вспомнилась моя настоящая кровать. Родители. Эбби. Беру телефон и вижу поступившее сообщение - от папы. На фото - его старая акустическая гитара. Стоит, прислонившись к тумбе в его новой квартире. Папа потратил целый день

на обустройство, после того как я настояла, чтобы он занялся этим, а не вез меня в больницу. Он притворился, что ему не нравится такое решение, а я притворилась, что договорилась с мамой, чтобы он не чувствовал себя виноватым.

Сколько же притворства после этого дурацкого, самого нелепого в мире развода.

Развелись они шесть месяцев назад и до сих пор не могут даже смотреть друг на друга.

Не знаю почему, но мне вдруг отчаянно захотелось услышать его голос. Прокручиваю список контактов и уже почти нажимаю зеленую кнопку вызова, но в последнюю секунду решаю этого не делать. Обычно я никогда не звоню в первый день, и папа разнервничается, если услышит мой кашель, с которым я ничего не могу поделать. Он и так проверяет меня каждый час своими сообщениями.

Чего я точно не хочу, так это беспокоить родителей. Не могу.

Лучше подождать до утра.

Просыпаюсь на следующее утро, открываю глаза и не могу понять, что же меня разбудило. Потом вижу на полу свалившийся со стола и настойчиво вибрирующий телефон. Вижу два пустых стаканчика из-под молочного коктейля и горку пустых стаканчиков из-под пудинга, занявшую почти все свободное место. Теперь понятно, почему телефон свалился со стола. Если мы состоим из воды на шестьдесят процентов, оставшиеся сорок состояли бы из пудинга.

Потянувшись к телефону, чувствую жжение в том месте, где у меня гастроскопическая трубка. Осторожно трогаю бок, подтягиваю рубашку, чтобы отсоединить трубку, и обнаруживаю, что кожа вокруг нее покраснела и воспалилась сильнее, чем накануне.

Это плохо. Обычно раздражение проходит после применения фуцидина, но у меня со вчерашнего дня никакого улучшения не произошло.

Цепляю пальцем капельку мази, втираю в кожу и делаю пометку в блокноте - взять под наблюдение. Лишь после всего этого прокручиваю поступившие сообщения. От Мии и Камилы рано утром пришло фото из самолета: обе сонные, но довольные. Эсэмэски от родителей: и мама, и папа спрашивают, как спала, устроилась ли, и просят позвонить, когда встану.

Я уже собираюсь ответить обоим, но телефон снова вибрирует. Сообщение от По:

Ты встала?

Быстро набираю ответ, спрашиваю, не хочет ли он, как обычно, встретиться за завтраком через двадцать минут, откладывая телефон в сторону, свешиваю ноги с кровати и тянусь за ноутбуком. И тут же новое сообщение, ответ от По: Да!

Губы разъезжаются в улыбке. Я нажимаю кнопку вызова дежурной сестры и слышу сквозь похрустывание в динамике дружелюбный голос Джули:

- Доброе утро, Стелла! У тебя все хорошо?

- Да. Можно завтрак? - спрашиваю я и включаю ноутбук.

- Уже!

Время на компьютере - 9.00. Я придвигаю медкарту, рассматриваю цветные столбики диаграмм. Улыбаюсь про себя - завтра к этому времени после установки и проверки бета-версии приложения уведомления будут поступать прямо на телефон - с указаниями времени приема и назначенной дозы каждого лекарства.

Почти год упорной работы, и вот все наконец сходится. Приложение для всех хронических заболеваний, дополненное медицинскими таблицами, графиками и информацией по дозировке.

Принимаю таблетки и открываю скайп. Просматриваю список контактов - есть ли кто-то в Сети из родителей. Рядом с именем папы горит зеленый кружочек. Кликаю по кнопке вызова и жду, слушая трескучий звонок.

На экране появляется лицо с усталыми глазами. Папа надевает очки в толстой оправе, и я замечаю, что он еще в пижаме, волосы всклокочены и торчат во все стороны, а за спиной у него смятая комковатая подушка. Папа всегда рано вставал и даже по выходным не задерживался в постели дольше полвосьмого.

Внутри у меня тугим узлом стягивается беспокойство.

- Тебе надо побриться, - говорю я, замечая непривычную щетину на подбородке. Папа всегда чисто выбрит, и единственным исключением был короткий, в течение одной зимы, опыт отращивания бороды, когда я еще училась в начальной школе.

Он хмыкает и трет колючую щеку:

- А тебе нужны новые легкие. Последнее слово за мной!

Я закатываю глаза, а папа смеется над собственной шуткой.

- Как прошел концерт?

Он пожимает плечами:

- Ну, так.

- Я рада, что ты снова выступаешь! - бодрым тоном говорю я, изо всех сил стараясь излучать позитив.

- Как твоя ангина? - Папа с тревогой смотрит на меня. - Лучше?

Я киваю:

- В миллион раз лучше!

Тревога в его глазах рассеивается, и я, прежде чем он успевает спросить о чем-то еще, связанном с лечением, торопливо меняю тему:

- Как твоя новая квартира?

Он широко - даже с перебором - улыбается:

- Отличная квартира! И кровать есть, и ванная! - Улыбка слегка меркнет, и папа пожимает плечами. - А больше почти ничего. У твоей мамы наверняка симпатичнее. Она всегда умела сделать так, что любое место воспринималось как дом.

- Может быть, если ты просто позвонишь ей...

Он не дает мне закончить и качает головой:

- Проехали. Серьезно, милая, все хорошо. Квартира отличная, и у меня есть ты и гитара! Что еще надо?

Внутри у меня все сжимается, но тут в дверь стучат, и в комнату входит Джули с темно-зеленым подносом и кучей всякой еды.

Папа видит ее и сразу оживает:

- Джули! Как дела?

Джули ставит на стол поднос и демонстрирует ему свой живот. Для человека, пять лет подряд твердившего, что детей у нее никогда не будет, она выглядит на удивление довольной.

- Понятно, забот хватает, - заключает с улыбкой папа.

- Поговорим потом, пап. - Я передвигаю курсор к кнопке окончания разговора. - Люблю тебя.

Он салютует мне и отключается. С подноса поднимается запах яичницы с беконом. Рядом с тарелкой возвышается большой стакан с молочным коктейлем.

- Что-нибудь еще, Стел? Посидеть с тобой?

Бросаю взгляд на ее живот и качаю головой, с удивлением ловя себя на непонятно откуда взявшемся неприязненным чувстве к заботливой медсестре. Я люблю Джули, но не испытываю ни малейшего желания вести с ней разговоры о ее новой семье, когда моя разваливается на части

- По будет сейчас на связи.

И тут же ноутбук начинает звонить, на экране появляется фотография По и зеленый символ телефона. Джули поглаживает живот и сдержанно и смущенно улыбается мне:

- Ладно. Развлекайтесь тут вдвоем.

Я кликаю по кнопке приема и наблюдаю за медленно разворачивающимся лицом По - густые черные брови нависают над теплыми карими глазами. После нашей последней встречи он успел постричься, так что волосы теперь короче. И чище. Приветствует меня широкой, от уха до уха, улыбкой. Я пытаюсь ответить тем же, но все заканчивается чем-то больше похожим на гримасу.

Ничего не могу с собой поделать - перед глазами стоит папино лицо. Какой он грустный, какой одинокий... Эта мягкая подушка, эти глубокие, наполненные усталостью морщины...

И я не могу даже его проведать.

- Эй, мамі! Выглядишь изможденной. - Он ставит на поднос стакан с молочным коктейлем и смотрит, прищурившись, на меня. - Снова объелась шоколадным пудингом?

Знаю, здесь мне надо бы рассмеяться, но всю квоту притворства на сегодня я уже исчерпала, а ведь на часах нет еще и половины десятого.

По хмурится:

- Ох-хо-хо. В чем дело? Это из-за Кабо? Ты же знаешь, с загаром играть не стоит.

Я отмахиваюсь и вместо ответа поднимаю поднос - продемонстрировать свой завтрак лесоруба. Яичница, бекон, картофель и молочный коктейль! Обычное дело для наших утренних свиданий.

По смотрит на меня с вызовом, словно давая понять, что смена темы даром мне не пройдет, но не может устоять перед соблазном и поднимает свой поднос, на котором все то же самое... вот только яичница изысканно украшена шнитт-луком, петрушкой и... Стоп! Да это же трюфели!

По! Откуда, черт возьми, у тебя трюфели?

По с ухмылкой вскидывает брови:

- Их приносят с собой, mija! - Он поворачивает камеру и показывает медицинскую тележку, великолепно превращенную в полочку для специй. Вместо пузырьков с таблетками - баночки и всякие особые поварские штучки, расположенные под святилищем его любимого скейтбордиста, Пола Родригеса, и сборной Колумбии по футболу в полном составе. Классический По. Еда, скейтбординг и футбол - три его любимые темы.

Футбол у него столько, что в них можно одеть всех больных на нашем этаже - вот получилась бы команда доходяг.

Камера возвращается в прежнее положение, и я вижу за спиной у По грудь Гордона Рамзи.

- Но сначала - наши закуски! - Он поднимает руку с пригоршней

таблеток «креон», которые помогают организму переваривать съеденную пищу.

- Самое лучшее блюдо! - добавляю я и пересыпаю на ладонь красно-белые таблетки из стоящей рядом с подносом пластиковой чашечки.

- Итак, - говорит По, проглотив последнюю пилюлю, - поскольку о себе ты говорить не желаешь, давай поговорим обо мне. Я - одинок! Готов к...

- Ты порвал с Майклом? - раздраженно спрашиваю я. - По!

По прикладывается к молочному коктейлю.

- Может, это он порвал со мной.

- Да?

- Да! Ну, решение было взаимное. - Он вздыхает и качает головой. - Так или иначе, я с ним порвал.

Хмм. Они же так подходили друг другу. Майклу нравился скейтбординг, он вел суперпопулярный кулинарный блог, верным подписчиком которого По был три года до их знакомства. И Майкл сильно отличался от тех, с кем По встречался прежде. Он был как будто старше, хотя ему только что исполнилось восемнадцать. Что еще важнее, с ним и По становился другим.

- Но он ведь тебе нравился. Я думала, что, может быть, Майкл и есть тот самый, единственный.

Но, конечно, мне следовало бы предвидеть что-то в этом духе. По мог написать книгу о верности и преданности, но это не остановило бы его на пути к другому великому роману. До Майкла у него был Тим, а через неделю, возможно, будет Дэвид. И, сказать по правде, я даже ему немного завидую.

Я никогда еще не влюблялась. Тайлер Пол, разумеется, не в счет. Но даже и будь у меня такой шанс, встречаться - это риск, который я не могу себе позволить. Мне нужно сосредоточиться на главном. Жить. Получить трансплантат. Облегчить жизнь родителям. Такая цель - полновесная работа. И ничего сексуального в ней нет.

- Получается, что нет. - По говорит это так, словно ничего особенного не случилось. - Да к черту его, верно?

- По крайней мере у тебя был опыт. - Я пожимаю плечами и разделяваю яичницу. Вспоминаю самодовольную ухмылку Уилла в ответ на мое заявление, что у меня уже был секс. Придурок.

По смеется, давится молочным коктейлем и начинает задыхаться. Мониторы, следящие за его жизненными показателями на другой стороне ноутбука, оживают и тревожно пикают, а он пытается вздохнуть.

Господи. Нет-нет-нет. Я вскакиваю.

- По!

Отталкиваю компьютер и выбегаю в коридор ровно в тот момент, когда на сестринском посту звучит тревожный сигнал. Страх разливается по телу, наполняя каждую клеточку.

- Палата 310! - кричит невидимый голос - Резкое падение уровня кислорода в крови!

По не может дышать. Не может дышать.

- Он задыхается! По задыхается! - кричу я и бегу по коридору следом за Джули, на ходу подтягивая маску. Слезы застилают глаза.

Джули врывается в палату первая и бросается к плачущему монитору. Я не смотрю - боюсь. Боюсь увидеть, как ему плохо, как он мучается. Боюсь, что По..

Чудесно. Он стоит себе на стуле, словно ничего не случилось. Волна облегчения проходит по мне, оставляя холодный пот. По переводит взгляд с Джули на меня и с виноватым выражением поднимает пальцевой датчик.

- Прошу прощения! Отсоединился. Я забыл закрепить его после душа.

Медленно выдыхаю. Оказывается, я задержала дыхание и все это время даже не дышала. А это не так то легко, когда легкие у тебя едва работают.

Джули прислоняется к стене. Судя по виду, ей ничуть не лучше чем мне.

- По... Черт... Когда так падает кислород... - Она трясет головой. - Верни датчик на место.

- Послушай, Джули. - По поворачивается к ней. - Эта штука мне больше не нужна. Разреши ее снять, а?

- Даже не думай. Твоя легочная функция ни к черту. Мы должны присматривать за тобой, так что тебе придется его носить. - Джули переводит дух и достает пластырь, что бы закрепить сенсор. - Давай... Пожалуйста.

Он шумно вздыхает, но прикрепляет датчик к пульсовому оксиметру, который носит на запястье.

Дыхание наконец восстановилось, и я киваю:- Верно, По. Ты уж его носи.

Он закрепляет сенсор на среднем пальце, поднимает руку, смотрит на меня и улыбается.

Я закатываю глаза, выглядываю в коридор и отыскиваю дверь комнаты 315. Несмотря на спинке замки, она плотно закрыта, но внизу виднеется полоска света. Неужели даже голову не высунул посмотреть, что случилось, у всех ли всё в порядке?

На этаже практически перекличка, все двери приоткрыты, люди

выглядывают, проверяют, не случилось ли чего.

Мнусь в нерешительности на месте, приглаживаю волосы и поворачиваюсь к По. Он поднимает брови:

- Ты ради кого это прихорашиваешься?

- Не смешно. - Я бросаю на него и Джули сердитый взгляд и указываю на поднос с завтраком: - У тебя яичница остыла, и трюфели пропадают.

С этими словами я поворачиваюсь и спешу к себе по коридору. Чем дальше от палаты 315, тем лучше.

ГЛАВА 4

УИЛЛ

Тру сонные глаза, кликаю по ещё одному видео, а на подносе, рядом с кроватью, стынет недоеденная яичница с беконом.

Не спал всю ночь, просматривал одно за другим ее видео. Можно сказать, прошел марафон Стеллы Грант, хотя о кистозным фиброзе там так себе сказано.

Пробегаю глазами сайдбаре и перехожу на следующее видео.

Это прошлогоднее. Освещение слабое, практически никакое, если не считать яркого пятна камеры. Похоже на какое-то странное собрание по сбору средств, проходящее в полутемном баре. На цены болтается здоровенный баннер: СПАСИ ПЛАНЕТУ - ПОДДЕРЖИ ДЕНЬ ЗЕМЛИ.

Камера нацелена на мужчину с акустической гитарой, сидящего на деревянной табуретке. Рядом девочка с каштановыми кудряшками. Он играет, она поет. Оба уже знакомы мне по предыдущим видео - отец Стеллы и ее сестра, Эбби.

Камера переходит на Стеллу - на лице широкая улыбка, зубы белые и ровные, как я и думал. Макияж тоже присутствует, и выглядит она - кто бы мог подумать - совершенно по-другому. Впрочем, дело даже не в макияже. На видео она счастливее. Спокойнее. Не похожа на ту, которую я видел здесь своими глазами. И когда она вот так вот улыбается, то даже канюля в носу совсем ее не портит.

Папа, Эбби! Вы всех тут затмили! Если даже мне суждено умереть и не дожив до двадцати одного года, то по крайней мере в баре я побывала. - Она поворачивается, и камера показывает женщину с такими же длинными каштановыми волосами, сидящую рядом с ней в ярко-красной кабинке. - Скажи привет, мам!

Женщина мило улыбается и машет в камеру рукой. Мимо столика проходит официантка, и Стелла останавливает ее:

- Будьте добры, бурбон, пожалуйста. Чистый.

- Нет-нет, она не будет! - слышится шокированный женский голос.

Я фыркаю от смеха:- Молодец, Стелла. Зачётная попытка.

Включается яркий свет. Звучавшая на заднем плане песня кончается, и Стелла бурно аплодирует, а потом направляет камеру на улыбающуюся ей со сцены сестру.

- Так вот оно что, - говорит Эбби и указывает на Стеллу. - Оказывается, моя сестрёнка сегодня тоже здесь. Мало того, что она борется за свою жизнь, так теперь ещё и планету спасает! Давай, Стелла, покажи им!

В моих динамиках растерянный и смущённый голос:

- Вы что, ребята, заранее это спланировали? Перед камерой ее мать. На губах улыбка.

- Давай, детка. Я сниму!

«Картинка» расплывается, дрожит, и телефон переходит из рук в руки..

Она вешает на плечо свой портативный концентратор кислорода, публика приветствует ее восторженными криками, А сестра Эбби помогает подняться на сцену и выйти на свет. Стелла нервно поправляет канюлю и, получив от отца микрофон, поворачивается к собравшимся:

- Я первый раз буду делать это на публике. Так что не смейтесь.

Разумеется, все смеются, включая и Стеллу. Только и смех немного напряженный. Она настороженно смотрит на сестру, и Эбби говорит что-то неразборчивое. Микрофон улавливает только «очень и ещё чуть-чуть».

Что бы это могло означать? Как неудивительно, лицо Стеллы разглаживается, словно по мановению волшебной палочки, нервозность улетучивается. Ее отец начинает наигрывать на гитаре, я мурлычу себе под нос, ещё не поняв, что именно они поют. Публика подхватывает, люди раскачиваются в такт, головы движутся влево-вправо, ноги отбивают ритм.

- Я слышал тайный звуков строй...

Вау, они ещё и петь умеют. Голос у Стеллы хриловатый и мягкий, ровный, как и надо, а у её сестры - чистый и сильный. Камера приближается к Стелле, черты ее лица оживают в свете лампы, я кликаю по клавише «пауза». Беззаботная, улыбающаяся, счастливая, она стоит на сцене рядом с отцом и сестрой. Интересно, что же так взволновало ее вчера.

Запустив пальцы в волосы, люблюсь ее длинными прядями, тенью, падающей от ключицы, улыбающимися тёплыми глазами. Адреналин румянит ей щеки.

Врать не буду. Она красива. На самом деле красива.

Отвожу взгляд и... Секундочку. Не может быть. Подсвечиваю курсором количество просмотров.

- Что тысяч? Это что, шутка? Да кто она такая, эта девчонка?

Не прошло и часа, как меня разбудили пронзительные звуки из коридора, а потом, после полудня, сорвалась вторая моя попытка уснуть - в палату вломились мама и доктор Хамид. Скучая, подавляю зевок и смотрю в окно на пустой двор. Ледяной ветер и прогноз погоды, обещающий снег, гонят прохожих с улицы под крышу.

Снег. По крайней мере, что то, чего стоит ждать.

Прижимаюсь лбом к прохладному - стеклу поскорее бы этот мир укрыло белым одеялом. Снег я не трогал с тех пор, как мама в первый раз отправила меня в первую классную, самую передовую больницу, где мне предстояло стать подопытной морской свинкой и испытать на себе новейшее экспериментальное средство для для борьбы с В. серасиа.

Заведение находилось в Швеции, и лекарства доводили там до совершенства полдесяток лет.

Судя потому, что через две недели меня отправили домой ни с чем, до совершенства им было ещё далеко.

О пребывании там в памяти почти ничего не осталось. Поездки в больницы всегда ассоциируется с белым. Белые больничные простыни, белые стены, белые халаты - всё смешивается воедино. Но я помню горы снега, который шёл и шёл, пока я там находился. Такой же белого, но менее стерильного. Настоящего. Я мечтал о том, как поеду кататься на лыжах в Альпы, - и к черту эту легочную функцию. Но пока приходилось довольствоваться прикосновением к тому снегу, который лежал на крыше арендованного мамой «Мерседеса».

- Уилл. - Ее строгий голос врывается в мои грезы о свежей мягкой белизне. - Ты слушаешь? Она что, издевается?

Я поворачиваю голову, смотрю на неё и доктора Хамид и качаю головой, как та игрушка, хотя и в самом деле не слышал за всё время ни слова. Они обсуждают результаты моих первых, после начала пробного курса, тестов. Прошла неделя или около того, но, как обычно, ничего не изменилось.

- Нужно набраться терпения, - говорит доктор Хамид. - Первая фаза клинических испытаний на людях началась всего лишь восемнадцать месяцев назад.

Я смотрю на мать - она внимает доктору, энергично кивает, и ее короткие светлые волосы прыгают вверх и вниз. Интересно, за какие ниточки ей пришлось подергать и сколько денег выбросить, чтобы устроить меня сюда.

- Мы наблюдаем за ним, но Уилл должен помочь нам. Должен свести к минимуму посторонние влияния. - Доктор смотрит на меня, и ее худощавое, тонкое лицо серьезно. - Уилл, риск перекрестной инфекции еще выше сейчас...

Я не даю ей закончить:

- Не кашлять на других больных. Понял.

Она хмурится, и ее черные брови ползут вниз.

- Держаться на удалении так, чтобы исключить возможность прикосновения. Ради их и твоей безопасности.

Я поднимаю руку жестом клятвенного обещания и произношу слова, которые можно, наверное, считать девизом всех больных кистозным фиброзом:

- Всегда полтора метра.

Доктор Хамид кивает:

- Ты понял.

- У меня В. серасіа так что этот разговор бессмысленен. - И в ближайшее время положение не изменится.

- Ничего невозможного нет! - уверенно говорит она.

И моя мама тут же подхватывает:

- Я верю. И ты должен верить.

Я широко улыбаюсь, показываю аж два больших пальца, а потом поворачиваю их вниз и стираю улыбку. Какая чушь.

Доктор Хамид прокашливается и смотрит на мою маму:

- Ладно. Я вас оставлю.

- Спасибо, доктор. - Мама пожимает ей руку с таким энтузиазмом, словно только что подписала контракт со своим самым несговорчивым клиентом.

Доктор Хамид улыбается мне одними губами и выходит. Мама поворачивается, впивается в меня колючим взглядом и рубящим голосом говорит:

- Мне стоило огромных усилий добиться включения тебя в эту программу.

Если под «усилиями» понимать выдачи чека, которого хватило бы для отправки в колледж небольшого поселка, то она действительно сильно постаралась, чтобы я смог стать живой чашкой Петри.

- И чего ты хочешь? Благодарности за то, что засунула меня еще одну больницу, где я только время попусту теряю. - Я встаю и подхожу к ней ближе. - Через 2 недели мне исполнится восемнадцать. По закону - совершеннолетний. И тогда ты уже не сможешь мною командовать.

Первое мгновение она теряется, но потом берет себя в руки, смотрит на меня в упор, хватая со стула у двери тренч «Прада» из последней коллекции, надевает и, оглянувшись, бросает:

- Увидимся в твой день рождения.

Я выглядываю в коридор, провожаю ее взглядом и вижу, как она, цокая каблуками, подходит к сестринском посту. За столом Барб перекладывает какие-то бумажки.

- Барб, правильно? С вашего позволения, я оставлю вам номер своего сотового. - Мама открывает сумочку, достает бумажник. - Если цевафломалин не поможет, Уилл... с ним будет трудно.

Не дождавшись ответа, она вынимает визитную карточку.

- Он пережил так много разочарований и теперь уже не ждёт ничего хорошего. Если возникнут проблемы, позвоните мне? - Мама бросает на стойку карточку и кладет сверху сотенную, как-будто это не больница, какой-то модный ресторан, а я - столик для особого гостя. Вот так. Великолепно.

Барб непонимающе смотрит на деньги, вскидывает брови и поднимает голову.

- У вас такое не принято, да? Извините. Мы прошли через столько...

Она умолкает под строгим взглядом медсестры, которая сметает со стойки визитку и деньги и твердо, тоном не терпящим возражений, говорит:

- Не волнуйтесь. Ваш сын в хороших руках. - Она всовывает сотенную маме в руку, кладет в карман визитку и, чуть повернув голову, смотрит в мою сторону.

Я отступаю в палату, закрываю за собой дверь и трогаю воротник футболки. Иду к окну. Возвращаюсь и ложусь на кровать. Снова иду к окну. Стены берут меня в кольцо и начинают сдвигаться, давить. Я поднимаю жалюзи.

Не могу больше. Мне нужно выйти. Нужен воздух без запаха антисептика. Открываю встроенный шкаф, снимая с вешалки толстовку, надеваю и выглядываю в коридор - проверить чист ли горизонт. На сестринском посту не Барб, ни мамы, но за столом говорит по телефону Джули. Дальше выход и за ним единственная в здании лестница, которая ведет на крышу.

Тихонько закрываю дверь в палату, пробираюсь по коридору и, пригнувшись, пытаюсь незаметно проскользнуть мимо поста. При росте в метр восемьдесят я делаю это с изяществом слона, крадущегося с завязанными глазами. Джули поднимает голову, смотрит на меня, и я

прижимаюсь спиной к стене, делая вид, что сливаюсь с ней.

Не спуская с меня глаз, она отводит в сторону трубку. \n- И куда ты это ты направляешься?

Показываю пальцами, что собираюсь прогуляться.

Джули качает головой. Знает, что мои передвижения ограничены третьим этажом; на прошлой неделе я уснул возле вендерного автомата в корпусе 2, из-за чего меня объявили в общебольничный розыск. Складываю руки в умоляющем жесте и с надеждой что изливающееся в моей душе отчаяние растопит ее решимость.

Поначалу ничего. Лицо каменное, взгляд неуступчивый. Потом она закатывает глаза, бросает мне маску и машет рукой - путь свободен.

Слава богу. Больше всего на свете мне нужно выбраться сейчас из этого стерильного ада.

Подмигиваю Джули. Вот она, по крайней мере, человек.

Я выхожу из нашего кистозно-фиброзного крыла, толкаю тяжелую дверь и торопливо поднимаюсь по бетонным ступенькам, хотя легкие уже горят после первого этажа. Кашляя, цепляясь за перила, миную четвертый, потом пятый этаж и наконец на шестом останавливаюсь перед большой красной дверью со сделанной через трафарет надписью: АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД. СИГНАЛИЗАЦИЯ СРАБАТЫВАЕТ ПРИ ОТКРЫВАНИИ ДВЕРИ. Я достаю из заднего кармана бумажник, а из бумажника сложенный плотно доллар, который держу именно для таких вот ситуаций. Привстаю и подсовываю доллар под переключатель сигнализации, так что система теперь не срабатывает, потом приоткрываю дверь и выскользываю на крышу.

Я кладу бумажник между косяком и дверью, чтобы она не закрылась за мной. Урок, выученный на собственной шкуре. У мамы случился бы сердечный приступ, если бы она увидела, что я подпираю дверь бумажником «Луи Виттон», купленным мне несколько месяцев назад. Дурацкий, если подумать, подарок тому, кому некуда ходить, кроме больничного кафетерия. По крайней мере в качестве подпорки сгодился.

Я встаю, делаю глубокий вдох и тут же кашляю от обжегшего легкие холодного зимнего воздуха. И все равно, как же хорошо под открытым небом. Не то что в западне, за унылыми стенами.

Я потягиваюсь, смотрю на бледно-серое небо. Обещанные ветром снежинки, медленно кружась, падают на волосы и щеки. Подхожу к краю крыши, сажусь на ледяной камень и свешиваю ноги. Выдыхаю. Чувство такое, словно это первый выдох с тех пор, как я попал сюда две недели назад.

Сверху всё выглядит чудесно.

В какую бы больницу меня не заносило, я всегда и везде ищу возможность выбраться на крышу.

В Бразилии мне довелось увидеть парады: танцующие внизу люди напоминали вырвавшихся на свободу пестрых, разноцветных муравьев. Я видел спящую Францию, сияющую вдалеке Эйфелеву башню, окна, гаснущие в квартирах на третьем этаже, лениво восходящую луну. Я видел пляжи в Калифорнии, бескрайний океан и людей, плещущихся в сказочно прекрасных волнах с первым утренним светом.

Все такое разное. Каждое место уникально. Одинаковы только больницы, из которых я вижу этот мир.

Этот город живет не гуляньем, но тихим, домашним уютom. Наверное, я должен был бы чувствовать себя комфортнее, но выходит наоборот. Может быть потом, что впервые за восемь месяцев до дома можно доехать на машине. Дом. Там Хоуп и Джейсон. Там, сопя и пыхтя, мои одноклассники ползут к экзаменам, к тем университетам «Лиги плюща», которые выбрали для них родители. Там моя спальня, моя долбаная жизнь, пустая и не обжитая.

Я вижу фары машин, проносящихся по дороге рядом с больницей, мигающие в далеке праздничные огоньки, смеющихся детей на льду замерзшего пруда по соседству с небольшим парком.

Во всем этом есть какая-то простота. Некая свобода, отказывающиеся зудом в кончиках пальцев.

Помню как мы с Джейсоном катались на замерзшем пруду, через улицу от его дома, как холод пробирал до костей. Мы играли там часами, соревновались, кто проедет дальше, не упав, кидались друг в друга снежками, делали снежных ангелов.

Ни минуты на скуку, и так до тех пор, пока не появлялась мама и не затаскивала меня домой.

В больничном дворе мелькает свет. Я смотрю вниз и в палате на третьем этаже вижу девушку с наушниками за ноутбуком. Вглядываясь в экран, она что-то печатает.

Минутку. Я присматриваюсь. Стелла. Холодный ветер треплет волосы, и я, не сводя с нее глаз, натягиваю капюшон.

Чем она так занята в субботний вечер?

На тех видео Стелла совсем другая. Что изменилось? Неужели дело в этом? В больнице? Таблетки, процедуры, белые стены... они давят на тебя и душат медленно, день за днем.

Я встаю, балансируя на краю крыши, и смотрю вниз, на двор, лежащий

семью этажами ниже, на мгновение представляя невесомость, абсолютное забвение падения. Вижу, как Стелла поднимает голову, смотрит в окно, и наши взгляды встречаются в тот самый миг, когда порыв ветра вышибает из меня дух. Пытаюсь вдохнуть, но мои дермовые легкие втягивают лишь кровь и кислорода. Воздух застревает в горле, и меня сотрясает приступ кашля.

Грудная клетка вопит от боли, кашель выбивает из легких остатки воздуха, глаза начинают слезиться.

Справиться с кашлем в конце концов удастся, но...

Голова идет кругом, в глазах темнеет.

Меня шатает. Я пытаюсь сфокусировать взгляд на красной двери аварийного выхода, на крыше, хоть на чём-нибудь. Смотрю на руки, приказываю тьме рассеяться и понимаю, что пропасть за краем крыши всё ещё рядом, что до нее лишь дюйм.

ГЛАВА 5

СТЕЛЛА

Дверь хлопает, и я, застегивая на ходу куртку, несусь по ступенькам на крышу. Сердце колотится, стучит в ушах, и я едва слышу за спиной собственные шаги.

Безумец.

Перед глазами он - стоит на краю крыши и, кажется, вот-вот сорвется, улетит навстречу смерти, а на лице, в каждой черточке, - страх. Ничего похожего на ту самодовольную ухмылку.

Хрипя и задыхаясь, минуя пятый этаж я останавливаюсь на секунду перевести дыхание. Хватаюсь потными руками за холодные металлические перила. Смотрю вверх. Кружится голова, и горло жжёт огонь. Я не успела даже перехватить портативный кислородный концентратор. Всего два этажа. Ещё два этажа. Заставляю себя идти, командую ногам: левая, правая, левая, правая...

Вот наконец дверь на крышу. Чуть приоткрыто. И ярко-красная, готовые работать кнопка тревоги.

Я замираю в нерешительности. Смотрю на дверь, смотрю на кнопку и снова на дверь. Почему не сработала сигнализация? Что-то сломалось?

Вот оно что. Помешала сложенная банкнота. Это из-за неё не завывла сирена, оповещающая всю больницу о том, что какой-то чокнутый с кистозным фиброзом и суицидальными наклонностями выбрался на крышу.

Я качаю головой. Сумасшедший, но не дурак. Двери держит бумажник, и я протискиваюсь в щель, предварительно убедившись, что банкнота осталось на месте. Останавливаюсь и впервые, преодолев сорок восемь ступенек, вдыхаю по-настоящему.

Я оглядываю крышу, и от сердца отлегает. Он всё-таки отошел от края на безопасное расстояние и не свалился во двор. Поворачивается и с удивлением смотрят на меня. Холодный ветер покусывает лицо и шею; я затягиваю потуже красный шарф и, убедившись, что бумажник на месте, решительно направляюсь к безумцу.

- Жить надоело? - кричу я останавливаясь на безопасной, два с лишним метра, дистанции. Не знаю, как ему, но мне уж точно умирать не хочется.

Щёки и нос у него покраснели от холода, на волнистых каштановых волосах и капюшоне бордовой толстовки лежит тонкий слой снега. Может, не такой уж и придурок?

Я бы, наверное, даже убедила себя в этом, но тут он снова открывает рот.

Пожимает плечами, кивает туда, где только что стоял на краю крыши:

- У меня легкие, как тост. Так что, пока есть возможность, любуюсь видами.

Как поэтично.

И почему я только ожидала чего-то другого? Вдалеке мигает огнями ночной город. На каждом дереве, на каждой ветке сияют праздничные огни, такие яркие, каких я и не видела раньше. С наступлением темноты парк ожил, засверкал. Кое-где протянутые между деревьями гирлянды образуют волшебные дорожки, под которыми можно прогуляться, взирая восхищенно вверх.

За всю время здесь я ни разу не была на крыше. Чувствую, что начинаю замерзать, и запахиваю поплотнее куртку, обхватываю себя руками, чтобы не дрожали, и поворачиваюсь к нему:

- Какой бы ни был вид, но зачем так рисковать? Это же седьмой этаж. - В самом деле, что такое нашло на него, что он, с больными лёгкими, отправился в зимнюю ночь на крышу?

Его голубые глаза вспыхивают и мой желудок словно подпрыгивает.

- Ты когда нибудь видела Париж с крыши? Или Рим? Ты хотя бы здесь раньше бывала? По сравнению с этим весь курс лечения просто дерьмо.

- Лечение - дерьмо? - я делаю два осторожных шага. Теперь между нами полтора метра. Ближе нельзя. - Мы и живы только благодаря этому дерьму.

Он фыркает и закатывает глаза:

- Из-за него мы здесь, а не там, где настоящая жизнь.

Начинаю закипать:

- Ты хотя бы понимаешь, как тебе повезло? Какой шанс ты получил, попав в группу испытуемых? Но нет, считаешь, что так и должно быть. Ты просто избалованный засранец.

- Подожди-ка. Ты как узнала, что я в группе испытуемых? Расспрашивала обо мне?

Я не отвечаю и гну свое:- Если тебе на все наплевать - уходи. Уступи место другому, кому-то, кто хочет жить.

Между нами падает снег. Падает и исчезает в пыли у нас под ногами. Мы молча смотрим друг на друга, потом он пожимает плечами и отступает на шаг. Ближе к краю.

- Ты права. В том смысле, что я все равно умираю.

Смотрю на него и не могу понять. Это ведь не так, да? Он не умирает.

Еще шаг. И ещё. Свежий, только что выпавший снег хрустит под ногами. Он смотрит на меня как будто с вызовом - мол, давай, скажи что-нибудь, останови. Позови.

Еще ближе к краю. Еще...Я резко втягиваю воздух, и холод скребет легкие, словно коллочками. Он уже стоит на одной ноге, занеся другую над пропастью. Горло сжимается. Так нельзя...

- Уилл! Нет! Остановись! - кричу я и делаю шаг к нему. Сердце колотится в ушах.

Он останавливается. Еще одно движение, один шаг и...

Мы смотрим друг на друга в тишине, и я вижу любопытство в его глазах. Какой-то странный интерес. А потом он вдруг начинает смеяться, нет, хохотать. Громко, исступленно, как сумасшедший.

- Боже мой. Это выражение у тебя на лице - оно бесподобно. «Уилл! - передразнивая меня, кричит он. - Нет, остановись!»

- Ты что, издеваешься надо мной! Зачем так делать? Упасть и разбиться насмерть - это не шутка! - Меня трясет. Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Отворачиваясь, пытаюсь унять дрожь.

- Да перестань, Стелла! - кричит он мне в спину. - Я же просто дурачась.

Я толкаю дверь и переступаю через бумажник. Не хочу оставаться рядом с ним. И вообще, какое мне до него дело? Чего меня только понесло сюда, с третьего этажа на седьмой? Проверить, всё ли в порядке? Я сбегая по первым ступенькам и вдруг понимаю, что забыла натянуть маску.

Забыла взять ее, когда уходила из комнаты.

Я замедляют шаг, а потом и вовсе останавливаюсь. А что, если?..

Возвращаюсь к двери. Осторожно вытаскиваю из-под сигнализации сложенный доллар, прячу его в карман и торопливо спускаюсь на третий этаж.

Прислонившись к кирпичной стене, я перевожу дух, снимаю куртку, стягиваю шарф и иду к себе в комнату, как будто только что побывала в отделении неонатальной терапии. Где-то вдалеке срабатывает сигнализация - это Уилл открывает дверь, чтобы вернуться, и её визг летит по лестничному колодцу и эхом разносится по этажу.

Губы сами растягиваются в улыбке.

Джули бросает на стол синюю папку с историей болезни и, качая удрученно головой, бормочет:

- Ну зачем понесло на крышу, Уилл?

Приятно осознавать, что он с ума сводит не только меня одну.

Я смотрю в окно - в тусклом свете фонарей падает снег, и в коридоре после всей суматохи - Уилл целый час выслушивал упрёки и замечания - наконец-то стихло. На часах всего лишь восемь вечера, а значит, у меня куча времени, чтобы поработать над пунктом 14 «Подготовить приложение для бета-тестирования» и пунктом 15 «Закончить таблицу для диабетиков» из списка запланированных на сегодня дел.

Прежде чем взяться за дело, быстренько просматриваю страничку в Фейсбуке и вижу появившееся уведомление о запланированном на пятничный вечер турнире по пляжному волейболу в Кабо. Кликаю по странице и убеждаюсь что они воспользовались моим описанием, составленным еще в те времена я когда я занималась организацией поездки. Даже не знаю, радоваться мне или огорчаться. Прокручиваю список участников и натываюсь на фотографии Камилы, Мии и Мейсона (теперь уже без Брук), за которыми следуют ещё с полдюжины ребят из нашей школы, которые тоже решили поучаствовать в турнире.

Начинает звонить айпад - входящий от Камилы. Как будто догадались, что я думаю о них. Улыбаюсь, хватаю телефон и... жмурюсь от бьющего в лицо яркого солнца и сияющего белого песка.

- Так и быть, я официально завидую! - говорю я, когда на экране появляется загорелое лицо Камилы.

Из-за ее плеча выныривает Миа с задорно подпрыгивающими пружинистыми кудряшками. На ней тот самый купальник в горошек, выбрать который я помогла ей перед отъездом, но, конечно, ей сейчас не до любезностей.

- Красавчики у тебя там есть? И не смей говорить...

- Только По, - тянем мы одновременно.

Камила пожимает плечами и поправляет очки.

- По - зачетный. Он - красавчик!

Миа фыркает и тычет подругу локтем в бок.- Вот уж ты ему тысячу раз неинтересна.

Камила шутливо шлёпает ее по руке и вдруг замирает, смартиваясь с прищуром а меня:- Боже мой. Неужели? Стелла, у тебя так красавчик завелся?

Я закатываю глаза.

- Никакой он не красавчик.- Он! - обе визжат от восторга, и я чувствую, что вот сейчас на меня обрушится водопад вопросов.

- Мне пора! Поговорим завтра! - не обращая внимания на протесты, я заканчиваю разговор. Эпизод на крыше еще слишком свежий, чтобы говорить о нем сейчас. Передо мной снова страница с пляжной вечеринкой. Курсор подрагивает над вариантом «Не пойти», но я не могу себя заставить кликнуть, поэтому просто закрываю страницу и открываю «Визуэл студио» и проект, над которым работаю. Начинаю разбираться со строчками и чувствую, как расслабляются мышцы. Нахожу ошибку в строке 27, где вместе с я поставила x в значении переменной и отсутствие знака равенства в строке 182. Не считая этого, приложения наконец-то готово к бета-тестированию. Даже не верится. Решаю отметить такое событие стаканчиком пудинга.

Пытаюсь закончить таблицу дозировки для диабетиков, входящую в состав другой, крупноформатной таблицы наиболее распространенных хронических заболеваний и учитывающую возраст, вес и способы лечения. Но вскоре ловлю себя на том, что взгляд просто скользит по пустым колонкам, пальцы отстукивают что-то на краешке ноутбука, а мысли гуляют далеко-далеко.

Сосредоточиться.

Вычеркиваю из списка запланированных дел пункт 14 и пытаюсь обрести состояние покоя и спокойствия, приходящее обыкновенно вместе с окончанием той или иной работы, но сегодня ничего не получается. Карандаш парит над пунктом 15, а я перевожу взгляд с пустых колонок на фразу «Закончить таблицу дозировки для диабетиков».

Не закончила.

Бросаю ноутбук на кровать. Я не нахожу себе места, что то тревожит и беспокоит. Поднимаюсь, подхожу у окну, поднимаю жалюзи.

Смотрю на крышу, на то место, где недавно стоял Уилл. Знаю, когда я поднялась туда он вел себя как обычно, но мне и в голову не могло прийти, что он так раскашляется и испугается.

Мистер Смерть-Придет-К-Нам-Всем не хотел умирать.

Иду к медецинской тележке - может быть, успокоиться поможет переход к следующему пункту: «Вечерний прием лекарств». Постукивая пальцем по металлическому корпусу тележки, смотрю на море пузырьков, перевожу взгляд на крышу и опять на пузырьки.

А принимает ли он вообще лекарства?

Барб, наверно, может заставить его делать это, но отследить каждую дозу она не в состоянии. Может, повесить на него «Аффловест», ни не

будет же она стоять рядом с ним все полчаса.

Весьма вероятно, что Уилл просто-напросто не выполняет все предписания.

Я выпиваю лекарства и навожу порядок на тележке, двигая пузырьки с место на место, но их названия путаются и смешиваются. Не могу успокоиться, зато чувствую, как нарастают недовольство, раздражение и злость.

Пытаюсь повернуть крышечку на пузырьке с муколитиком, кручу, жму изо всех сил.

Я не хочу, чтобы он умер.

Мысль эта взбирается на вершину холмика разочарования и решительно водружает там победный флаг. Это так неожиданно, что я и сама не понимаю, в чем дело. Просто вижу, как Уилл идет к краю крыши. И пусть даже он худший из...

Я не хочу, чтобы он умер...

Резко поворачиваю крышечку, и она летит на пол, а таблетки рассыпаются по тележке. Ставлю пузырек на место, но при этом так хлопаю рукой, что таблетки снова подпрыгивают.

- Да пошло оно!

ГЛАВА 6

УИЛЛ

Открываю двери и с удивлением вижу, как Стелла отступает к противоположной стене коридора. Я-то думал, что после моего вчерашнего номера она еще как минимум неделю будет обходить меня за сто шагов. Сегодня на ней четыре медицинские маски и две пары перчаток. Пальцы вцепились в пластиковый поручень на стене. Она проходит, и я ловлю аромат лаванды.

Пахнет приятно. Возможно, мой нос соскучился по чему то, кроме дезинфицирующего раствора.

- Ты что, в проктологи подалась? - усмехаюсь я.

Стелла бросает на меня ледяной взгляд и, наклонившись, заглядывает в палату. Интересно, что ее там привлекло? Я оборачиваюсь. Книги по искусству, жилет «Аффловест» на спинке кровати - я сбросил его сразу, как только ушла Барб, - скетчбук. И больше ничего.

- Я так знала, - изрекает она наконец, как будто только что нашла ответ на одну из загадок Шерлока Холмса. Протягивает руку. - Дай-ка посмотреть твой режим дня.

- Ты ведь шутишь, да?

Мы смотрим друг на друга в упор, и взгляд ее карих глаз пронзает меня насквозь. Я силюсь ответить ей тем же, отпугнуть, но скука не мой союзник, и любопытство берёт верх. Закатываю глаза и поворачиваюсь, готовый перевернуть все вверх ногами ради этого треклятого листка, вполне возможно, уже оказавшегося в мусорной корзине.

Отодвигаю в сторону журналы, проверяю под кроватью, листаю страницы скетчбука и даже демонстративно поднимаю подушку. Ничего.

Я выпрямляюсь, поворачиваюсь и качаю головой:

- Не нашел. Извини. Пока и до скорого.

Стелла, однако, не уходит, но складывает руки на груди, показывая, что намерена стоять до конца.

Ничего не поделаешь. Продолжаю поиски. Обшариваю палату глазами,

а Стелла по-прежнему мается в коридоре и только нетерпеливо постукивает ногой. Бесполезно.

Наконец замечаю на тумбочке блокнот, из которого выглядывает краешек аккуратно вложенного листка. Наверно, туда его спрятала мама, так что печальной судьбы оказаться в корзине он избежал.

Вытаскиваю листок, иду к двери и протягиваю его Стелле.

- Вообще-то тебя это никак не касается и...

Она выхватывает листок и тут же отступает и вжимается спиной в стену. Вижу, как она мрачнеет, глядя на аккуратные колонки и ряды, которые я, пока мама разговаривала с доктором Хамид, превратил в карикатуру в стиле «Донки Конг». На информации по дозировке установлены лестницы, вокруг названий лекарств катятся бочонки, в левом углу, рядом с моей фамилией, попавшая в беду дамочка вопит «ПОМОГИТЕ!»

- Здорово, да?

- Что... как ты мог... зачем?

Ясно, она моего энтузиазма не разделяет.

- Это так выглядит аневризма? Мне позвать Джули?

Она сует мне бумажку обратно в руки, а ее лицо темнеет от гнева.

- Эй. - Я поднимаю руки.

- Понимаю, у тебя комплекс спасительницы мира, но ты меня лучше оставь в покое.

Стелла качает головой:

- Уилл. Курс лечения назначают. И лекарства назначают. Нельзя самому решать, что делать, а что нет.

- Наверно, поэтому они мне их чуть ли в горло не суют. - Хотя, сказать по правде, все, что угодно может быть опциональным - надо только найти креативный подход.

Стелла качает головой, всплескивает руками и, сорвавшись с места, устремляется по коридору.

- С тобой чокнуться можно!

Удивительно, но в голове вдруг всплывают слова доктора Хамид. «Держаться на удалении, так, чтобы исключить возможность прикосновения. Ради их и твоей безопасности». Из коробки, которую оставила перед дверью Джули, беру маску, засовываю в карман и спешу за Стеллой.

На ходу бросаю взгляд на невысокого парня с темными волосами, острым носом и еще более острыми скулами. Высунувшись из палаты 310, он с любопытством таращится на меня.

К лифту Стелла приходит первой и, войдя в кабину, поворачивается и нажимает на кнопку. Я делаю шаг вперёд, но она выставляет руку.

- Полтора метра.

Черт.

Дверцы закрываются, я остаюсь. Притоптывая в нетерпении ногой, снова и снова жду кнопку вызова. Лифт неторопливо поднимается на пятый этаж и так же медленно возвращается. Я опасливо оглядываюсь - на сестринском пункте пока никого, - быстренько проскальзываю в кабину и жму кнопку. В металлической стене вижу свое мутное отражение, вспоминаю про маску и торопливо ее надеваю.

День-день. Створки лениво расходятся, и с деловым видом иду по коридору, а потом по переходу направляюсь к восточному входу в отделение неонатологии, обгоняя по пути нескольких врачей. Они явно спешат по какому-то своему делу, так что меня никто не останавливает. Осторожно толкаю дверь и замечаю Стеллу. Я уже открываю рот чтобы спросить, что это все, черт возьми, значит, но меня останавливает хмурое и серьезное выражение ее лица. Она смотрит на ребенка, трубок и проводов на котором больше, чем рук и ног.

Его крохотная грудь тяжело поднимается и опадает. Дышится ему явно с трудом. Я чувствую, как бьётся в груди мое собственное сердце, как напрягаются легкие, пытаюсь напитаться воздухом после сумасшедшего забега по больнице.

- Малышка борется за жизнь, - говорит наконец Стелла, поймав мой взгляд в стекле. - Она ещё не знает, что ее ждет впереди и почему она борется. Это просто... инстинкт. Она хочет жить, Уилл.

Инстинкт.

Я этот инстинкт утратил давно. Может быть, в моей пятидесятой больнице, в Берлине. Может быть восемь месяцев назад, когда подхватил В. сераси́а и меня вычеркнули из очереди на трансплантат. Таких случаев было немало.

Я стискиваю зубы:

- Послушай, ты выбрала не того парня для вдохновенной речи...

- Пожалуйста. - она останавливает меня, поворачивается, и я с удивлением обнаруживаю на ее лице отчаяние. - Мне нужно, чтобы ты соблюдал режим, выполнял все предписания. Полностью и неукоснительно.

- Я, кажется, плохо тебя расслышал. Ты сказала... пожалуйста? - Разговор получается серьезный, а мне этого совсем не надо. Но выражение на ее лице остаётся тем же. Я качаю головой и подхожу ближе, но не

близко. Что-то случилось. - О'кей. И всё-таки что здесь на самом деле происходит? Смеяться не буду.

Стелла вздыхает и отступает на два шага:

- У меня... проблемы по части контроля. Мне нужно знать, что все в порядке, все идет как и должно.

- И что? Меня-то это каким образом касается?

- Я знаю, что ты не выполняешь предписания. - Она прислоняется к стеклу и смотрит на меня. - И меня это бесит. Невыносимо бесит.

Я откашливаюсь и смотрю на беспомощную малышку по ту сторону стекла. Что-то во мне шевелится, какое то непонятное чувство вины, хотя с чего бы?

- Да... ну, был бы рад тебе помочь, но... То, о чем ты просишь... - Я качаю головой, пожимаю плечами. - Э, даже не знаю как.

- Чепуха. - Стелла топает ногой. - Все больные кистозным фиброзом знают, как и что нужно делать. К двенадцати годам мы практически сами уже доктора.

- Даже избалованные засранцы? - бросаю я и срываю маску. Мой комментарий бьет мимо цели и совсем ее не забавляет. На лице то же страдальческое выражение. Не знаю, в чём именно проблема, но что то грызет ее изнутри. И дело тут не только в стремлении к контролю. Я перевозжу дух. Ладно, хватит валять дурака.

- Ты серьезно? Я тебе жить мешаю?

Стелла не отвечает, и мы стоим, молча глядя друг на друга, и в какой то момент между нами возникает что то вроде молчаливого понимания. Я отступаю на шаг и в качестве жеста применения надеваю маску и прислоняюсь к стене.

- О'кей. Пусть так. И если соглашусь, что мне с этого будет?

Она смотрит на меня прищурившись, кутаясь в свою лилово-серую толстовку. Я не спускаю с нее взгляда: смотрю, как её волнистые волосы падают ей на плечи, а в глазах отражается всё, что она чувствует.

- Хочу нарисовать тебя, - вырывается у меня прежде, чем я успеваю остановиться.

- Что? - Стелла упрямо качает головой. - Нет.

- Почему нет? Ты красивая.

Черт. Вырвалось. Она смотрит на меня удивленная и, если только мне это не кажется, немного довольная.

- Спасибо, но нет.

Я пожимаю плечами и иду к двери:

- Значит, не договорились.

- А ты не можешь попробовать приучить себя к дисциплине? Соблюдать режим? Даже для спасения собственной жизни?

Я останавливаюсь. Смотрю на неё. Неужели не дошло?

- Мою жизнь уже не спасти. Как и твою. - поворачиваюсь и бросаю через плечо. - В этом мире все дышат воздухом, взятым взаймы.

Открываю дверь в коридор, и тут меня настигает ее звонкий голос:

- Эй, ладно!

Вот так неожиданность. Я замираю, и дверь со щелчком закрывается.

- Но только не обнаженной, - добавляет Стелла и снимает маску. Ее губы складываются в подобие улыбки. Первой улыбки, предназначенной мне. Вот так пошутила.

Стелла Грант отпускает шуточки.

Я смеюсь и качаю головой:

- Я так и думал, что ты найдешь способ лишить меня удовольствия.

- И не рассчитывай, что я буду позировать часами. - Она снова смотрит на малышку за стеклом и уже серьезно добавляет: - Насчёт моего режима. Будет по-моему.

- Заметано, - отвечаю я. Похоже, что бы она не имела в виду под этим «по-моему», покоя мне не видать. - Я бы сказал по рукам, но...

- Как смешно. - Стелла кивает в сторону двери. - Первым делом приготовь медицинскую тележку у себя в комнате.

Салютую:

- Слушаюсь. Медицинскую тележку в комнате. Я открываю дверь, дарю ей широкую улыбку напоследок и с этой улыбкой шествую до самого лифта. На ходу достаю телефон посылая сообщение Джейсону:

Вот так, чувак: с той девочкой, о которой я тебе рассказывал, у меня теперь перемирие.

Джейсон, когда я рассказал ему про вчерашний случай с тревогой, только что по полу не катался от смеха.

Ответ приходит быстро и застает меня в лифте, уже на третьем этаже.

Ты, должно быть, сразил ее своей красотой. Уж точно не обаянием.

Убираю телефон в карман и прежде чем выскользнуть из кабины, выглядываю из-за угла, проверяю, есть ли кто на сестринском посту. И тут же вздрагиваю - в палате с открытой дверью что-то с грохотом рушится на пол.

- А, черт, - доносится незнакомый голос.

Заглядываю и вижу того темноволосого парня, которого уже заприметила раньше. Во фланелевых пижамных штанах и футболке «Food Network» бедняга сидит возле упавшего скейтборда, потирая ушибленный

локоть. Похоже, ещё не пришёл в себя после падения.

- Ну вот. - Он поднимается сам и поднимает скейт. - Самое главное ты пропустил.

- Ты здесь трюки репетируешь?

Он пожимает плечами:

- Ломать ногу безопаснее места нет. К тому же Барб только что сменилась.

Верно сказано.

- С логикой не поспоришь, - смеюсь я и поднимаю приветственно руку.

- Я - Уилл.

- По, - с ухмылкой отвечает он.

Мы подтягивание стулья и садимся друг напротив друга, он у своей двери, я - у своей. Приятно поболтать с человеком, который не злится на тебя и постоянно не командует.

- Каким ветром занесло в Сейнт-Грейсиз? Раньше я тебя здесь не видел. Мы со Стелл знаем практически всех, кто здесь бывает.

Стелл? Они так близки? Откидываюсь на спинку стула. Бомба у меня есть, только вот бросить надо осторожнее.

- Экспериментальный курс лечения. У меня В. серасiа.

Обычно я не откровенничаю с больными на эту тему, потому что люди сразу же начинают избегать меня как чумы, Но мой новый знакомый остаётся на месте, только вот катает ногой скейт - туда-сюда, туда-сюда.

- Месяцев восемь назад. - Вспоминаю, как проснулся однажды утром и обнаружил, что дышать стало труднее, чем раньше, а потом так закашлялся, что и остановиться не мог. Мама, постоянно прислушивавшаяся к каждому моему вдоху, сразу же отвезла меня в клинику - сдать анализы и пройти тесты. До сих пор помню, как цокали ее каблуки, когда она везла меня в каталке, словно главный врач, раздавая приказы направо и налево.

Тревога овладела ею ещё до получения результатов. Она всегда чрезмерно остро реагировала на кашель или одышку, не пускала меня в школу или заставляла поменять планы ради дополнительной консультации или беспричинного визита в клинику.

Однажды, в третьем классе, я закашлялся во время нашего хорового выступления, и она буквально остановила концерт, стащила меня со сцены и повезла проверить, всё ли в порядке.

Сейчас всё намного хуже, чем было. Больница за больницей. Один экспериментальной курс за другим. Каждую неделю еще одна, очередная, попытка решить проблему, вылечить неизлечимые. Минута без

капельницы или разговора следующем шаге - это минута, потраченная впустую. Но вернуть меня в список очередников на легочный трансплантат уже невозможно. А с каждой неделей моя легочная функция слабеет.

- Эта дрянь быстро цепляется. Казалось, вот только что был в первых номерах списка на трансплантацию, и вдруг... - Я прокашливаюсь, стараясь не выказать разочарования, и пожимаю плечами. - Вот так.

Какой смысл заикливаться на том, что могло бы быть?

По фыркает:

- Теперь понятно, что именно такое отношение... - копируя меня, он пожимает плечами и дергает головой, как будто отбрасывает волосы, - и сводит Стеллу с ума.

- Ты, кажется, хорошо ее знаешь. Что с ней такое!ю? В чем проблема? Мне она сказала что у нее бзик такой - все контролировать...

- Называй это как хочешь, но Стелла держит себя в руках. - Он перестает катать скейт и улыбается. - Мне она точно не дает распускаться.

- Любит командовать.

- Нет, она и есть командир. - Судя по выражению у него на лице, именно это он и имеет в виду. - Ей тоже несладко пришлось, через многое прошла.

Теперь уже любопытно мне. Смотрю на него, прищурившись.

- А вы с ней не...

- Не спим ли мы с ней? - По откидывает голову и хохочет. - Нет, друг, нет. Нет, нет, нет!

Что то сомнительно. Она - симпатичная и явно ему нравится. Трудно поверить, что он ни разу даже не попытался подкатить.

- Я это к тому, что во-первых, мы оба с кистозным фиброзом. А значит, никаких прикосновений. - По смотрит на меня расчетливо. - На мой взгляд, секс не стоит того, чтобы умирать из за него.

Я хмыкаю и качаю головой. В этом крыле все, похоже, одинаковые в этом смысле. Здесь каждый думает, что если у тебя болезнь или какое-то расстройство, то ты уже типа святой.

Полная чушь.

Болезнь, как ничто другое, могла бы пойти на пользу моей сексуальной жизни. Кроме того, одно из преимуществ постоянного перемещения с места на место состоит в том, что никакие чувства просто не успевают появиться. Джейсон, как кажется, вполне доволен, что у них с Хоуп все складывается, но мне серьезные отношения уж никак не нужны.

- Во-вторых, она - мой самый лучший друг уж и не помню с каких времен, - продолжает По, возвращая меня к сути разговора, и его глаза

подозрительно блестят.

- А я то думал, ты её любишь, - поддразниваю я.

- Да, черт возьми, я ее просто обожаю. - Он говорит это так, как будто никаких сомнений и быть не может. - Ради нее я бы на раскаленные угли лег или отдал свои дерьмовые легкие, если б они хоть чего-то стоили.

Черт. Мне даже становится как-то не по себе от ревности.

- Ну, тогда я чего-то не понимаю. Почему ты...

- Потому что она не он, - обрывает меня По. Секунду-другую я тупо смотрю на него, а потом прыскаю со смеху и качаю головой:

- Что ж ты с самого начала не сказал?

Сам не понимаю, откуда это чувство облегчения, но оно очевидно. Взгляд падает на маркерную доску, висящую прямо на двери, и нарисованное на ней большое сердечко.

Если Стелла хочет, что бы я жил, должно быть она не так уж и сильно меня ненавидит, верно?

ГЛАВА 7

СТЕЛЛА

- Дайте мне десять минут, - говорю я и закрываю дверь, оставляя Уилла и По в коридоре. Пока моё приложение загружается на его телефон, я оглядываю комнату и замечаю лежащую на кровати записку, в которую подсунула под его дверь сегодня утром.

Сообщи, когда приготовишь медтележку. (718) 555 3295. Я приду и все устрою.

Я знала, что это будет непросто, тем более что отношения у Барб и Уилла явно не сложились, а значит, защищать его она бы не стала, но он ухитрился шагнуть выше и каким-то образом очаровать доктора Хамид. Понимаю записку и замечаю в уголке рисунок: карикатурная, с сердитым лицом Барб в узнаваемом ярком халате толкает медицинскую тележку и кричит: СМОТРИТЕ, ЧТОБЫ Я НЕ ПОЖАЛЕЛА ОБ ЭТОМ!

Я качаю головой и невольно улыбаюсь. Потом возвращаю записку на место и подхожу к медицинской тележке. Переставляю несколько пузырьков, проверяю, ещё раз, всё ли расположено в хронологическом порядке, в соответствии с тем, что я ввела в приложение после изучения изрисованного листка с назначениями.

Ноутбук продолжает загружать программу с сайта, ссылку на которую я прислала. Восемьдесят восемь процентов уже скачаны. Я жду, стараясь дышать пореже в этой насыщенной опасными микробами палате.

Из коридора доносится какой-то шум, и у меня сердце замирает от страха. Одергиваю руку от клавиатуры. Неужели нас поймали? Пожалуйста, пусть это будет не Барб. Только не Барб. Вообще-то она должна быть на обеде, но если вернулась и уже начала свою обычный понедельничный обход, то мне крышка.

Шаги Уилла, то приближаясь, то удаляясь, эхом отдаются в коридоре, и я, подкравшись на цыпочках, прижимаюсь к двери ухом. Голосов только два, и у меня отлегает от сердца.

- Ты ведь все там вытер? - спрашивает По.

- Конечно. Даже два раза. На всякий случай, - отвечает Уилл.

Поправляю одноразовый хирургический халат, надетый на одноразовую больничную форму, распахиваю двери и смотрю на них через очки.

По разворачивается, стоя на своем скейте и удивленно смотрит на меня:

- Господи, Стелла. Я говорил, что ты отлично сегодня выглядишь?

Они переглядываются и в третий раз покатываются со смеху: такую реакцию вызывает у них мой самодельный костюм биологической защиты.

Я хмурюсь и бросаю взгляд в коридор.

- Чисто?

По отталкивается и медленно катится на скейтборде по коридору, мимо сестринского поста, и, заглянув за стол, поднимает два больших пальца.

- Ты только побыстрее.

- Почти закончила! - я возвращаюсь в комнату и закрываю за собой дверь.

Смотрю на медицинскую тележку и довольно вздыхаю - как же тщательно и методично всё организовано. Ну тут на глаза мне попадает стол со стоящим на нем ноутбуком, и настроение падает - там далеко не всё идеально. Я подхожу к нему, беру несколько цветных карандашей и ставлю их в стаканчик для карандашей, в котором и есть их законное место. Поправляю журналы и скетчбуки, убеждаюсь, что они разложены по размеру, и тут же на пол падает какая-то бумажка.

На листке карикатурный мальчишка, похожий на Уилла, с парой воздушных шаров. С покрасневшим от усилий лицом он старается заполнить воздухом сдувшиеся лёгкие. Подпись под рисунком гласит: «Просто дыши».

Я улыбаюсь. Вот это действительно хорошо.

Протягиваю руку и, как делаю обычно с рисунками Эбби, осторожно провожу пальцем лёгкие Уилла. Потом перехожу на подбородок, скажу по непокорным кудрям, легко касаюсь голубых глаз и заканчиваю путешествие на той самой бордовой толстовке, в которой он был на крыше.

Не хватает только улыбки. Я смотрю на стену. Всё, что у него есть, это старый рисунок прямо над кроватью. Беру из коробочки кнопку и припиливаю его карикатуру к стене, под рисунком.

Ноутбук издает негромкий сигнал, и я быстро отвожу руку. Загрузка закончена. Оборачиваюсь, иду к столу и отключаю его телефон. Всё собираю, выхожу в коридор и протягиваю телефон настоящему, а не нарисованному Уиллу. Он тянет правую руку, левой старается поправить маску.

- Приложение разработано для хронических заболеваний. Медицинские графики, таблицы. - Я поднимаю небрежно плечами. - Будет предупреждать, когда нужно принимать лекарство и делать процедуры. Если...

- Подожди. - перебивает меня он и, оторвав глаза от телефона, с удивлением и недоверием смотрит на меня своими голубыми глазами. - Вот так вот взяла и разработала?

- Экстренный выпуск новостей! Девушки умеют программировать.

Его телефон звенит и на экране появляется анимированный пузырек с таблетками.

- Ивакафтор. Сто пятьдесят миллиграммов, - говорю я и ловлю себя на том, что и сама чувствую себя лучше. Поднимаю голову - Уилл впервые смотрит на меня без насмешки. Похоже, мне удалось произвести на него впечатление. Хорошо. - Приложение у меня настолько простое, что в нем даже мальчики могут разобраться.

Я поворачиваюсь и легкой походкой, уверенно покачивая несуществующими бедрами, направляясь в туалет в другом конце коридора. Свет вспыхивает, как только я закрываю за собой двери. Стягиваю перчатки, хватаю дезинфицирующие салфетки и тщательно вытираю руки. Не один, а целых три раза. Медленно выдыхая, снимаю всё, что на мне есть: тапочки, маску, шапочку, халат и больничную форму. Запихиваю всё в корзину, утрамбовываю, накрываю крышкой и возвращаюсь к раковине.

По коже бегут мурашки. Чувствую себя так, словно В. серасиа пытается каким-то образом проскользнуть в меня и съесть изнутри.

Я поворачиваю кран, и горячая вода с шумом устремляется в раковину. Держась за гладкий фаянс, стою в одном белье смотрю на себя в зеркале. На груди и животе с полдюжины шрамов от хирургических операций, ребра при дыхании норовят пробить кожу, острый угол ключицы выглядит резче при тусклом свете. Покраснение вокруг гастроскопической трубки стало заметнее, что определенно указывает на начавшуюся инфекцию. Я слишком худая, вся в шрамах и... Встречаю в зеркале взгляд карих глаз.

Почему Уиллу захотелось написать мой портрет?

Голос эхом звучит в конце. «Красивая». Он назвал меня красивой, и мое сердце кувыркнулось, чего ему так не следовало делать.

Стекло мутнеет от пара, отражение теряет четкость. Я отворачиваюсь, взбиваю мыло в пену, тру ладони, запястья, лицо, смываю все в раковину. Потом, для верности, зачерпываю добрую порцию дезинфицирующего средства.

Я вытираю руки и лицо, открываю крышку второй мусорной корзины и достаю пакет с одеждой, который положила туда час назад, перед тем как идти в комнату Уилла.

Одевшись, я ещё раз смотрю в зеркало и осторожно, предварительно удостоверившись, что никто не видит, выхожу из туалета. Свежая как огурчик. Растянувшись на кровати, бросаю взгляд на список намеченных на понедельник дел, но вместо того чтобы заняться ими, просматриваю в телефоне социальные сети.

В Инстаграме Камилы новое видео. Камила, держа телефон над головой, со счастливым видом машет в камеру из каяка. За спиной у неё виднеется Миа с веслом в руках.

После секретной операции в комнате Уилла я только тем и занимаюсь, что собираю впечатления моих одноклассников о Кабо. Я уже побарахталась в кристально чистых, голубых водах с мелиссой, с Джуд ходила под парусом арки Кабо-Сан-Лукас. С Брук - вовсе не выглядевшей несчастной страдальницей - грелась под солнышком на пляже.

Я уже готова ещё раз обновить страницу, но тут в дверь стучат и в комнату просовывается голова Барб. Секунду-две она смотрит на мою медицинскую тележку, и я уже знаю, что за этим последует.

- Ты была в палате Уилла? У него все так организовано... удивительно знакомо.

Качаю головой - нет. Меня там не было. Делать невинный вид, притворяться паинькой и ждать, что Барб всё это купится, бессмысленно.

Ситуацию спасает ноутбук - раздаётся входящий звонок Фейстайм. На экране появляется По. На мгновение замираю, мысленно умоляю его не ляпнуть что-нибудь насчёт Уилла, потом разворачиваю ноутбук от себя.

- Посмотри, кто вернулся с обеда!

По тут же переводит взгляд на стоящую в дверях Барб и прикусывает язык, оставляя при себе заготовленные комментарии.

- О! А... Привет, Барб. - он прокашливается и начинает путаный и сбивчивый рассказ о грушах-фламбе, причём энтузиазм его понемногу слабеет. Улыбается и медленно закрывает дверь, а я наблюдаю за ней краем глаза, и сердце бьётся так, что гудит в ушах. Наконец замок щёлкает, и я медленно выдыхаю. По кивает.

- Слушай. Я понимаю, что ты делаешь. Мило. - Как обычно я он смотрит прямо в мою свихнувшуюся душу. - Но вся эта шутка с Уиллом... Ты действительно считаешь, что твой план самый лучший? Я к тому, что уж ты-то понимаешь все лучше многих.

Пожимаю плечами, потому что он, конечно, прав. Я действительно

понимаю всё лучше многих. Но при этом я хорошо знаю, как быть осторожной.

- Недели через две меня уже здесь не будет. Если махнет на все рукой, мне дела нет.

По вскидывает брови.- Уловка высший класс. Красиво получилось.

Он думает, что я влюбилась в Уилла. Влюбилась в самого язвительного и надоедливого - да ещё и заразного - парня из всех, кого я знаю.

Пора менять тему:- Никакая и не уловка! Уловки у тебя.

- Что ты имеешь в виду? - спрашивает он, хмурясь, потому что прекрасно все понимает.

- Спроси Майкла, - отвечаю я.

Он оставляет мою фразу без внимания и сразу же перескакивает на другое:

- Пожалуйста, только не говори мне, что ты в кои-то веки запала на парня, а он с такой же болячкой.

- Я всего лишь помогаю ему с лекарствами, и ничего больше. Хотеть кого-то и хотеть, чтобы кто-то жил, не одно и то же. - в моем голосе слышится раздражение.

Уилл несколько меня не интересуется. И стремления к смерти я у себя не наблюдаю. А если бы мне уж так хотелось встречаться с каким-нибудь придурком, то и их и без КФ^[3] вполне хватает. Есть из кого выбрать. Так что всё это просто смешно.

Или нет?

- Ой, да для тебя уже пилюли раскладывать - уже прелюдия. - Он внимательно наблюдает за мной, пытаюсь определить, вру я или нет. Я закатываю глаза и захопываю ноутбук, прежде чем это сможет выяснить каждый из нас.

- Ну и манеры! - доносится из коридора громкий и раздраженный голос По и вслед за этим через несколько секунд хлопает дверь этой палаты.

На столе гудит и вибрирует телефон. Поднимаю и вижу сообщение от Уилла.

Голубки поссорились?

Сердце снова кувиркается, но я морщусь нос и уже собираюсь удалить сообщение, но на экране появляется четырехчасовое напоминание о жилете, сопровождаемое анимированным танцующим пузырьком. Я кусаю губу. Уилл получил такое же уведомление, но выполнит ли он процедуру?

ГЛАВА 8

УИЛЛ

Аккуратно зашприховываю волосы Барб и, отстранившись, рассматриваю рисунок, на котором она изображена с вилами в руках. Довольно киваю, и тут же на столе начинает шумно вибрировать телефон. Рядом с ним пританцовывают цветные карандаши. Стелла. Звонит по Фейстайму. Тянусь к компьютеру, ставлю на паузу песню «Пинк Флойд», поворачиваюсь и отвечаю на звонок.

- Так я и знала! - Она смотрит на меня с экрана. - Где твой жилет? Тебе полагается не снимать его еще целых пятнадцать минут. Дальше. Ты принял «креон»? Держу пари, не принял.

- Извините, номер, по которому вы позвонили, больше не обслуживается. Если вы попали на эту запись по ошибке...

- Тебе нельзя верить, - перебивает Стелла. - А потому дальше будем работать по-другому. Прием лекарств и процедуры проходим вместе, чтобы я точно знала, что ты не обманываешь.

Я сую за ухо карандаш, которым только что пользовался, и изображаю холодное спокойствие и полнейшее равнодушие:

— Чего только не придумает, чтобы провести со мной побольше времени.

Она дает отбой, и в какой-то миг - я мог бы поклясться, что мне это не привиделось, - на ее губах мелькает улыбка. Интересно.

Следующие два дня мы много общаемся по Скайпу, и, как ни странно, она не только отдает приказы, но и показывает свои приемчики: например, как принимать лекарства с шоколадным пудингом. Чертовски гениально. И вкусно. Мы дышим небулайзером, ставим капельницы, отмечаем прием лекарств и процедуры. Стелла была права. Уж не знаю почему, но она действительно успокаивается и расслабляется, когда видит, что я выполняю все требования режима. Мало-помалу ее тревожность рассеивается.

Не стану врать, уже сейчас, хотя прошло только два дня, вставать по

утрам заметно легче. На второй день, после полудня, я надеваю «Аффловест» и чуть не подскакиваю от неожиданности, когда в палату вваливается Барб, готовая, как обычно к четырехчасовой перепалке из-за процедуры. В этих схватках победа всегда остается за ней, потому что она грозит изолировать меня от мира, но и я не оставляю попыток сопротивляться.

Я захлопываю ноутбук, обрывая без предупреждения разговор со Стеллой, и мы с Барб таращимся друг на друга, как противники в классическом вестерне.

- Глазам не верю. Ты сам надеваешь жилет.

Пожимаю плечами - мол, ничего особенного, — и бросаю взгляд на компрессор, проверяю, все ли подключено правильно. По-моему, так оно и есть, но с другой стороны, я могу и ошибаться, потому что давно не делал этого самостоятельно.

- Сейчас ведь четыре, так?

Барб закатывает глаза и пронзает меня убийственным взглядом.

- Не снимай раньше времени, — предупреждает она, прежде чем закрыть дверь.

Я сразу же открываю ноутбук и вызываю Стеллу по Скайпу, а сам ложусь на кровати, держа в руке розовую «утку».

- Привет, извини, что так получилось. Барб... - начинаю я, когда она отвечает, и умолкаю, заметив на ее лице унылое выражение и опущенные уголки полных губ. - Ты в порядке?

- Да. - Стелла смотрит на меня и вздыхает. Весь мой класс сейчас в Кабо. - Она поворачивает телефон и показывает мне фотографию из Инстаграма: группа девушек и парней в купальниках и шортах, солнцезащитных очках и соломенных шляпах со счастливыми лицами позируют на песчаном берегу. Стелла пожимает плечами, кладет телефон, и я слышу через компьютер, как вибрирует с ровным жужжанием ее жилет. - Немного расстроилась из-за того, что меня там нет.

- Понимаю. - Я думаю о Джейсоне и Хоуп, обо всем, что упустил за последние несколько месяцев и за чем следил только по сообщениям друзей и в социальных сетях.

— Весь Год сама планировала эту поездку, — продолжает Стелла.

И я ничуть этому не удивляюсь. Скорее всего она вообще планирует каждый свой шаг.

— А родители? Они бы тебя отпустили? - Мне и вправду интересно. Даже до моего заражения В. серасіа мама зарубила бы такую идею на корню. Школьные каникулы я всегда проводил в больнице.

Стелла кивает и смотрит на меня с внезапно вспыхнувшим любопытством:

- Конечно. Если бы у меня не случилось обострения. А твои тебя бы не отпустили?

- Нет, конечно, если только больница в Кабо не объявила бы, что у нее появилась какая-то новая, волшебная терапия с использованием стволовых клеток для лечения В. серасиа. - Я сажусь, отхаркиваю в «утку» целый комок слизи, гримасничаю и снова ложусь. Поэтому-то и не выдерживал процедуру до конца и всегда снимал жилет раньше времени. — Кроме того, я там уже был. Красивое место.

- Ты там был? И что? Расскажи, – просит она и подтягивает поближе ноутбук.

Туманные, смазанные воспоминания обретают четкость, и я уже вижу, как мы с отцом стоим на пляже, и волны подкатывают к нашим ногам, а пальцы зарываются в песок.

- Да, ездил с папой, когда был маленький, еще до того, как он ушел. - Увлеченный воспоминаниями, я не слежу за тем, что говорю, но слово «папа», слишком непривычное для языка, звучит странно.

Зачем я сказал ей это? Я никому об этом не рассказываю. И о папе не упоминал, наверно, несколько лет.

Стелла открывает рот, хочет сказать что-то или о чем-то спросить, но я быстро меняю тему и возвращаюсь к пейзажам Кабо. Он никак с ними не связан.

- Пляжи хорошие. Вода чистейшая. К тому же все супердружелюбны.

Вижу, как она грустнеет на глазах, слушая мои восторженные комментарии, и бросаю наугад факт, который услышал в какой-то программе на канале «Тревел Ченнел».

- Но какие сильные течения! Шансов поплавать почти нет, разве что час-другой в сутки, не больше. В воду не войдешь, и остается только что жариться на солнце.

- Правда? - Она смотрит на меня недоверчиво, но в то же время с благодарностью за попытку.

Я бодро киваю и вижу, что тень грусти слетает с ее лица.

Аппараты вибрируют, а мы наслаждаемся уютной тишиной, время от времени нарушаемой сухим кашлем легких.

Закончив процедуру, мы снимаем жилеты, и Стелла, повесив свой, звонит матери и заглядывает к друзьям в Кабо. Предупреждает, что свяжется со мной вечером, перед приемом таблеток. Без ее улыбающегося лица на экране моего ноутбука часы тянутся невыносимо медленно. Я

обедаю, рисую, смотрю видео на Ютубе - делаю все то же, что и раньше, до вторжения в мою жизнь Стеллы, но теперь это все не развлекает и не отвлекает, а только еще больше утомляет. Делаю одно, занимаюсь другим, но снова и снова ловлю себя на том, что поглядываю на экран, жду входящего звонка по Скайпу, а секунды ползут со скоростью ледника.

Рядом оживает телефон. Смотрю на экран, но там только напоминание установленного Стеллой приложения: время принять лекарство и подготовить гастроскопическую трубку. Оглядываюсь на прикроватный столик, на котором уже лежат медикаменты и стаканчик с пудингом. Компьютер включается в точно назначенное время, по долгожданному звонку Стеллы.

Подвожу курсор к кнопке приема, гашу улыбку и выжидаю несколько секунд, постукивая пальцем по трекпаду. Наконец кликаю «ответить» и, как только ее лицо появляется на экране, демонстративно широко зеваю и рассеянно смотрю на телефон.

- Что, уже вечерний прием? Так быстро?

Стелла улыбается — ее не проведешь.

— Не надо притворяться. Я же вижу твой прикроватный столик и лекарства на нем.

Смущенный, я начинаю оправдываться, но потом умолкаю и качаю головой, признавая, что на этот раз она победила.

Мы вместе глотаем таблетки и подключаем флаконы с жидким питанием. Залив в мешочки смесь, мы вешаем их, подсоединяем трубки и устанавливаем скорость инфузии с расчетом на все время сна. Возьась со своей капельницей, я то и дело посматриваю на Стеллу, проверяю, делаю ли все так, как надо. Потом мы выкачиваем воздух и в ожидании поступления смеси в трубку встречаемся глазами.

Пока ждем, я тихо насвистываю, а Стелла смеется.

- Не смотри! - говорит она, когда смесь доходит до трубки, и поднимает рубашку повыше, чтобы подсоединить трубку.

Я отворачиваюсь, прячу усмешку, резко вдыхаю, расслабляюсь, насколько это возможно, и подсоединяю трубку к выступающему из живота клапану. Краем глаза ловлю ее взгляд в видеочате.

— Сфоткай - продлится дольше, - говорю я, закатывая рубашку. Стелла делает большие глаза, а ее щеки едва заметно розовеют.

Сажусь на кровать, придвигаю поближе ноутбук. Стелла зевает, снимает резинку с хвостика, и длинные каштановые волосы падают на плечи. Стараюсь не смотреть, но выглядит она хорошо. Как на тех ее видео. Расслабленная. Счастливая.

- Тебе надо немного поспать, - говорю я, и она сонно трет глаза. -
Сколько дней мной командуешь.

Она смеется и кивает:

- Спокойной ночи, Уилл.

- Спокойной ночи, Стелла, - Я еще тяну время, прежде чем кликнуть по кнопке «конец разговора» и закрыть ноутбук. Ложусь, закидываю руки за голову, и в палате становится как-то неуютно тихо, хотя в ней по-прежнему никого, кроме меня, нет. Но потом, повернувшись, чтобы выключить свет, понимаю, что впервые за долгое время не чувствую себя одиноким.

ГЛАВА 9

СТЕЛЛА

Поднимаю рубашку, и доктор Хамид мрачнеет и сдвигает брови к переносице, глядя на воспаленную кожу вокруг клапана. Потом наклоняется, осторожно дотрагивается до покрасневшего места и бормочет что-то вроде извинения, когда я вздрагиваю и моргаю.

Проснувшись утром, я заметила, что воспаление усилилось, а увидев выделения, сразу вызвала врача.

Через минуту доктор Хамид выпрямляется и вздыхает:

- Давай попробуем бактробан, понаблюдаем день-другой, как он подействует. Может, очистится? - Опускаю рубашку, с сомнением поглядываю на доктора Хамид. В больнице я уже неделю, и если температура спала и ангина прошла, то с воспалением ситуация только ухудшилась. Доктор наклоняется и ободряюще пожимает мне руку. Ладно, будем надеяться, что она права. Потому что в противном случае меня ждет операция. А это означает, что так или иначе папу и маму придется побеспокоить.

Звонит телефон, и я оглядываюсь может быть Уилл? Но нет, на экране сообщение от мамы:

Ланч в кафетерии? Встретимся через 15 минут?

В переводе с маминого это означает, что она уже в пути. Я удерживала ее целую неделю, говорила, что все как обычно, что ей будет скучно, но в этот раз она настроена решительно и слышать ни о чем не желает. Отправляю короткое «да» и со вздохом поднимаюсь, чтобы переодеться.

- Спасибо, доктор.

Она улыбается и идет к двери.

- Держи меня в курсе, Стелла. Скажу Барб, чтобы присмотрела за тобой.

Надеваю свежие легинсы и свитшот, оставляю в блокноте запись - добавить в список бактробан - и иду к лифту. Поднимаюсь, перехожу во второй корпус.

Мама уже стоит возле кафетерия волосы собраны в свободный хвост, под глазами глубокие темные круги. С виду она худее меня.

Обнимаю ее крепко и невольно напрягаюсь, когда она касается воспаленного участка.

- Все в порядке? - Мама смотрит на меня оценивающим взглядом.

Я киваю.

- Да, все отлично. Лечение - как ветерок. Дышать уже намного легче. А ты как?

Она тоже кивает и широко улыбается. Вот только улыбка так и остается на губах.

- Хорошо. Все хорошо.

Мы становимся в длинную очередь и, как обычно, берем салат «Цезарь» для нее, бургер и молочный коктейль для меня, а еще горку картошки фри для нас обеих.

Со столиком нам везет - освобождается место в углу, у широкого окна, подальше от всех остальных. За стеклом по-прежнему неспешно падает снег, и землю уже покрывает чистым и пушистым белым одеялом. Надеюсь, мама уйдет раньше, чем погода испортится.

К тому времени как я приканчиваю бургер и поглощаю 75 процентов картошки фри, мама едва успевает приступить к салату. Ест медленно, без аппетита. Лицо усталое. Похоже, снова всю ночь просидела за компьютером, читая одну за другой статьи и заметки о легочных имплантатах.

Помочь ей сохранять спокойствие мог только папа. Только он одним лишь взглядом останавливал ее на краю, не давал отчаянию накрыть ее с головой, утешал так, как не мог утешить никто другой.

- Мам, диета разведенки не идет тебе на пользу.

Она вскидывает голову, удивленно смотрит на меня:

- Ты о чем?

- Ты сильно похудела. Папе не помешало бы принять ванну. Эй, это я должна так выглядеть!

Мне так и хочется спросить: «Неужели непонятно, что вы нужны друг другу?»

Она смеется, забирает мой молочный коктейль и одним глотком отливает едва ли не половину молока.

- Нет! - в притворном отчаянии вскрикиваю я и бросаюсь через стол, пытаюсь вырвать стаканчик, но тут крышка отлетает в сторону, и коктейль выплескивается на нас обеих.

Впервые за долгое время мы хохочем как сумасшедшие и только что не

падаем от смеха на пол.

Мама берет салфетку, осторожно вытирает брызги на моем лице, и ее глаза вдруг наполняются слезами.

Я хватаю ее за руку.

- Мам, что?

- Смотрю на тебя и думаю... они сказали, что ты не... - Мама трясет головой, закрывает лицо ладонями, но слезы просачиваются сквозь пальцы.
- Но ты здесь. Взрослая. И красивая. А они все ошиблись.

Она вытирает салфеткой слезы.

- Не представляю, что бы я делала без тебя.

У меня холодеет в груди. «Не представляю, что бы я делала без тебя».

Я с усилием сглатываю, поглаживаю ее по руке, но мысли уже устремляются к воспалению. Перед глазами таблицы. Приложение. Эти 35 процентов как камень на груди. До тех пор, пока я не получу трансплантат, показатель не изменится. До тех пор только я сама могу не дать себе умереть.

Могу и должна. Потому что, только поддерживая меня, мои родители держались сами.

Мама уходит, а я направляюсь напрямиком в спортзал - Уилл хочет укрепить мои слабые легкие всеми возможными и доступными средствами. Я уже готова сказать, чтобы он не приходил - в конце концов, мне есть что обдумать, но с другой стороны, Уилл и сам не бывал в спортзале, наверно, лет сто. Беспокоиться о нем и о родителях одновременно это уж слишком, тогда сосредоточиться на чем-то другом просто не хватит сил. Поход же с Уиллом в спортзал - это проблема, которую можно решить незамедлительно.

Начинаю с того, что сажусь на велотренажер. С некоторых пор спортзал стал одним из самых популярных мест во всем центре, и я частенько приходила сюда размяться во второй половине дня. Три года назад его обновили и расширили практически вчетверо, разместив баскетбольную площадку, бассейн с соленой водой, новенькие кардио- и силовые тренажеры. Отдельный, просторный зал с широкими, выходящими во двор окнами предназначен для йоги и медитации. Прежний, старый спортзал ограничивался одним унылым помещением с разносортными гантелями и инвентарем, выглядевшим так, словно его изготовили сразу вслед за изобретением колеса.

Оглядевшись по сторонам, вижу Уилла, который, задыхаясь и цепляясь

из последних сил, пытается удержаться на беговой дорожке. За спиной у него портативный концентратор.

В спортзал я его практически затащила и должна признаться: видеть, как он старательно играет роль ворчуна, довольно забавно. Он не смог даже воспользоваться отговоркой и сослаться на «запрет покидать третий этаж», потому что у Барб сегодня ночная смена, а Джули с радостью отпустит Уилла куда угодно, если только это поможет ему улучшить легочную функцию и укрепить здоровье вообще.

- Хотелось бы мне знать, когда плоды нашей договоренности станут доступны и второй стороне? - выдавливая он, напрягая последние силы, и смотрит через зал туда, где я кручу педали на велотренажере. - Я сделал все, о чем ты просила, но отдачи от инвестиций не получил.

- Толстуха. Уже потею, - отзываюсь я, чувствуя на лице капельки пота.

Уилл шлепает ладонью по кнопке «стоп», дорожка резко останавливается, и он, вставив в нос канюлю и отдуваясь, поворачивается ко мне.

- У меня грязные волосы, и еще я устал, а моя тележка...

- Хочешь изобразить меня потной? Отлично! Вот тебе еще! - Я кручу педали так, словно опасаюсь от погони, и число оборотов в минуту возрастает едва ли не в четыре раза. Легкие уже горят, горло рвет кашель, кислород с шипением вырывается из канюли, а воздуха все равно не хватает. Ноги двигаются все медленнее, приступ кашля налетает и затихает, и мне удается наконец восстановить дыхание.

Уилл качает головой, и я бросаю взгляд на цифровое табло велотренажера, стараясь не замечать медленно растекающуюся по лицу краску.

Мы оба устало бредем в пустой зал для йоги, причем я иду впереди, а он за мной, отстав на полтора метра. Я сажусь к окну. Стекло прохладно от белого одеяла, накрывшего все снаружи.

- Мне надо позировать или как? - спрашиваю я, поднимая руку, чтобы поправить волосы, и застываю в театральной позе.

Уилл смеется и достает скетчбук, угольный карандаш и, к немалому моему удивлению, надевает голубые латексные перчатки.

- Нет. Просто будь естественной.

О да, хорошо. Это легко.

Я наблюдаю за ним. Уилл полностью сосредоточен, темные брови сошлись к переносице. Он поднимает голову, изучающе смотрит на меня синими глазами, и я торопливо отворачиваюсь, вынимаю собственный блокнот и листаю страницы.

- Что это? - Уилл указывает на блокнот карандашом. \n- Список ежедневных дел, -объясню я, вычеркивая пункт 12 «спортзал», и, спустившись к самому низу, вписываю «Уилл, портрет».

- Список дел? Он качает головой. - Довольно старомодно для человека, умеющего создавать приложения.

- Ну видишь ли, приложение не дает возможности получить удовольствие от таких вот простых вещей. - Я беру карандаш и вычеркиваю «Уилл, портрет».

Он делает кислое лицо:

- Вот теперь ты действительно сделала мне больно.

Я опускаю голову, но спрятать от него улыбку не получается.

- Так что еще у тебя в этом списке? - спрашивает Уилл, склоняясь над скетчбуком и начиная что-то заштриховывать.

- В каком списке? В моем главном или ежедневном?

Он тепло смеется и качает головой:

- Ну конечно. Разумеется, у тебя два списка.

- Оперативный и долгосрочный! В этом есть своя логика, - защищаюсь я, но он только усмехается.

- Давай, срази меня своим главным списком. Самым важным.

Листаю страницы. Давно я не открывала эту часть тетради. Записи сделаны разными чернилами красными, синими, черными, а две или три даже флуоресцентными, - в шестом классе у меня был набор гелевых ручек.

- Сейчас, минутку. - Веду пальцем вверх. - Волонтер на важном политическом мероприятии. Выполнено.

Я зачеркиваю запись.

- «Изучить все произведения Уильяма Шекспира». Выполнено.

Еще одна горизонтальная черта.

- «Поделиться всем, что знаю, с другими больными кистозным фиброзом». Это у меня... так... да, на Ютьюбе.

Вычеркиваю пункт и смотрю на Уилла. Странно, он, похоже, ничуть не удивлен. Кое-кто меня проверяет.

- Значит, твой план - умереть большой умницей, чтобы вступить в дискуссионный клуб мертвецов? - Он указывает карандашом в окно. - А ты когда-нибудь думала о том, чтобы... ну, не знаю... попутешествовать по миру или о чем-то в этом роде?

Опускаю глаза, вижу номер 27:

- «Побывать в Сикстинской капелле с Эбби». Не зачеркнуто.

Я откашливаюсь и иду дальше.

- «Научиться играть на пианино». Выполнено! «Овладеть разговорным французским...»

- Нет, серьезно, - перебивает меня Уилл. - Ты когда-нибудь делаешь что-то не из списка? Не обижайся, но все, что ты там написала, звучит как-то не слишком весело. Я закрываю блокнот, а он продолжает: - Хочешь услышать мой список? Поучиться живописи у Боба Росса. Смотришь на его деревья, голубовато-желтые краски и думаешь, что нет, так не бывает, а потом...

- Боб Росс умер, - вставляю я.

Уилл криво усмехается:

- А, ну да. Тогда... придется довольствоваться сексом в Ватикане!

Я закатываю глаза:

- Думаю, в таком случае у тебя больше шансов встретиться с Бобом Россом.

Уилл подмигивает, но тут же становится серьезным. Таким серьезным я его, пожалуй, и не видела:

- О'кей, о'кей. Да, я хотел бы попутешествовать по миру и увидеть его по-настоящему, понимаешь? Не просто из окна больницы. Он опускает глаза и продолжает рисовать. Больницы везде одни и те же. Одинаковые палаты. Одинаковые, выложенные плиткой полы. Один и тот же стерильный запах. Я побывал везде, но толком ничего не видел.

Смотрю на него. По-настоящему. Он работает. Волосы падают на глаза, лицо сосредоточенное, ни намек на обычную ухмылку. Объехать едва ли не весь свет, но так и ничего не увидеть, кроме больничных стен. Интересно, каково это? Что касается меня, то я ничего не имею против больницы. Здесь я чувствую себя в безопасности. Мне здесь привычно и уютно. Но я приезжаю сюда, в одно и то же место, едва ли не всю свою жизнь и чувствую себя здесь как дома.

Если бы я улетела на этой неделе в Кабо и оказалась в больнице, радости мне бы это точно не прибавило. Наверно, жалела бы себя, несчастную.

- Спасибо.

- За что? - Он поднимает голову.

- За то, что сказал что-то настоящее.

Уилл смотрит на меня несколько секунд, потом ерошит волосы. Тема разговора сменилась, и ему не по себе.

- У тебя глаза карие... как орех. - Он указывает на окно, через которое сочится свет. - Я и не замечал, пока не увидел при этом освещении.

От этих слов и теплого взгляда сердце начинает глухо стучать в груди.

- Нет, правда, красивые глаза, - говорит Уилл секундой позже, и по его щекам растекается едва заметный румянец. Не поднимая глаз, он водит карандашом по бумаге, откашливается. - В смысле... если рисовать...

Прикусываю губу, чтобы не улыбнуться.

Впервые в жизни я ощущаю вес каждого сантиметра, каждого миллиметра из тех полутора метров, что лежат между нами. Поправляю свитшот, смотрю на кучку ковриков для занятий йогой в углу и стараюсь не думать о том, что это пустое пространство останется между нами навсегда.

Вечером я впервые за день открываю Фейсбук и просматриваю фотографии из Кабо, выложенные моими друзьями. Лайкаю новую фотографию профиля Камилы. Подруга стоит на доске для серфинга с широкой глуповатой улыбкой; мои предупреждения насчет использования крема от загара, судя по обгоревшим плечам, остались без внимания. Другая фотография, сделанная Мией через несколько секунд после первой, доказывает, однако, что успехи Камилы в серфинге пока еще дело будущего. Удержавшись на доске три с половиной секунды, она успела улыбнуться в камеру, после чего благополучно свалилась в воду.

Обнаружив еще одну фотографию - ее запостил у себя Мейсон, и на ней его загорелая рука лежит на плечах Мии, - я исполняю небольшой победный танец. А когда вижу подпись под фото «Красотка из Кабо», чуть не падаю со стула. Быстренько ставлю «лайк» и закрываю приложение, чтобы послать ей сообщение - Вперед, Миа! - и добавить эмоджи с глазами-сердечками.

Оглянувшись, вижу, что блокнот все еще открыт на списке сегодняшних дел. Внимание привлекает пункт 27 «Сикстинская капелла с Эбби». Я снова открываю ноутбук и подвожу курсор к голубой папке, которая называется «Эбс».

Поколебавшись секунду-другую, открываю - в ней море видео, фотографий и рисунков. Кликаю по GoPro-видео, которое сестра прислала мне два года назад, и вижу ее на высоком шатком мостике. Далеко внизу так далеко, что голова кружится, бежит бурлящая река.

- С ума сойти, а, Стелла? - спрашивает Эбби и возвращает на место сместившуюся камеру. - Вот, подумала, что тебе тоже захотелось бы это увидеть.

Она поправляет шлем, и я снова вижу мост, его край и далекую воду внизу.

- А еще я взяла с собой моего приятеля-прыгуна! -Она поднимает мою

мягкую игрушку-панду, которая лежит сейчас рядом со мной, и крепко-крепко ее стискивает. - Не бойся, держу! - И в следующую секунду, не предупредив, бросается с моста. Я низвергаюсь в пропасть вместе с ней, и ее восторженные вопли громким эхом отдаются в динамиках ноутбука.

Пружинащий трос тянет Эбби обратно. Мы летим назад; на экране мордочка панды, и Эбби, задыхаясь, вопит:

- С днем рожденья, Стелла!

Сглатываю через силу и захопываю ноутбук, локтем задевая банку с газировкой на прикроватной тумбочке. Пузырящаяся жидкость выливается на столешницу и каплями стекает на пол. Отлично.

Наклоняюсь за банкой, переступаю через лужицу, бросаю банку в мусорную корзину и выхожу в коридор. Проходя мимо сестринского поста, замечаю, что Барб, склонив голову, дремлет в кресле с открытым ртом. Осторожно открываю дверь в кладовую уборщицы и тихонько, чтобы не разбудить медсестру, беру бумажные полотенца из стопки на полке с чистящими средствами.

Тем не менее Барб слышит что-то, просыпается и смотрит на меня сонными глазами.

- Ты слишком много работаешь, - говорю я.

Она улыбается и раскрывает объятия, как делала, когда я была младше и день в больнице выдавался особенно трудный.

Словно ребенок, забираюсь к ней на колени, обнимаю за шею, вдыхаю знакомый, ванильный запах ее духов. Закрываю глаза, кладу голову ей на плечо и притворяюсь, что сплю.

ГЛАВА 10

УИЛЛ

- Время цевафломалина! - поет Джули, открывая двери и входя в палату с флаконом в руке.

Киваю. Сейчас утро, и установленное Стеллой приложение уже прислало уведомление, так что я перебрался от стола на кровать, возле которой медсестру ожидает стойка для капельницы.

Джули вешает флакон, берет трубку и поворачивается ко мне, но ее внимание привлекает набросок портрета, сделанный накануне в зале для занятий йогой и висящий теперь рядом с рисунком легких, который Стелла прикрепила над моим столом.

- Рада видеть тебя таким, - говорит она и смотрит на меня. В уголках ее губ появляется улыбка.

- Каким таким? - спрашиваю я, опуская ворот рубашки.

Она вставляет трубку в клапан у меня на груди.

- Оптимистом.

Я думаю о Стелле и смотрю на флакон с цевафломалином. Протягиваю руку, осторожно трогаю его, взвешиваю на ладони. Новое средство. Слишком новое, чтобы сказать, каким будет результат.

Впервые за долгое время я позволяю себе думать об этом... что может быть опасно. Или даже глупо.

Не знаю. Питать надежды, если они как-то связаны с больницей... меня не особенно вдохновляет.

- А если ничего не получится?

Никаких новых ощущений нет. По крайней мере пока.

Смотрю, не отрываясь, на флакон, на неторопливое, равномерное, капля за каплей поступление лекарства в мое тело. Снова смотрю на Джули. Некоторое время мы оба молчим.

- Но если получится? - спрашивает она, касаясь моего плеча. Я провожаю ее взглядом.

Но если получится?

После капельницы я осторожно натягиваю голубые перчатки, чтобы не оставить мои микробы В. серасіа на чем-то, до чего дотронется Стелла.

Придирчиво рассматриваю сделанный ранее в зале для йоги набросок. Снимаю его со стены. Всего лишь эскиз, но узнать Стеллу нетрудно. Она в белом медицинском халате, на шее стетоскоп, маленькие, едва намеченные руки лежат на коленях. И чем дольше смотрю, тем яснее понимаю, что кое-что упущено.

Ага.

Беру карандаши - красный, оранжевый, желтый и рисую вырывающийся изо рта огонь. Куда реалистичнее. Смеюсь про себя, беру плотный конверт, который стащил с сестринского поста, засовываю внутрь рисунок и на обороте пишу: Внутри найдешь мое сердце и душу.

Будь милосерднее.

Иду по коридору к ее комнате, представляя, как она откроет конверт в предвкушении чего-то глубокомысленного и значительного. Оглядываюсь и, убедившись, что никто не видит, подсовываю конверт под дверь, прислоняюсь к стене и слушаю.

Мягкие, приглушенные шаги... шорох перчаток... и конверт исчезает. Тишина. Еще больше тишины. И наконец смех. Настоящий, невымученный, теплый.

Победа! Иду, посвистывая, по коридору, у себя в комнате забираюсь на кровать, и тут же раздается трель телефона. Как я и надеялся, звонит Стелла. Отвечаю. На экране выплывает ее лицо, розовые губы улыбаются:

- Вот, значит, как? Дракониша! Какой сексизм!

- Тебе еще повезло, сама же сказала никаких ню!

Она снова смеется, смотрит на набросок и снова на меня:

- А почему карикатура?

- Знаешь, они бьют сильнее. Вроде бы смешно и забавно, но прикладывают крепко. - Об этом я мог бы говорить весь день. Если меня и интересует что-то по-настоящему, то именно карикатура. Беру с тумбочки книжку, в которой представлены несколько отличных политических карикатур из «Нью-Йорк Таймс». - Политика, религия, общество. На мой взгляд, хорошо сделанной карикатурой можно выразить больше, чем словами. Ей по силам менять мысли.

Стелла смотрит на меня удивленно, но ничего не говорит.

Пожимаю плечами, понимая, что разоткровенничался:

- Это к тому, что я просто фанат карикатуры. Карикатура - то, что я знаю. - Показываю на рисунок у нее за спиной, прекрасное изображение

легких со звездами на заднем плане. - Вот это -искусство. - Поддвигаю к себе ноутбук и тут понимаю, в чем смысл рисунка. - Здоровые легкие! Блестяще. Кто это сделал?

Стелла оглядывается и, помедлив, говорит:

- Моя старшая сестра. Эбби.

- У нее есть еще? Хотел бы я посмотреть на другие работы!

Стелла смотрит в сторону с каким-то странным выражением и сдержанно, даже холодно, отвечает:

- Послушай, мы не подруги. Мы не близки и не откровенничаем друг с дружкой. Не будем отвлекаться, ладно?

Звонок обрывается, и на экране проступает мое растерянное лицо. Какого черта? Что это было? В досаде я вскакиваю и распахиваю дверь. Вылетаю в коридор, иду напрямик к ее палате выложить, что я обо всем этом думаю. Пусть поцелует мне...

- Эй, Уилл! - раздается голос за спиной.

Я оборачиваюсь и с удивлением обнаруживаю Хоуп и Джейсона, идущих за мной по коридору. Час назад отправил Джейсону сообщение и совершенно забыл, что они придут сегодня, как всегда, по пятницам. Джейсон с ухмылкой поднимает пакет с продуктами, и по коридору разносится запах жареной картошки из моего любимого кафе в квартале от школы. Я замираю, смотрю на дверь Стеллы, потом на моих друзей.

И тут до меня доходит.

В больнице ее навещали и отец, и мать. Я видел обоих. Видел подруг Стеллы, приходивших в ее первый день здесь. Но Эбби? Стелла даже не говорила о ней. Где все это время была старшая сестра?

Я подхожу к Хоуп и Джейсону, забираю у них пакет и кивком предлагаю следовать за мной:

- Идемте!

В палате открываю ноутбук, и пока он загружается, ребята стоят у меня за спиной, ничего не понимая.

- И нам тоже приятно тебя видеть, невежа, - изрекает наконец Джейсон, заглядывая мне через плечо.

- Значит, так, я встретил девушку.

- Я поворачиваюсь к ним обоим и качаю головой в ответ на улыбочку Хоуп, глаза у которой уже загорелись от любопытства. Джейсон в курсе всех моих дел со Стеллой, а вот с Хоуп я пока еще своими новостями не делился. Главным образом потому, что знал, какой будет реакция. - Нет, не то! Хорошо. Может быть, и то. Ладно.

Я разворачиваю ноутбук, открываю страницу Стеллы в Ютьюбе и

прокручиваю к прошлогоднему видео, обозначенному заголовком «Полипэктомическая вечеринка!». Кликаю. Ставлю на паузу и поднимаю руку.

- У нее КФ. А еще она помешана на контроле. Просто фрик. Заставила меня выполнять все процедуры, принимать лекарства и вообще жить по режиму.

Джейсон прямо-таки расцветает, Хоуп приятно удивлена.

- Так ты все-таки согласился? выдыхает она. - Но это замечательно! Молодец!

Я отмахиваюсь от похвалы, хотя, признаться, и не ожидал такого изъяснения чувств. Одно время Хоуп все уши мне прожужжала насчет лечения, но, когда я сказал им оставить меня в покое, они приняли это как должное. Я даже думал, что в этом вопросе мы достигли полного согласия.

Но теперь вид у обоих такой, будто я избавил их от тяжелой ноши. Мне это не нравится - не хотелось бы пробуждать преждевременные надежды.

- Ну да. Ладно. Дело вот в чем. У нее есть старшая сестра, Эбби. - Я перевожу ползунок на несколько минут вперед и включаю запись.

Сестры сидят в больничной палате, а на стене висят рисунки. Здесь же доктор Хамид со стетоскопом, слушает легкие Стеллы, ноги у которой дрожат от волнения, а взгляд мечется от камеры к врачу.

- Ладно. Значит, у меня поли...

- Полипэктомия носа. - Доктор Хамид выпрямляется. - Мы удалим полипы из носовых ходов.

Стелла улыбается в камеру:

- Пока доктор здесь, стараюсь уговорить ее поработать заодно и над формой моего носа.

Эбби обнимает сестру и крепко прижимает ее к себе:

- Стелла волнуется. Но я буду здесь, с ней. Буду, как всегда, петь ей колыбельные. - Она начинает петь. Голос у нее чистый и мягкий. - Я люблю тебя очень и еще чуть-чуть...

- Перестань! - Стелла прижимает ладонь к ее губам. - Сглазишь! Я останавливаю видео и снова поворачиваюсь к друзьям.

Оба растеряны и явно не понимают того, что понял лишь недавно я сам. Они переглядываются, играют бровями, а потом Хоуп наклоняется и смотрит, прищурившись, на экран:

- Ты все ее видео просмотрел?

- Она взбесилась пять минут назад, когда я спросил, можно ли посмотреть работы ее сестры. А это видео сделано год назад, - объясняю я, оставив вопрос Хоуп без ответа.

- О'кей, и что? -спрашивает, морща лоб, Джейсон.

- Ни на одном из более поздних видео Эбби нет.

Они кивают, начиная понимать, к чему я клоню. Хоуп достает телефон, пробегает пальцами по кнопкам.

- Я нашла Инстаграм Эбби Грант. Здесь в основном ее работы и сама Эбби со Стеллой. Она поднимает голову и кивает. Но ты прав. За последний год ни одного нового поста.

Я смотрю на Джейсона, потом на Хоуп.

- Думаю, с Эбби что-то случилось.

Время - вторая половина дня, и телефон звенит особенно громко, напоминая, что у нас запланировано занятие в спортзале. Стеллу я не видел со вчерашнего дня, с тех пор как вычислил, что с Эбби что-то случилось, и теперь при мысли о том, что встречу ее через несколько минут, мне становится немного не по себе. Из-за этого странного беспокойства даже общение с друзьями не доставило удовольствия. Мы ели жареную картошку и обсуждали новую серию «Мира Дикого Запада». Каждую новую серию мы ждем с огромным нетерпением и смотрим вместе, но в этот раз я как будто пребывал где-то на другом континенте, в другой часовой зоне, и чтобы разговаривать с ними, требовался Скайп.

Собравшись с духом, направляюсь в спортзал, открываю дверь и прохожу мимо беговых дорожек, вело- и эллиптических тренажеров.

Заглядываю в зал для йоги. Стелла сидит на зеленом коврике скрестив ноги, отрешенная, с закрытыми глазами. Я тихонько вхожу и осторожно сажусь на коврик у противоположной стены.

В полутора метрах от нее.

Наблюдаю за ней. Лицо у нее спокойное и расслабленное, но глаза медленно открываются, мы встречаемся взглядами, и она как будто коченеет.

- Барб ведь тебя не видела, да?

- Эбби умерла? - выпаливаю я, сразу переходя к делу.

Стелла смотрит на меня и ничего не говорит. Потом сглатывает и качает головой:

- Как любезно, Уилл. Ты такой деликатный, как... молоток.

- Не самое подходящее время для любезностей. У нас вообще...

- Прекрати! - резко перебивает Стелла. - И не напоминай мне больше, что я умираю. Я сама знаю. Знаю, что умираю. - Она качает головой. И лицо у нее такое серьезное. - Вот только мне нельзя. Не сейчас, Уилл. Я должна выкарабкаться.

- Не понимаю... - растерянно бормочу я.

- Я умираю всю свою жизнь. Каждый день рождения мы отмечали так, словно он последний. - Она качает головой, и в ее карих глазах блестят слезы. - Но потом умерла Эбби. А должна была я. К этому все были готовы. - Тяжелый, словно весь мир свалился ей на плечи, вздох. Если я тоже умру, это убьет родителей.

На меня словно обрушивается тонна кирпича. Получается, я ошибся.

- Режим. Я-то думал, ты боишься смерти, а это вовсе не так. Ты умирающая девушка с комплексом вины выжившей. Рехнуться можно. И как ты только живешь с...

- А что еще мне остается? У меня нет выбора! - бросает она, поднимаясь на ноги и глядя на меня сверху.

- Я тоже встаю и смотрю на нее. Так хочется подойти ближе, сократить дистанцию, чтобы дать ей понять.

- Но, Стелла... Это не жизнь.

Она поворачивается, надевает маску и бежит к двери.

- Подожди! Да подожди же! - Я делаю несколько шагов, будто хочу догнать, схватить за руку, остановить ее и все-все поправить. - Не уходи! Нам ведь нужно заниматься, разве нет? Я больше слова не скажу, ладно?

Дверь хлопает за ней. Черт. Я все испортил.

Я поворачиваюсь, смотрю на коврик, на котором она только что сидела. Теперь ее нет, осталось только пустое место. И я вдруг понимаю, что занимаюсь тем, что обещал никогда не делать, - желаю чего-то, чего не могу получить.

ГЛАВА 11

СТЕЛЛА

Хлопаю дверь. Все рисунки Эбби сливаются в одно расплывчатое пятно; боль и чувство вины, которые я так долго подавляла и прятала, снова расцветают внутри, и у меня дрожат коленки.

Опускаюсь бессильно на пол, пытаюсь ухватить пальцами холодный линолеум, а в ушах, как и в то злосчастное утро, звенят мамины крики. Предполагалось, что уик-энд я проведу сестрой в Аризоне, но в ночь накануне полета мне сделалось хуже, и пришлось остаться. Я снова и снова извинялась перед мамой. Аризона должна была стать подарком ей на день рождения. Наше первое путешествие вдвоем, только она и я. Я извинялась, но Эбби только отмахнулась. Сказала, что вернется через несколько дней, привезет кучу фотографий и я даже не замечу, что не была с ней.

Эбби не вернулась.

Я помню, как зазвонил внизу телефон. Как заплакала мама. Как папа постучал в дверь, вошёл в комнату и сказал мне сесть. Что то случилось.

Я не поверила ему.

Я покачала головой и рассмеялась. Ну конечно, это какой то розыгрыш в духе Эбби. Только так. Все остальное невозможно. Такого не может быть. Умереть полагалось мне. Первой. Задолго до всех других. Эбби - практически синоним слова «живая».

Полное осознание случившегося пришло только через три дня наш самолет уже шел на посадку, когда я вдруг поняла, что Эбби не вернется домой. И тогда мир закрылся от меня. Две недели подряд я лежала, не поднимаясь, в постели, позабыв про «Аффловест» и режим, а когда наконец усталая мои легкие были уже не единственной проблемой. Родители перестали разговаривать друг с другом. Даже смотреть один на другого не могли.

Я предвидела такую возможность давно, задолго до того, как все случилось. Я готовила Эбби к тому, как ей быть, как удержать их вместе, когда меня не станет.

Но я и подумать не могла, что сама окажусь на ее месте и что выполнять намеченное придется мне.

Я старалась изо всех сил. Планировала семейные прогулки, готовила обед, когда они не могли сдвинуться с места и только смотрели в пустоту. Ничего не помогало. Когда Эбби приходила домой, все начинали ругаться. Когда же она не пришла, её отсутствие обернулось удушающей тишиной. Через три месяца родители разошлись. Через шесть - развелись. Разъехались так, что бы быть подальше друг от друга. А я осталась где-то между ними.

Но легче не стало. С тех пор я живу словно во сне и каждый день держусь за жизнь, чтобы и они оставались на плаву, ставлю перед собой задачи, стараюсь занять себя, загоняю поглубже горе и боль, чтобы они не проглотили маму и папу.

А теперь вот вдобавок ко всему ещё и Уилл пытается указать, что мне следует делать. Как будто уж он-то точно знает, что на самом деле значит жить.

И хуже всего то, что единственный человек с кем мне хочется поговорить, - Эбби.

Смахиваю с щек слезы, достаю из кармана телефон и набираю сообщение тому единственному, кто, я знаю, поймет.

Гостиная. Сейчас.

Думаю обо всех рисунках, что висят в комнате на стене. О каждом походе в больницу, когда Эбби держала меня за руку. О том, что вот уже третий раз прихожу сюда, а на стене не появляется ничего нового.

Я помню, как пришла Сейнт-Грейсиз впервые. Шестилетняя девочка в огромном, подавляющем своими размерами медицинском центре, шумном, с большими окнами и многочисленным оборудованием. Я шла через вестибюль, крепко, как за спасательный круг, держась за руку Эбби и изо всех сил пытаюсь казаться смелой. Родители заранее поговорили с Барб и доктором Хамид, и те, еще до знакомства со мной, всячески старались помочь мне с первой секунды почувствовать себя в больнице как дома.

Но больше всех для этого сделала Эбби. В тот день мне досталось от нее три бесценных подарка.

Первым была мягкая игрушка, панда, тщательно выбранная в больничном магазине подарков. Вторым - первый из множества рисунков, звездное торнадо. Первая деталь собранных мной потом «обоев». И пока мои родители разговаривали с Барб о всяких «умных вещах», Эбби отлучилась и нашла для меня последний в тот день, третий подарок.

- Да уж, впечатляет, - заметила мама, пока я, отвернувшись, смотрела

вслед сестре, которая быстро прошло по выкрашенному в яркие цвета коридору детского отделения и исчезла за поворотом.

- Стелла будет здесь как дома, - радушно улыбаясь, заверила ее Барб. Я помню, как стояла там, прижимая к себе Лоскутка и набираясь смелости, чтобы улыбнуться в ответ.

Вынырнув из-за угла, Эбби на бегу едва не врезалась в медсестру, за который тащился тщедушный и худой мальчик в огромной футболке национальной сборной Колумбии.

- Смотреть надо! Здесь же дети!

Я помахала мальчику, и в следующую секунду Барб, в ярком халате, встала между нами стеной.

- По, тебе ли не знать, - мягко пожурила его она.

А Эбби взяла меня за руку.

Вот так, с моей старшей сестры, это и началось. Даже разделенные полутора метрами пространства, мы с По стали лучшими друзьями. И теперь он - единственный, с кем я могу все обсудить.

Прохаживаюсь взад-вперёд, но ничего не замечаю. Стараюсь сосредоточиться, смотрю то на аквариум, то на телевизор, то на гудящий в углу холодильник, но никак не могу отойти от недавней стычки с Уиллом.

- Ты же не знала про его проблемы с дисциплиной. Парень не видит границ. - За спиной у меня По подаёт голос с диванчика нише у окна. - Но не думаю, что он хотел тебя обидеть.

Я оборачиваюсь и, ухватившись за кухонную стойку, смотрю на него.

- Когда он сказал «Эбби умерла»... - голос у меня срывается, пальцы скребут по прохладному мрамору. - Сказал будто о чём-то неважном, о какой-то мелочи... я...

По с печальным видом качает головой.

- Я должна была полететь с ней. - Вытираю слезы тыльной стороной ладони. Эбби всегда была со мной рядом, когда я нуждалась в ней. А когда она нуждалась во мне, меня рядом не оказалось.

- Не надо. Не начинай. Ты ни в чем не виновата. И она сказала бы тебе то же самое.

- Было ли ей больно? Было ли ей страшно? - Я прерывисто вздыхаю, и воздух застревает в груди. Эта картина постоянно передо мной: Эбби летит вниз, как на том видео, как бесчисленное множество раз до этого - она страстно увлекалась банджи-джампигом, и клиф-дайвингом, - только вот в тот раз не было восторженного вопля. Она ушла под воду и не всплыла.

Нет, Эбби не должна была умереть.

Она должна была жить.

- Эй! Прекрати. Посмотри на меня.

Смотрю на него и снова не могу сдержать слез.

- Остановись. - По с такой силой сжимает подлокотники, что белеют костяшки пальцев. - И ты ничего не знаешь наверняка. Так нельзя. С ума себя сведешь.

Я перевожу дух и качаю головой. Он поднимается, делает шаг ко мне и мычит в отчаянии от собственного бессилия.

- Эта болезнь - чертова тюрьма! Я так хочу тебя обнять!

Шмыгаю носом и киваю в знак согласия.

- Притворись, что я это сделал, ладно? - говорит По и смаргивает слезы.

- И знай, что я люблю тебя. Больше, чем еду! Больше, чем сборную Колумбии по футболу!

Выдавливаю из себя улыбку и киваю: - Я тоже люблю тебя, По.

Он посылает мне воздушный поцелуй.

Я шлепаюсь на зеленый и пока еще никем не занятый диванчик напротив и тут же ахаю от боли. В глазах двоится. Выпрямляюсь, хватаюсь за бок - будто кипятком ошпарило.

У дальней стены белое лицо По.

- Трубка, - выдыхаю я. Боль стихает. Я качаю головой и стараюсь отдышаться. - Все в порядке. Все в порядке.

Набираю побольше воздуха, поднимаю рубашку и вижу, что воспаление заметно усилилось, кожа покраснела, появилась отечность и влажные выделения. Вот так новость. Я здесь восемь дней даже не заметила, как всё серьезно?

По озабоченно качает головой:

- Давай-ка вернемся в палату. Прямо сейчас.

Через пятнадцать минут доктор Хамид, склонившись надо мной, осторожно трогает воспаленную кожу вокруг клапана, а я гримасничаю от боли, отдающей в живот и грудь. Она убирает руку, качает головой, стягивает перчатки и бросает их мусорную корзину у двери.

- Этим нужно заняться. Дело зашло слишком далеко. Придётся иссечь инфицированные ткани, а трубку заменить.

У меня уже кружится голова, внутри холодеет. Именно этих слов я и боялась больше всего с появления самых первых признаков инфекции.

Аккуратно опускаю рубашку, стараясь сделать так, чтобы ткань не коснулась воспаленного места.

- Но...

Доктор Хамид не дает закончить:

- Никаких «но». Так нужно. У нас есть риск сепсиса. Если затянуть, инфекция может проникнуть в кровоток.

Мы обе молчим, хорошо понимая, насколько велика опасность. Заражение крови означает, что я почти наверняка умру. С другой стороны, если я попаду на операционный стол, то из-за слабых легких могу и не выкарабкаться.

Доктор Хамид садится на край кровати и с улыбкой похлопывает меня по плечу:

- Все будет хорошо.

- Вы сами этого не знаете. - Я нервно сглатываю.

Она задумчиво кивает:

- Ты права. Не знаю, - вздыхает, ловит мой беспокойный взгляд. - Риск есть. Я вовсе не хочу сказать, что его нет. Но сепсис - монстр куда более вероятный и опасный.

Страх расплзается по шее и охватывает всю меня целиком. Но врач права.

Доктор Хамид берет сидящую возле меня панду, смотрит на нее и невесело улыбается:

- Ты боец, Стелла. Всегда была бойцом. - Она подаёт мне медвежонка, смотрит в глаза: - Ну что, завтра утром?

Я протягиваю руки, принимаю игрушку и киваю:

- Завтра утром.

- Я позвоню твоим родителям и дам им знать, - продолжает она, и я снова замираю от нахлынувшей волны страха.

- Вы можете дать мне несколько минут? Им будет легче принять новости от меня.

Доктор Хамид кивает и, мимолетно дотронувшись до моего плеча, идет к выходу. Я ложусь, прижимаю к себе Лоскутка и с нарастающим беспокойством думаю о звонках, которые мне предстоит сделать. В голове эхом звучит мамин голос, те слова, которые она произнесла в кафетерии.

Не представляю, что бы я делала без тебя.

Не представляю, что бы я делала без тебя.

Не представляю, что бы я делала без тебя.

За дверью слышится какой-то невнятный шум, и я, повернувшись, вижу подсунутый под дверь конверт. Горизонтальная полоска света дрожит, человек за дверью медленно поворачивается и уходит.

Осторожно поднимаюсь с кровати, подхожу, наклоняюсь и поднимаю конверт. Открываю и достаю рисунок, выполненный в печальных, тусклых цветах. На листке хмурые Уилл с букетиком увядших цветов в руке. Под

рисунком короткая подпись - «Извини».

Снова ложусь, кладу листок на грудь и крепко закрываю глаза.

Доктор Хамид сказала, что я боец.

Сказать по правде, я уже не уверена.

ГЛАВА 12

УИЛЛ

Я облажался. По-крупному. И сам это понимаю.

Подсунув под дверь конверт с извинением, спешу прочь из нашего крыла и прохожу по восточному вестибюлю больницы. Телефон держу в руке, как будто чего-то жду. Сообщения, уведомления, чего угодно. Она ведь уже видела рисунок, верно? Свет в палате был включен. И тем не менее ничего. Полное радиомолчание с самой нашей ссоры.

Что делать? Она даже разговаривать со мной не желает.

Отправляю это сообщение По и хмурюсь, представляя, как он потешается надо мной. Надо же, думает, парень так запал на девчонку, что от отчаяния даже обратился к нему за советом.

Дай ей немного времени, - отвечает он.

Хоть кричи. Я раздраженно вздыхаю. Время. Какое еще время, если каждая минута ожидания убивает.

Плюхаюсь на скамейку и с минуту наблюдаю за входящими и выходящими людьми. Створки дверей сдвигаются и раздвигаются, и я вижу детей, боязливо держащихся за руки родителей, медсестер с усталыми глазами, спешащих домой после смены. Посетителей, торопливо надевающих пальто и куртки. Впервые за несколько последних дней ловлю себя на том, что хотел бы оказаться одним из них.

Живот громко урчит, и я решаю зайти в кафетерий - перекусить и немного отвлечься. Направляюсь к лифту и невольно замираю, услышав доносящийся из-за ближайшей двери знакомый голос.

- No envíe dinero, no puede pagarlo. - Тон грустный, угрюмый. Dinero. Деньги. В средней школе мы два года учили испанский, и я могу сказать всего-то пару фраз, но это слово понял. Приоткрываю дверь, заглядываю и вижу, что попал в часовню с большими витражными окнами и классическими деревянными скамьями. Всё здесь выглядит и даже как будто пахнет стариной и церковью, создавая поразительный контраст с общим дизайном центра, стильным и современным.

На передней скамье вижу По. Опершись локтями о колени и наклонившись вперед, он разговаривает с кем то по Фейстайму:

- Yo también te extraño. Lo sé. Te amo, Mamá.

По заканчивает разговор по телефону и закрывает лицо руками.

Я тяну тяжелую дверь, открываю пошире, и петли громко, противно скрипят.

Он оборачивается и смотрит на меня удивленными глазами.

- Часовня? - спрашиваю я, и мой голос звучит слишком громко, отражаясь от стен в просторном помещении. Иду к нему по проходу.

Он оглядывается и невесело улыбается:

- Моей маме нравится, когда я бываю здесь. Я - католик, но она куда более ревностная католичка. - По вздыхает, опускает голову на спинку скамьи. - Мы не виделись два года. Хочет, чтобы я приехал, навестил ее.

Теперь уже удивляюсь я. Сажусь напротив, через проход, на безопасном расстоянии. Два года - срок действительно немалый.

- Ты так давно не виделся с матерью? Что же она тебе сделала?

По качает головой, и в его глазах мелькает тень печали.

- Дело не в этом. Их депортировали в Колумбию. Я же родился здесь, и они не стали забирать меня с собой, потому что там нет таких врачей. До восемнадцати я официально нахожусь «под опекой государства». Вот так-то. Не могу даже представить, как такое случилось. Как можно депортировать родителей больного кистозным фиброзом? Родителей смертельно больного?

- Да, дело плохо.

По кивает:

- Мне их так не хватает.

Провожу ладонью по волосам:

- По, тебе нужно поехать! Нужно навестить их.

Он вздыхает, смотрит на большой деревянный крест, установленный за кафедрой проповедника, и я вспоминаю то единственное слово, которое понял, когда подслушивал разговор. Dinero.

- Дорого. Мама хочет прислать деньги, но не может позволить себе такие траты. А уж я, конечно, не стану отбирать у нее последнее и оставлять перед пустым столом.

- Послушай, - быстро говорю я, если дело только в деньгах, я могу помочь. Серьезно. Не хочу выставлять себя каким-то богатеньким ублюдком, но это не вопрос... - Ещё не договорив, понимаю, что из этого ничего не получится.

- Хватит. Перестань. - По поворачивается и обрывает меня взглядом,

после чего лицо его смягчается. - Я... Я как-нибудь разберусь.

Мы оба умолкаем. В тишине большого открытого пространства у меня начинает звенеть в ушах. Вопрос не в деньгах. Кроме того, я получше многих знаю, что они решают не всё. Может быть, когда-нибудь это дойдёт и до моей матери.

- Тем не менее спасибо, - наконец говорит По и улыбается. - Кроме шуток.

Я киваю, мы снова умолкаем. Какая несправедливость, что вот надо мной мать трясется, как курица над цыплятами, а кого то отрывают от собственного сына. Я жду не дождусь восемнадцатилетия, считаю оставшиеся дни. По, наоборот, пытается замедлить время, потому что ему этого самого времени нужно как можно больше.

Мне так легко было сдаться, сопротивляться лечению и жить сегодняшним днем. Но теперь, рядом со Стеллой и По, время обрело большую ценность и мне дорога каждая секунда.

Вот это и пугает больше всего.

Вечером я лежу на кровати, смотрю в потолок и впервые за последнее время делаю ингаляцию без Стеллы.

Есть что-нибудь?

Сообщение приходит от Джейсона, но настроения оно не добавляет, потому что ответ на него - оглушительное нет.

От Стеллы по-прежнему ничего. Мне даже записочки. А я только и думаю о ней. И чем длиннее молчание, тем оно хуже. Ничего не могу с собой поделаться: представляю, что вот я рядом с ней, что могу протянуть руку и дотронуться до нее, загладить вину.

Чувствую, как что-то поднимается в груди, в кончиках пальцев, под ложечкой. Желание коснуться гладкой кожи ее руки.

Но этого не будет никогда. Дистанция между нами останется, не исчезнет и не сократится.

Полтора метра навсегда.

Короткий двойной сигнал. Хватаю с надеждой телефон, но это всего лишь уведомление с Твиттера. В полном расстройстве бросаю телефон на кровать.

Какого черта, Стелла? Нельзя же злиться целую вечность. Или можно?

Нет, так нельзя. Нужно все исправить.

Выключаю небулайзер, выглядываю в коридор - что там, чист ли горизонт? Вижу, как Джули заходит с капельницей в одну из дальних палат, выхожу и спокойно, зная, что время у меня есть, иду мимо пустого

сестринского поста и останавливаюсь у ее двери, за которой играет негромкая музыка.

Она на месте.

Перевожу дух, поднимаю руку и стучу костяшками пальцев по дереву.

Музыку выключают. Слышу приближающиеся шаги... Она подходит и в нерешительности застывает у порога.

Наконец дверь открывается...

Я вижу перед собой ее карие глаза, и мое сердце переключается в ускоренный режим.

Как же хорошо.

- Вот ты где, - негромко говорю я.

- Вот я где, - бесстрастно подтверждает она и прислоняется к дверному косяку с таким видом, как будто и не игнорировала меня сегодня весь день.

- Твой рисунок получен. Ты прощен. Отойди.

Я тут же отхожу к дальней стене, обеспечивая дистанцию в полтора метра. Мы смотрим друг на друга, и она моргает, а потом бросает быстрый взгляд на сестринский пост и опускает голову.

- Ты пропустила наши процедуры.

Она, похоже, не ожидала, что я вспомню об этом, но всё равно молчит. Замечаю, что глаза у нее покраснели, как будто она плакала. И вряд ли причиной ее слез могли стать те мои слова.

- Что происходит?

Стелла глубоко вздыхает, а когда начинает говорить, я слышу в ее голосе нервное напряжение:

- У меня сильное воспаление возле гастростомической трубки. Доктор Хамид опасается сепсиса. Завтра утром она собирается иссечь зараженные ткани и сменить трубку.

Я смотрю ей в глаза и вижу, что напряжение связано не только с нервами. Ей страшно. Так хочется подойти и взять ее за руку, сказать, что все пройдет удачно, что ничего плохого не случится.

- Я буду под общим наркозом.

Что? Под общим наркозом? С ее легкими, работающими всего лишь на 35 процентов?

Уж не рехнулась ли доктор Хамид?

Хватаюсь за идущий вдоль стены поручень, чтобы не сорваться с места.

- Черт. Уверена, что твои легкие справятся с таким? - Секунду-другую молчим, и полтора метра между нами ощущаются милями. Потом она отводит глаза и, оставив мой вопрос без ответа, говорит:

- Не забудь принять лекарство на ночь и поставить ночное питание,

ладно?

Сказать что-то я уже не успеваю, потому что она закрывает дверь.

Пересекаю коридор к ее палате, протягиваю руку, кладу на дерево ладонь. Знаю, Стелла там, по другую сторону двери. Я выдыхаю, вдыхаю, прижимаюсь к двери лбом и шепчу:

- Все будет хорошо.

На двери висит табличка. Поднимаю глаза и читаю:

НИЧЕГО НЕ ЕСТЬ И НЕ ПИТЬ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ. ОПЕРАЦИЯ В 6:00.

Пока не засекли, убираю руку, возвращаюсь по коридору в свою палату и падаю на кровать. Обычно Стелла полностью себя контролирует. Что же изменилось на этот раз? Может быть, дело в родителях? Или она так расстроилась, понимая, что ее легкие могут не справиться?

Поворачиваюсь на бок, утыкаюсь взглядом в свой рисунок с лёгкими на стене и вспоминаю похожий в ее палате. Эбби.

Конечно. Вот почему она так разозлилась. Завтрашняя операция - её первая без Эбби. А что, если... Меня как будто подбрасывает пружиной. Сажусь, достаю из кармана телефон и, может быть, впервые в жизни ставлю будильник на 5:00. Потом беру с полки коробку с художественными принадлежностями и приступаю к планированию.

ГЛАВА 13

СТЕЛЛА

Прижимая к груди Лоскутка, перевожу взгляд с мамы на папу. Они сидят по обе стороны от меня и старательно улыбаются обеими губами, избегая при этом смотреть друг на друга. Глядя на пришпиленную к двери общую семейную фотографию, думаю, как бы было хорошо, если бы все стало, как раньше, и ко мне бы вернулись родители, которые всегда говорили мне, что все будет хорошо.

Судорожно вдыхаю, пытаюсь подавить кашель, и слушаю папу, который старается отвлечь, разрядить напряжение разговором ни о чём. Он берет розовый календарик, один из тех, которые разнесли по всем палатам, и просматривает перечисленные в меню кафетерия новинки.

- Сегодня на ужин крем-суп из брокколи. Твой любимый, Стел!

- Вряд ли ей разрешат есть сразу после операции, - резко реагирует мама, и папа мгновенно сникает.

- Если разрешат, обязательно попробую, - говорю я, добавляя сверхдозу оптимизма.

В дверь стучат, и в палату входит санитар в медицинской шапочке и голубых латексных перчатках. Родители поднимаются, и папа протягивает руку. Моя дрожит, и я сама едва держусь, чтобы не поддаться дрожи.

- Скоро увидимся, милая, - добавляет мама, и они по очереди обнимают меня. Обниматься неудобно и больно, но я терплю, не хочу расставаться.

Санитар поднимает и защелкивает поручни на каталке и выкатывает меня в коридор, а я смотрю на рисунки Эбби. Больше всего на свете я хотела бы видеть ее здесь, что бы она держала меня за руку и напевала песенку.

Лица родителей меркнут вдалеке, а мы, проехав до конца коридора, въезжаем в лифт. Створки закрываются, санитар улыбается, и я пытаюсь сделать то же, но губы меня не слушаются, не складываются как надо. Пальцы сжимают простыню.

Двери лифта открываются со звонком, знакомый коридор проносится

мимо, и я уже в другом, где все слишком яркое, слишком светлое, так что детали не разобрать.

Мы проезжаем тяжелые двойные двери, попадаем в предоперационную, а потом в другое помещение. Санитар ставит каталку на место.

- Нужно ещё чтонибудь, пока я не ушел?

Я качаю головой и стараюсь отдышаться. Здесь совершенно тихо, если не считать попискивания приборов и мониторов.

Смотрю в потолок и стараюсь не поддаваться грызущей меня изнутри панике. Я все делала правильно. Была осторожна, пользовалась фуцидином, принимала лекарства согласно расписанию и тем не менее, лежу здесь и жду операции.

Получается, зря старалась? Так, что ли?

Думаю, теперь мне кое-что понятнее. Почему Уилла потянуло на крышу. Я бы сделала что угодно, что бы встать с каталки и убежать далеко-далеко. В Кабо. В Ватикан - увидеть Сикстинскую капеллу. Чтобы сделать то, чего всегда избегала из страха заболеть, но только ради того, чтобы результате оказаться вот здесь, где мне сделают операцию, после которой я, возможно, не очнусь.

Я сжимаю поручни по обе стороны от меня, и костяшки пальцев белеют от усилий. Я приказываю себе быть сильной, быть бойцом, как сказала вчера доктор Хамид. Если я хочу осуществить все задуманное, сделать все, что хочу, то мне нужно больше времени, и за него придется побороться.

Дверь медленно открывается, и кто-то высокий и худощавый входит в палату. На нем зеленый халат, маска и голубые перчатки, какие носят все в предоперационной, но из под шапочки выбиваются волнистые каштановые волосы.

Наши взгляды встречаются, и я от удивления отпускаю поручни.

- Ты что здесь делаешь? - Спрашиваю шепотом, глядя, как Уилл садится на стул и отъезжает на безопасное расстояние.

- Это же твоя первая операция без Эбби, - объясняет он, и я вижу в его голубых глазах какое-то новое, не совсем понятное выражение. Не насмешка, не ирония, а что-то другое, искреннее и откровенное, почти серьезное.

Сглатываю через силу, стараясь сдержать нахлынувшие эмоции, слезы туманят глаза.

- Как ты узнал?

- Просмотрел все твои видео. - Я вижу, как разбегаются лучики в уголках глаз, и понимаю, что он улыбается. - Я, можно сказать, твой фанат. Неужели все? Даже то, неловкое, где мне двенадцать лет?

- Я, может, немного напутаяю. - Уилл откашливается, достает из кармана листок и начинает негромко петь:

- Я люблю тебя...

- Уходи. Как глупо... - бормочу я, вытирая ладонью слезы и качая головой.

- ...очень и ещё чуть-чуть.

Песенка Эбби. Он поет песенку, которую пела Эбби. Слезы бегут по щекам быстрее и быстрее, и я уже не успеваю их стирать, а только смотрю в его голубые глаза, взгляд которых сосредоточенно скользит по строчкам на пятом листке.

Сердце вот-вот разорвется от наплыва самых разных чувств.

- Бабушка когда-то пела нам эту песенку. Мне она не нравилась, а Эбби ее любила.

Уилл смеется и качает головой:

- Пришлось полазить в Гугле. Такая древность.

Я смеюсь вместе в ним и киваю:

- Знаю. Что ещё такое, эти...

- Бочка и кучка? - произносим мы в один голос и смеемся. Наши глаза встречаются, и мое сердце танцует в груди, а кардиомонитор плачет все быстрее и быстрее. Он наклоняется вперед, совсем чуть-чуть, едва нарушая границу опасной зоны, но вполне достаточно, чтобы боль отступила и затаилась.

- Все будет хорошо, Стелла.

Голос у него глубокий и мягкий. И в этот миг я знаю, хотя смешнее и быть не может, что если умру сейчас, то умру влюбленной.

- Обещаешь? - спрашиваю я.

Он кивает и протягивает руку с выставленным полусогнутым мизинцем. Я протягиваю свою, и мы даем обещание на пальцах. Короткий контакт и при этом наше первое настоящее прикосновение. Причем я даже не пугаюсь.

Я поворачиваю голову в сторону двери, из-за которой доносятся приближающиеся шаги. Доктор Хамид входит первой, а вслед за ней медсестра.

- Ну что, приступим? - спрашивает она, показывая два больших пальца.

Я бросаю взгляд туда, где только что сидел на стуле Уилл, но его там уже нет.

Но кто-то есть за серой шторой. Он стоит, прижавшись спиной к стене, и, поймав мой взгляд, приподнимает пальцем маску и улыбается мне.

Я улыбаюсь в ответ и вдруг ловлю себя на том, что и сама начинаю

верить в то, что все будет так, как он сказал.

Все будет хорошо.

Через несколько минут я лежу на операционном столе в сумрачной комнате, где слепяще яркий свет горит лишь прямо над моей головой.

- Ну что ж, Стелла, ты знаешь, что делать, - произносит голос, и рука в голубой перчатке держит надо мной маску.

Сердце неровно колотится, и я поворачиваю голову вижу темные глаза. Мой рот и нос накрывает маска. Когда я очнусь, всё будет кончено.

- Десять, - говорю я и, подняв глаза над плечом анестезиолога, вижу на стене что-то странно знакомое.

Рисунок Эбби. Тот, с легкими.

Как?..

Ответ я, конечно, уже знаю. Уилл. Это он пробрался в операционную и прикрепил рисунок к стене. Из правого глаза выкатывается слезинка. Одна-единственная. Но и считать я не забываю.

- Девять... Восемь... - Цветы плывут, голубое, розовое белое смешиваются... краски вертятся, ворочаются, сливаются... лепестки тянутся ко мне...

- Семь... шесть... пять... - Ночное небо внезапно оживает, проплывает мимо цветов и окружает меня. Звёзды срываются, мигают и пляшут над головой так близко, что до них можно дотронуться, стоит только протянуть руку.

Где-то вдалеке кто-то негромко напевает «очень и еще чуть-чуть».

- Четыре... три...

С периферии зрения наплывает тьма, мир постепенно меркнет. Я сосредотачиваюсь на одной, отдельной звёздочке, на одной точке света, которая разгорается, теплеет и затмевает другие. Гудение прекращается, и я слышу далекий, смазанный голос. Эбби. Господи. Это голос Эбби.

- ...назад... нет...

- Два, - шепчу я то ли вслух, то ли мысленно.

И вдруг вижу ее. Вижу Эбби. Прямо перед собой. Сначала неясно, словно из-за тумана, потом чётко, как будто в солнечный день. У неё папины волнистые волосы, широкая, во весь рот, улыбка и глаза карие, как и у меня.

- ...больше... времени...

Она выталкивает меня из света.

- Один...

Тьма.

ГЛАВА 14

УИЛЛ

Приоткрываю тихонько дверь, смотрю влево-вправо, выскользываю из предоперационной и почти что натыкаюсь на медсестру. Быстренько отворачиваюсь и натягиваю маску, а медсестра входит туда, откуда я вышел.

Прохожу несколько шагов, скрываюсь за стеной возле лестничного пролета и вдруг замечаю мужчину и женщину, сидящих напротив друг друга в пустой комнате ожидания, каждый у своей стены.

Смотрю на одного, на другую.

Я знаю их, но не помню, где их видел.

- Можно тебя спросить? - подает голос мужчина, и женщина поднимает голову и смотрит на него молча и напряженно.

Женщина выглядит как постаревшая Стелла.

Такие же полные губы, густые ресницы, выразительные глаза.

Ну конечно. Родители Стеллы.

Женщина коротко кивает. Взгляд у нее настороженный. Напряжение между ними такое - хоть ножом режь. Знаю, надо повернуться и уйти. Открыть дверь на лестницу и вернуться в палату, пока ничего не случилось. Все это я знаю, но что-то заставляет меня остаться.

- Плитка в моей ванной... Э, фиолетовая? А коврик...

- Черный. - Она опускает голову и смотрит на сложенные на коленях руки. Волосы падают ей на лицо.

Короткая пауза. Дверь в конце коридора бесшумно открывается и впускает Барб. Но родители Стеллы ее не замечают. Отец откашливается.

- А полотенца?

Женщина раздраженно всплескивает руками:

- Какая разница, Том! Это же совершенно не важно.

- Было важно, когда мы красили офис. Ты сама сказала, что коврик...

- Наша дочь в операционной, а ты хочешь поговорить о полотенцах? - бросает она, и ее лицо темнеет.

Такой недовольной я Барб еще не видел. Скрестив руки на груди, она выпрямляется и с хмурым видом наблюдает за их перебранкой.

- Я просто хочу поговорить, - мягко говорит отец Стеллы. - О чем-нибудь.

- Господи, ты меня убиваешь. Перестань...

Она недоговаривает, и они оба поворачиваются и смотрят на Барб, на лице которой проступает постепенно то сердитое выражение, которое она прибегает для нарушителей режима.

Барб вдыхает так глубоко, словно хочет втянуть в себя весь воздух в комнате.

- Я не представляю, через что вы прошли, потеряв Эбби, - мрачным тоном говорит она и указывает на дверь операционной, за которой на стальном столе лежит их дочь. - Но Стелла борется сейчас не только за собственную жизнь, но и за вас обоих.

Пристыженные, оба отводят глаза.

- Разве нельзя оставаться друзьями? Или по крайней мере быть взрослыми? - с отчаянием в голосе выговаривает Барб.

Что за ерунда, Барб. Оставь эту чушь церкви.

Мать Стеллы качает головой:

- Не могу быть рядом с ним. Смотрю на него и вижу Эбби.

Отец быстро поднимает голову, бросает взгляд на бывшую жену и отводит глаза в сторону:

- А я, когда смотрю на тебя, вижу Стеллу.

- Вы - родители. Об этом еще не забыли? А знаете, что когда она узнала насчет операции, то настояла на том, чтобы самой позвонить вам. Боялась за вас, понимаете?

Господи. Неудивительно, что у Стеллы мания остаться в живых. Эти двое потеряли старшую дочь, а потом и друг друга. Если умрет и младшая, они, пожалуй, и рехнуться могут.

Мой отец ушел до того, как я разболелся, до того, как болезнь проявилась в полной мере. Жить с больным ребенком он не мог. А уж с мертвым тем более. А если в семье один ребенок больной, а другой мертвый?

Родители Стеллы смотрят наконец друг на друга, смотрят по-настоящему, со слезами на глазах, и молчат.

Стелла заботится обо всех нас. О маме, папе, обо мне.

Жду не дождусь, когда же мне исполнится восемнадцать, когда стану совершеннолетним и смогу сам распоряжаться своей жизнью. Может, пора и вести себя соответственно. Может, пора действительно позаботиться о

себе.

Смотрю на Барб, невольно моргаю и в ее глазах вижу узнавание.

Ох-хо. Чувствую себя ланью, попавшей в свет фар, растерянной, не знающей, что делать: сорваться с места и бежать или покорно принять неизбежное. Колеблюсь слишком долго, и Барб налетает на меня, хватая за руку и тащит по коридору к лифту.

- Нет, черт возьми, нет.

Я молчу. Створки кабины расходятся, и Барб втаскивает меня в лифт. Снова и снова жмет кнопку третьего этажа, качает сердито головой, и я чувствую исходящие от нее недовольство и раздражение.

- Послушай, я понимаю, что ты злишься, но ей было страшно. Я... мне просто нужно было увидеть ее и...

Створки наконец сходятся, и Барб поворачивается и смотрит на меня. Лицо ее темнее тучи.

- Ты можешь убить ее, Уилл. Можешь лишить ее шансов на новые легкие.

- Она подвергается большей опасности под анестезией, а не со мной, выпаливаю в ответ.

- А вот и нет! - кричит Барб. Лифт замедляет ход, двери открываются. Она выходит, я за ней.

- Вы про что?

- Тревор Фон и Эми Пресли. Как и вы со Стеллой, у обоих был кистозный фиброз. - Она поворачивается на каблуках и смотрит на меня в упор. - Эми заразилась В. серасiа. - Лицо у нее серьезное, так что я закрываю рот и воздерживаюсь от своих обычных комментариев. - Я тогда молодая была, примерно того же возраста, что Джули сейчас. Работать только-только начала. И жить только начинала.

Барб смотрит мимо меня, как будто в другое время.

- Они полюбили друг друга. Мы все знали правила. Никакого физического контакта, дистанция полтора метра. И я, - она указывает на себя, - я позволила им нарушить запрет, потому что хотела, чтобы они были счастливы.

- Я уже знаю, чем это кончилось. Они оба умерли, да? - спрашиваю я, заранее зная, чем закончится ее история.

- Да. - Сдерживая слезы, Барб смотрит мне прямо в глаза. - Тревор заразился от Эми. Эми прожила еще десять лет, а Тревор... Его вычеркнули из списка на трансплантат, где он был в самом начале, а через два года бактерия его убила.

Вот же дерьмо.

Я сглатываю, отворачиваюсь и смотрю на палату Стеллы за сестринским постом. Список того, что может произойти с нами, больными кистозным фиброзом, едва ли не бесконечен. Какие-то истории наверняка придуманы, чтобы напугать нас, но случай с Тревором и Эми, о котором только что рассказала Барб, похоже, не из их числа.

- Это случилось в мою смену, - продолжают Барб, снова показывая на себя и упрямо качая головой. - И будь я проклята, если допущу, чтобы такое повторилось.

Она поворачивается и уходит, а я остаюсь с открытым ртом и не знаю, что сказать.

Только теперь я замечаю стоящего на пороге своей палаты По. Лицо бесстрастное, и понять, что скрывается за этим нечитаемым выражением, невозможно. Ясно только, что он все слышал. По открывает рот, но я поднимаю руку и останавливаю его. Иду к себе и, перешагнув порог, хлопаю дверью.

Первым делом беру с тумбочки ноутбук и сажусь на кровать. Секунду-другую пальцы парят над клавиатурой, потом я перевожу курсор на строку поиска и пишу В. серасіа.

Есть. Информация на всю страницу.

Заражение.

Риск.

Инфекция.

Всего одним кашлем, одним-единственным прикосновением я мог испортить ей всю жизнь. Мог лишить ее шанса на новые легкие.

Я мог навредить Стелле.

Наверно, я это знал. Знал, но не понимал по-настоящему.

И вот теперь от одной лишь мысли об этом мне становится не по себе. Все тело наполняется болью. Хуже, чем при операции, при обострении болезни. Хуже, чем утром в плохой день, когда просыпаешься и не можешь сделать вдох. Хуже, чем быть в одной комнате с ней и не иметь возможности прикоснуться.

Смерть.

Вот что я такое для Стеллы. Только одно может быть хуже, чем не быть с ней или возле нее, -это жить в мире, где ее нет вовсе. Особенно если это случится по моей вине.

ГЛАВА 15

СТЕЛЛА

- Пора просыпаться, милая. - Голос долетает до меня откуда то издалека.

Другой, мамин, звучит ближе. Он где-то рядом.

Я делаю глубокий вдох, и мир проступает из тумана, обретает четкость, а в голове яснее. В поле зрения появляется мамино лицо, рядом папино. Я вижу их и моргаю.

Жива! Получилось.

- Моя Спящая красавица, - говорит она, и я сонно тру глаза. Да, проснулась, но чувствую себя такой вымотанной.

- Как ты себя чувствуешь? - спрашивает папа, и я отвечаю невнятным сонным ворчанием и улыбаюсь обоим.

Стук в дверь, и, толкая перед собой предназначенную для меня коляску, входит Джули. Слава богу. Какое счастье - вернуться в свою палату, в свою постель.

Поднимаю руку, выставляю большой палец, как будто голосую на дороге, и кричу:

- Подбросите?

Джули смеется, папа помогает мне перебраться с каталки в коляску. Болеутоляющее мне дали, должно быть, какое-то очень сильное, так что я не чувствую даже свое лицо.

- Мы заглянем попозже, - говорит папа. - Проверить, как ты.

Вот так да.

Мы.

Мы заглянем попозже?

- Э... я случайно не в альтернативной вселенной проснулась? - Тру глаза, шурюсь и смотрю поочередно на обоих.

Мама улыбается, гладит меня по голове и переглядывается с папой.

- Ты же наша дочь, Стелла. Всегда ею была и навсегда останешься.

Открываю рот, чтобы что-то сказать, но не нахожу слов. К тому же и

сил, чтобы связать в предложение несколько слов, уже не хватает. Я только киваю и безвольно опускаю голову.

- Отдохни, милая, поспи. - Мама целует меня в лоб.

Мы едем по коридору к лифту, и держать глаза открытыми становится всё труднее - веки тяжелее мешка с картошкой.

- Уф, Джули, я совсем выдохлась. - Скашиваю глаза и вижу рядом с собой, на уровне плеча, ее беременный живот.

Двери лифта открываются, и она заводит меня в палату и блокирует колёса коляски.

- И кожа, и трубка выглядят намного лучше. Во второй половине дня можно будет встать. Но будь осторожна, постарайся не делать лишних движений.

Джули помогает мне подняться, сойти с коляски и забраться на кровать. Руки и ноги тяжелые, как будто к ним привесили свинцовые гири. Джули поправляет подушку, и заботливо подтягивает одеяло.

- Тебе о своем ребенке надо заботиться, - печально бормочу я и сонно зеваю.

Джули осторожно присаживается на край кровати и вздыхает:

- Мне понадобится помощь. Я же одна. - Она улыбается мне, и ее голубые глаза теплеют. - Не могу представить никого, на кого бы смогла так положиться.

Я протягиваю руку и тихонько похлопываю пальцами по ее животу - раз и два - и довольно улыбаюсь.

- Буду самой лучшей тетушкой.

Тетя Стелла? Тетя? Я сонно ворочаюсь, и Джули чмокает меня в лоб и выходит, бесшумно закрывая за собой дверь. Голова тонет в подушке, я обнимаю панду, бросаю взгляд на боковой столик и закры... Стоп! Я сажусь, тянусь к столику и ухватываю перевязанную красной лентой сложенную из бумаги коробочку.

Тяну за ленту, и коробочка раскрывается, превращаясь в яркий самодельный букет цветов - пурпурных лилий, розовых гортензий и белых полевых. Впечатление такое, будто ожил один из рисунков Эбби.

Уилл.

Я улыбаюсь, осторожно кладу букетик на место и шарю рукой в поисках телефона. Поиск нужного номера в списке контактов требует полной сосредоточенности. Я касаюсь пальцем кнопки вызова, слушаю гудок и попадаю на голосовую почту. К этому моменту глаза уже закрываются. Я вздрагиваю, услышав сигнал, и заплетающимся голосом говорю:

- Это я. Стелла. Не звони мне, ладно? Я только что из операционной и жутко устала. Позвони, когда... когда получишь... Нет, нет, не надо. Ладно? Не звони, потому что если я услышу твой сексуальный голос, то уже не смогу уснуть. Да. В общем, позвони, о'кей?

Вожусь с телефоном, жму кнопку отбоя, поворачиваюсь на бок, подтягиваю одеяло и снова обнимаю панду. Засыпаю, глядя на бумажные цветы.

Из глубокого, послеоперационного сна меня вытаскивает звонок телефона. Я поворачиваюсь, открываю глаза - веки уже не такие тяжелые, как бытия - и вижу, что по Фейстайму звонит По. После нескольких попыток нажимаю наконец на зелёную кнопку, и на экране появляется его лицо.

- Ты живая!

Я улыбаюсь, протираю глаза и сажусь. Сонливость еще осталась, но эффект болеутоляющих ослабел, и голова уже не ощущается как посаженное на плечи пресс-папье.

- Привет. Живая. - Глаза ползут на лоб при виде чудесного букета бумажных цветов на боковом столике. - Трубка в порядке.

Уилл. Смутно припоминаю, как развязывала ленточку. Быстро просматриваю сообщение. Два от мамы. Три от Камилы. Одно от Мии. Четыре от папы. Все интересуются, как я себя чувствую. И ни одного от Уилла.

Сердце падает на двадцать этажей.

- Ты разговаривал с Уиллом? - слегка нахмурясь, спрашиваю По.

- Нет. - Он качает головой и вроде бы хочет что-то сказать, но не говорит.

Делаю глубокий вдох, закашливаюсь, и бок отзывается болью. У-у-у. Потягиваюсь. Да, больно, но терпимо.

В Инстаграме сообщение. Открываю и вижу, что это ответ от Майкла, поступивший, пока я спала. Накануне вечером он спрашивал, как дела у По, что с его бронхитом. И - а вот это уже сюрприз - собирается ли он навестить родителей в Колумбии. А я даже не знала, что у него вообще такие планы.

Мы проболтали едва не час - о том, как Майкл рад, чтоб По в больнице не один, а со мной, и какой По вообще молодец, и как он, Майкл, за него переживает.

- Мне Майкл звонил. - Я переключаюсь на Фейстайм и наблюдаю за реакцией По.

- Что? - он удивленно таращится на меня. - Почему?

- Спрашивал, как ты, все ли в порядке. - По делает каменное лицо. - Майкл милый и, кажется, любит тебя по-настоящему.

Он закатывает глаза:

- Ясно, выздоровела. Снова лезешь в мои дела. По упускает шанс. Потому что боится. Боится пойти до конца. Боится впустить кого-то во всю ту фигню, в которой мы живём. Мне самой знаком этот страх. Но бойся или не бойся, а самое страшное может случиться сама по себе.

Не хочу больше бояться.

- Вот что я тебе скажу. - Пожимаю небрежно плечами, хотя говорю всерьез. - Для него неважно, что ты болен. - Это правда. Майклу наплевать, что у По КФ. Ему плохо от того, что он не может быть с По.

Больной кистозным фиброзом не знает, сколько времени ему осталось. Но точно также он не знает, сколько времени осталось любимым и близким. Мой взгляд снова притягивает бумажный букетик.

- Позвони, когда в голове прояснится. - Он бросает на меня сердита взгляды дает отбой.

Я посылаю сообщения родителям, говорю, чтобы они отправлялись домой и отдохнули, потому что день уже близится к вечеру, а мне еще нужно немножко поспать. Папа и мама и без того провели здесь бóльшую часть дня, и я совсем не хочу, чтобы они ждали, когда я проснусь, - пусть лучше позаботятся о себе.

Мои предложения, однако, встречают сопротивление. Через несколько минут в дверь стучат, а потом в комнату заглядывают сразу двое. Вместе.

Припоминаю, что уже вроде бы слышала «мы», когда проснулась в первый раз. После смерти Эбби они ещё ни разу не выступали единым фронтом.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает мама, улыбаясь и целуя меня в лоб.

Я подтягиваюсь, сажусь повыше и качаю головой:

— Послушайте, вам действительно надо идти. Вы здесь уже...

— Мы твои родители, Стел. И пусть мы не вместе, но ради тебя мы оба здесь, — говорит папа и кладет мне руку на плечо. — Для нас ты всегда на первом месте, но в последние месяцы мы... определенно проявили себя не лучшим образом.

— Эти месяцы были трудными для всех нас, — добавляет мама и обменивается с ним понимающим взглядом. — Но только не старайся ради нас, ладно? Мы твои родители, милая, и больше всего на свете хотим, чтобы ты была счастлива.

Я киваю. Вот уж чего не ожидала так не ожидала.

— Между прочим, — говорит папа и садится на стул возле моей кровати, — суп был прекрасный. Можете говорит что угодно о кафешной еде, но здесь делают настоящий суп из брокколи с чеддером.

Мы с мамой смотрим друг на друга, я улыбаюсь, а улыбка вытягивает глубокий, и самого живота смех, который мне приходится сдерживать.

Печаль остается, но толика груза слетает с плеч, и я впервые за долгое время вдыхаю чуточку легче. Может быть сегодняшняя операция в конце-концов пошла всем на пользу?

Родители уходят, и я закрываю глаза и дремлю ещё недолго, а когда через час снова просыпаюсь, понимаю, что наркоз рассеялся окончательно и в голове полная ясность. Медленно сажусь, потягиваюсь, прислушиваюсь к боли в боку.

Поднимаю рубашку. Покраснение ещё осталось, припухлость тоже заметна, но в целом область вокруг трубки уже выглядит в миллион раз лучше.

Взгляд снова натывается на бумажные цветы. Я улыбаюсь, встаю с постели и перевожу дух. Легкие работают с натугой и на вход, и на выход, и в помощь им я беру с прикроватного столика кислородный концентратор и вставляю в нос канюлю.

Отправляю сообщение Мии и Камиле, даю им знать, что всё в порядке, и прошу не беспокоиться. Я жива и здорова на все сто. Ну или на уже привычные 35.

Мне еще нужно рассказать подругам о том, что случилось с моими родителями, но они отправляются на экскурсию, и у меня есть кое-какие дела.

Я переодеваюсь, натягиваю леггинсы и линялую футболку, которую Эбби купила мне, когда ездила в Большой каньон. Смотрю на себя в зеркало и вижу, что тёмные круги под глазами сегодня выглядят темнее, чем когда-либо за последние месяцы. Быстро расчесываю волосы, собираю их в аккуратный хвостики хмурюсь - получилось не так хорошо, как я надеялась.

Распускаю хвостик, волосы мягко падают на плечи, и я, взглянув в зеркало, удовлетворенно киваю. Потом достаю из нижнего ящика косметичку, подкрашиваю блеском губы, наношу немного туши на ресницы и улыбаюсь, представляя, как удивится Уилл, увидев меня не только живой, но и с макияжем. Может, он даже захочет поцеловать меня?

Конечно, этого никогда не случится, но почему бы не помечтать?

Замечаю на щеках румянец и посылаю ему сообщение с просьбой встретить меня через десять минут в атриуме.

Подтягиваю на плече лямку портативного концентратора, иду к лифту, поднимаюсь, перехожу в корпус 2 и уже по лестнице спускаюсь в Атриум, занимающий всю заднюю половину здания. Сажусь на скамейку, не спеша оглядываю деревья, кусты и каменный фонтан, негромко журчащий за спиной.

Сердце уже колотится в предчувствии скорой встречи. Ещё несколько минут, и я увижу его.

Дрожащей от волнения рукой достаю телефон и проверяю время. С того момента как Уилл получил сообщение, прошло уже десять минут, а его всё нет и нет.

Посылаю еще одно: Я на месте. Ты получил мое сообщение? Где ты?

Проходит ещё десять минут. И ещё столько же. Может, задремал? Или друзья свалились на голову и он позабыл проверить телефон?

За спиной у меня открывается дверь, и я оборачиваюсь с улыбкой - наконец-то! - и вижу По. А он что здесь делает?

По смотрит на меня, и лицо у него донельзя серьезное.

- Уилл не придет.

- Что? - вырывается у меня. - Почему не придет?

- Уилл не хочет тебя видеть. Он не придет.

Не хочет меня видеть? Что? По протягивает пачку салфеток, я беру и растерянно хмурюсь.

- Он попросил меня сказать тебе, что с той ерундой между вами покончено.

Шок, обида и боль сменяются злостью, настоящей и сильной, такой, от которой скручивает живот. Зачем же тогда он пел мне песенку Эбби перед операцией? Зачем сделал и послал тот чудный букетик бумажных цветов, если с ерундой покончено?

Горькая слеза разочарования выкатывается на щеку, и я рву упаковку и сердито вытираю глаза.

- Ненавижу его.

- Нет, не ненавидишь. - По прислоняется к стене и смотрит на меня. Голос у него мягкий, но решительный.

Я нервно смеюсь и качаю головой:

- То-то, наверно, посмеялся над помешанной на контроле дурочкой из 302-й, да? Сам сказать не пожелал? Посмеяться в лицо не решился? Не похоже на него. - Фыркаю и умолкаю. Даже при том, что я раздражена и сердита, есть ощущение неправдоподобности случившегося. Что-то здесь

не так.

- Он в порядке? Ничего не случилось? - По качает головой:

- Нет, не случилось.

Заминка. Мой друг отводит взгляд в сторону журчащего фонтана, потом снова поворачивается ко мне:

- Небольшое уточнение. Барб случилась.

По рассказывает о подслушанном разговоре в коридоре, о том, как Барб налетела на Уилла, о риске заражения, которое может убить нас обоих.

Я даже не даю ему закончить. Сколько мне еще жить, опасаясь всяких «а что, если»? Моя жизнь сводится к исполнению режима, слежению за показателями, а если принять во внимание только что перенесенную операцию, то риск заразиться и умереть никогда и не уменьшится. Каждая минута моей жизни это «а что, если», и с Уиллом всегда будет то же самое.

Но одно уже могу сказать точно: без него будет по-другому.

Прохожу мимо По, толкаю тяжелую дверь, поднимаюсь по лестнице и иду по переходу к лифту.

- Стелла, подожди! - кричит он вслед, но мне нужно увидеть Уилла. Пусть он сам скажет мне, чего хочет.

Снова и снова тычу пальцем в кнопку вызова, но кабина не спешит. Оглядываюсь и вижу По, идущего ко мне со сконфуженным лицом. Кашляя и держась за бок, поворачиваю к лестнице; от боли начинает кружиться голова. Еще одна дверь, ступеньки... Я торопливо спускаюсь вниз.

Вот и наш этаж. Открываю двойную дверь, подхожу к палате 315 и решительно стучу. Бросаю взгляд в сторону сестринского поста - к счастью, там никого нет.

- Уилл! - выдыхаю из последних сил. - Я не уйду, пока ты не поговоришь со мной.

Тишина. Но я знаю, что он там.

Слышу, как По топает по коридору. Подходит, останавливается в полутора метрах.

- Стелла... - Он качает головой и хватается ртом воздух - погоня за мной далась ему нелегко.

Я не отвечаю. Снова стучу, уже громче.

- Уилл!

- Уходи, Стелла, - доносится через дверь. - Пожалуйста.

Пожалуйста. Что-то есть в том, как он это произносит. Что-то особенное. Желание, глубокое и сильное, и тоска.

Как же мне надоело жить не живя! Как я устала от неисполнимых

желаний! Да, нам многое нельзя, но это ведь можно.

Я точно знаю.

- Уилл, открой дверь, чтобы мы могли поговорить.

Проходит, наверно, минута, прежде чем дверь приоткрывается ровно настолько, что мне была видна его тень на полу. Уилл не выходит, и тогда я, как всегда, отступаю к дальней стене.

- Я отойду, ладно? К самой стене. Этого будет достаточно. - К глазам снова подступают слезы, и я стараюсь загнать их обратно.

- Не могу, - негромко говорит он, и я вижу через щелку его руку в дверном проеме.

- Почему? Послушай, перестань...

- Ты знаешь, что я этого хочу, - Твердо перебивает Уилл. - Но не могу. Нам нельзя... - Голос у него срывается, и в этот момент я понимаю, что с «ерундой» между нами не покончено. Она только начинается.

Я делаю шаг к двери, потому что сильнее, чем когда-либо, хочу увидеть его сейчас.

- Уилл...

Дверь закрывается у меня перед носом, щелкает задвижка. Я ошарашенно смотрю на дверь и чувствую себя так, словно из меня вышибли дух.

- Может, так оно и лучше, - слышится решительный голос у меня за спиной. Поворачиваюсь и вижу По, который смотрит на меня печальными глазами.

- Нет, не лучше. - Я качаю головой. - Нет. Я смогу с этим разобраться. Должна. Просто нужно что-то...

Я умолкаю, не договорив, и опускаю голову. Какой-то выход должен быть.

- Мы не обычные люди, - мягко добавляет он. - Мы не можем так вот рисковать.

Я вскидываю голову, обжигаю его сердитым взглядом. Надо же, и По против нас.

- А, перестань! Вот и ты туда же.

- Просто прими то, что есть! - раздраженно бросает он.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, потом По качает головой. Уилл - мятежный дух. Такой же отчаянный, как и Эбби.

В груди у меня холодеет.

- Хочешь указывать, как мне быть и что делать со своей жизнью? - кричу я. - А как быть с твоей? Ты и Тим. Ты и Рик. Маркус. Майкл.

Он напрягается, стискивает зубы:

- Не надо, Стелла. Не трогай это.

- А я буду! Буду трогать! Они все знали, что ты болен, и все равно любили тебя. Но ты же постоянно убегал. Не они, а ты. Каждый раз. -Я качаю головой и, уже понизив голос, с вызовом спрашиваю: -Ты чего боишься?

- Ты сама не понимаешь, что говоришь! - кричит уже он, и в его голосе гремит такая ярость, что я понимаю: да, задела за живое.

Подхожу ближе и смотрю прямо ему в глаза.

- Ты все испортил. Ты загубил все шансы на любовь, какие только тебе выпадали. Так что, пожалуйста, придержи свои советы при себе.

Я разворачиваюсь и, печатая шаг, марширую в свою комнату, и воздух в коридоре звенит от гнева. За спиной у меня громко хлопает дверь, и звук эхом разносится по всему коридору. Я в отместку хлопаю своей.

Стою посередине комнаты, смотрю на закрытую дверь в полной тишине, и только легкие хрипят на вдохе и выдохе и колотится сердце. Ноги слабеют, подгибаются, и я опускаюсь на пол под тяжестью всего случившегося за день - операция, Уилл, По.

И все-таки какой-то выход должен быть. И он есть. Нужно только его найти.

Следующие несколько дней проходят как в тумане. Родители навещают каждый по отдельности, а потом, после полудня в пятницу, снова вместе и общаются между собой если не дружески, то уж точно тепло. Я говорю по Фейстайму с Мией и Камиллой, но только коротко, когда им удастся находить свободные минутки. Я брожу по больнице, выполняю положенные процедуры, но делаю это равнодушно, как будто меня они не касаются.

Никогда еще мне не было так одиноко.

Я игнорирую По. Уилл игнорирует меня. Стараюсь придумать что-то, поправить положение, но в голову ничего не приходит.

Вечером в четверг, когда я сижу на кровати и в миллионный наверно раз гуглю В. серасiа, за дверью что-то звякает. Хмурюсь - что бы это могло быть? Подхожу, медленно открываю дверь и вижу баночку с красиво написанным ярлычком: ЧЕРНЫЕ ЗИМНИЕ ТРЮФЕЛИ. Я наклоняюсь, поднимаю, снимаю розовый клеящийся листочек и читаю:

Ты права. Но только в этот раз.

По! И сразу становится легче.

Впервые за четыре дня губы сами растягиваются в непринужденную улыбку. Поднимаю голову и слышу, как дальше по коридору хлопает

дверь. Хватаю телефон и торопливо набираю номер.

По отвечает на первом же гудке.

- Тебе купить пончик? -спрашиваю я.

Мы встречаемся в общей гостиной, и я покупаю в автомате пакет его любимых шоколадных мини-пончиков. Бросаю пакет По - он уже сидит на диванчике в нише у окна. Он ловит и говорит спасибо, а я покупаю еще один пакет для себя.

- Пожалуйста. - Я устраиваюсь напротив, и По пытается убить меня взглядом.

- Стерва.

- Придурок.

Мы ухмыляемся друг другу, и ссора считается официально законченной.

По вскрывает пакет, достает пончик, откусывает.

- Да, боюсь, - признается он в ответ на мой взгляд. - Знаешь, что получит тот, кто меня полюбит? Ему придется платить за мое лечение, а потом он увидит, как я умру. Как по-твоему, это справедливо?

Слушаю его и понимаю, откуда такие рассуждения. Думаю, с этим сталкиваются большинство живущих со смертельным заболеванием. С чувством, давящим, как бремя. Я знаю это по себе; последние месяцы у меня было то же самое с моими родителями.

- Страховка. Лекарства. Пребывание в больнице. Хирургические операции. Неполное страховое покрытие по достижении восемнадцати лет.

- По вздыхает, и голос у него срывается. - И то? Грузить на Майкла эти проблемы? На мою семью? Болезнь - моя, Стелла. И проблема - моя.

Из уголка глаза выкатывается слезинка, и По быстро смахивает ее рукавом. Я наклоняюсь вперед - так хочется помочь ему, но, как всегда, не нарушаю дистанцию и только улыбаюсь:

- Эй, может, заставишь Уилла жениться на тебе? Он богатый.

По фыркает:

- Он разборчивостью не отличается. Ему ты нравишься.

Я бросаю в него пончик и попадаю в грудь.

Он смеется, но недолго, и снова становится серьезным.

- Извини. Мне жаль, что у вас с Уиллом не сложилось.

- Мне тоже.

Я сглатываю и цепляюсь взглядом за заполненную сообщениями и уведомлениями информационную доску над его головой. Правила личной гигиены сопровождаются рисунками, показывающими, как правильно мыть руки и кашлять в общественном месте.

В голове у меня зарождается идея.
Список дел придется дополнить еще одним пунктом.

ГЛАВА 16

УИЛЛ

Сижу, свесив ноги, на краю крыши и слушаю снова, снова и снова голосовое сообщение. Слушаю только для того, чтобы слышать ее голос на другом конце. В ее комнате темно, горит лишь лампа на столе. Склонившись над ноутбуком, она неистово стучит по клавишам; длинные каштановые волосы собраны сзади в растрепанный пучок.

Что она может делать в такой поздний час?

Думает ли обо мне?

Я поднимаю голову, и снежинки, неспешно кружась, опускаются мне на плечи, веки и лоб.

За последние годы я побывал на десятках больничных крыш. Я смотрел сверху на лежащий внизу мир и каждый раз испытывал одно и то же чувство. Мне нестерпимо хотелось ходить по улицам, плавать в океане и жить так, как никогда раньше. Мне хотелось чего-то, чего было нельзя.

Но теперь то, чего я хочу, не где-то там, за стенами больницы. Оно здесь, рядом, так близко, что можно дотронуться.

Но мне нельзя. Раньше я и подумать не мог, что можно желать чего-то так, что желание ощущается и в руках, и в ногах, и в каждом вдохе.

Звонок. Я смотрю на телефон и вижу уведомление от ее приложения, эмоджи в виде крохотного танцующего пузырька.

Прием на ночь!

Я даже не могу объяснить, почему продолжаю это делать. Бросаю на нее последний взгляд, поднимаюсь, иду к двери и поднимаю бумажник. Спускаюсь не спеша на третий этаж, проверяю, есть ли кто в коридоре, и прокрадываюсь в свою палату.

Подхожу к медицинской тележке и, как и учила Стелла, заедаю лекарства с шоколадным пудингом. Смотрю на рисунок, на котором я изобразил себя в виде старухи с косой. На лезвии косы написано «ЛЮБОВЬ».

Сообщение от Хоуп: У тебя все в порядке?

Вздыхаю, стаскиваю толстовку и пишу, немного поступаясь правдой, ответ: Да, в порядке.

Я подключаю жидкое питание и забираюсь в постель. Снимаю с прикроватного столика ноутбук, открываю Ютьюб и нахожу то видео со Стеллой которое уже смотрел. Настроение как раз подходящее, унылое.

Хоуп и Джейсон меня бы не узнали.

Отключив звук, смотрю, как она, когда сосредоточена на чем-то, убирает волосы за ухо, как откидывает голову, когда смеется, как скрещивает руки на груди, когда нервничает или расстроена.

Смотрю, как она переглядывается с Эбби и родителями, как перекидывается шуточками с друзьями, но вижу прежде всего, как относятся к ней люди, как любят ее. И не только в семье. Я вижу эту любовь в глазах Барб, По, Джули. Вижу в отношении к ней врачей, медсестер, вообще всех, кто встречается ей на жизненном пути.

Черт возьми, даже комментарии здесь особенные, не та обычная для Ютьюба грязь.

Смотреть долго не могу. Я закрываю ноутбук, выключаю свет и лежу в темноте, прислушиваясь к громкому и четкому стуку сердца.

На следующий день, уже ближе к вечеру, смотрю в окно на медленно кланящееся к горизонту зимнее солнце. На груди ровно вибрирует «Аффловест». Я проверяю телефон и с удивлением обнаруживаю сообщение от мамы. Впервые после ее посещения две недели назад она обратилась не к врачам, а напрямую ко мне: Слышала, ты выполняешь назначения. Рада, что ты принял правильное решение.

Я закатываю глаза, бросаю телефон на постель, кашляю и сплевываю комок слизи. Слышу какой-то шорох, поворачиваюсь к двери и вижу лежащий под ней конверт с написанным на нем моим именем.

Знаю, радоваться особо нечему, но сердце все равно пускается вскачь. Отстегиваю жилет и поднимаю с пола конверт. Открываю, осторожно достаю сложенный лист, разворачиваю и обнаруживаю выполненный цветными карандашами рисунок.

Высокий мальчишка с волнистыми волосами стоит напротив невысокой девчонки. Согласно подписям, зовут их Уилл и Стелла. Над головами парочки плывут маленькие розовые сердечки, а на огромной стреле, протыкающей их, ярко-красным написано: «В МЕТРЕ ДРУГ ОТ ДРУГА».

Рассматриваю рисунок и улыбаюсь. Стелла определенно не унаследовала те художественные таланты, которые достались ее старшей сестре, но получилось все равно забавно. Что она хочет этим сказать? И

какие еще пять футов, если безопасная дистанция шесть, и ей это прекрасно известно?

Дзинь.

Быстренько возвращаюсь к ноутбуку, пробегаю пальцами по трекпаду и открываю новое сообщение. От Стеллы. В сообщении ничего, кроме ссылки на размещенное на Ютьюбе видео. Кликаю по ссылке и попадаю на последнее, опубликованное ею всего лишь три минуты назад.

В. серасіа - гипотетическое.

Стелла приветственно машет рукой в камеру, и я настороженно улыбаюсь. Волосы у нее собраны в тот же самый неряшливый пучок, который я видел с крыши. На кровати перед ней аккуратно разложенные предметы.

- Всем привет! Сегодня я хочу рассказать вам о кое-чем особенном. Burkholderia серасіа. Риски, ограничения, правила боя и как произнести это в десять раз быстрее! Это я к тому, что название и впрямь то еще.

Смотрю и не вполне понимаю, что это и зачем.

- Ну ладно. Итак, В. серасіа - это живучая бактерия. Адаптивная до такой степени, что не защищается от пенициллина, а питается им. Так что наша первая линия обороны... - Она выдерживает паузу, опускает руку и берет небольшого размера флакончик с какой-то жидкостью и подносит его к камере. «Кэл стат!» Это не ваш привычный антисептик. Дезинфицирующее средство для рук, используется в больницах. Применять почаще и не жалеть!

Стелла надевает пару голубых латексных перчаток, шевелит пальцами.

- Следующее - наши добрые старомодные латексные перчатки. Испытаны и проверены временем. Применяются для защиты... - она опускает глаза, откашливается и рассматривает разложенные на кровати предметы, - при разнообразных видах деятельности.

При разнообразных видах деятельности? Я качаю головой и невольно улыбаюсь. Что у нее на уме?

Между тем Стелла достает несколько медицинских масок и вешает одну на шею.

- Благоприятная среда для существования В. серасіа - слюна и мокрота. При кашле распространяется на полтора метра. При чихании скорость распространения может достигать двухсот миль в час, так что не позволяйте ей разлетаться.

Двести миль в час. Ничего себе. Хорошо, что у меня нет аллергии, а то нам всем была бы крышка.

- Слюна - это поцелуй. Значит, никаких поцелуев. - Стелла вздыхает и

смотрит в камеру - прямо мне в глаза. - Никогда.

Я вздыхаю и киваю. Самый большой облом. При мысли о поцелуе со Стеллой... Я качаю головой. Сердце скачет с утроенной скоростью.

- Наша самая надежная защита - дистанция. Полтора метра - это золотое правило. - Она наклоняется и поднимает с пола бильярдный кий. - В нем один метр. Один. Метр.

Я бросаю взгляд на рисунок, где мы вдвоем, а над нами написанные красным слова «В МЕТРЕ ДРУГ ОТ ДРУГА».

И где только ей удалось откопать бильярдный кий?

Стелла вытягивает руку с кием и смотрит на него с каким-то особенным вниманием:

- Я много думала о пятидесяти сантиметрах. И, сказать по правде, едва не спятила.

Она опять поворачивается к камере:

- Мы, больные КФ, так многого лишены. Каждый наш день определяется режимом лечения.

Слушая ее, я прохаживаюсь по палате взад-вперёд.

- Большинство из нас не могут иметь детей. Многие даже не доживают до того времени, когда можно попытаться. Только такие же, как мы, наши товарищи по несчастью, в полной мере понимают, каково это. Нам не положено влюбляться друг в друга. - Она встает с решительным видом. - Болезнь столько всего у меня отобрала, пора хоть что-то отвоевать обратно.

С некоторым даже вызовом Стелла вскидывает кий, словно готовясь сразиться за каждого из нас:

- Я намерена вернуть пятьсот миллиметров. Пятьдесят сантиметров. Полметра.

Я останавливаюсь и смотрю на экран в полнейшем восхищении.

- Больше этот кистозный фиброз не украдет у меня ничего. Отныне я буду отнимать у него. Я буду вором.

Клянусь, я слышу приветственные возгласы где-то вдалеке, одобрительный шум и голоса поддержки. Она молча смотрит в камеру. Смотрит на меня. Я стою ошарашенный и вздрагиваю, когда в дверь стучат.

Три громких стука.

Открываю - она там. Настоящая. Живая.

Стелла.

Она вытягивает руку с кием, касается моей груди, и ее густые брови вызывающе вскидываются.

- Один метр. По рукам?

Я выдыхаю и качаю головой. После той вдохновенной речи в Ютьюбе мне так и хочется шагнуть вперед и поцеловать ее.

- Не стану врать, мне это трудно.

Стелла пристально смотрит на меня:

- Скажи-ка, Уилл, ты в деле?

- В деле, - без малейших колебаний отвечаю я.

- Тогда будь в атриуме. В девять.

Не говоря больше ни слова, она опускает бильярдный кий, поворачивается и уходит к себе. Я провожаю ее взглядом и чувствую, как радостное волнение одолевает засевшее под ложечкой сомнение.

Прежде чем войти в свою палату, Стелла победно вскидывает бильярдный кий - как в концовке фильма «Клуб «Завтрак», - и я, глубоко вздохнув, киваю.

Больше этот кистоизный фиброз не украдет у меня ничего.

ГЛАВА 17

СТЕЛЛА

- Почему я не захватила с собой ничего симпатичного? - кричу я По, который помогает мне, подпирая дверной косяк. Выбрасываю из ящиков тренировочные брюки, пижамы, мешковатые футболки - ищу, что бы надеть вечером.

- Наверно потому, что ты не рассчитывала на бурный больничный роман? - фыркает он.

Вытаскиваю весьма откровенные шелковые шортики. Смотрю на них и не могу решить, да или нет. Либо они, либо бесформенные фланелевые треники, доставшиеся мне по наследству от Эбби.

- У меня ведь красивые ноги, так?

- Об этом даже не думай! предупреждает он, делая большие глаза, после чего мы прыскаем со смеху.

Думаю о своих подругах, проводящих последний вечер в Кабо, и впервые за все время я им не завидую и не жалею, что я здесь, а не там. Уж лучше бы они были сейчас здесь и помогали мне собраться. Как хотите, я рада быть сейчас здесь, а не где-то далеко.

Смотрю на часы на прикроватном столе. Пять вечера. На то, чтобы что-то решить, осталось четыре часа.

Проходя через двери атриума, замечаю вазу с белыми розами. Выдергиваю одну, обламываю черенок, сую цветок за ухо и, уловив свое отражение в дверном стекле, нервно улыбаюсь и окидываю себя с головы до ног быстрым взглядом. Волосы распущены и перехвачены впереди ленточкой, снятой с бумажных цветов Уилла. На мне откровенные шелковые шортики и топик на бретельках, которые я надела, несмотря на смех По. Учитывая, что весь мой наряд собран из худшего в истории гардероба для свиданий, я выгляжу вполне себе мило.

Приятно знать, что Уиллу я нравлюсь такая, какая есть. В смысле, что раньше он видел меня по большей части в пижаме или больничной

ночнушке, а значит, определенно не готов к моему безупречному наряду из последней Больничной Коллекции Осени - 2018.

Я поправляю голубые перчатки на руках и еще раз проверяю, висит ли на лямке кислородного концентратора антисептик «Кэл стат». Сидя на скамье, заглядываю в детскую игровую комнату, и на меня вдруг накатывает волна ностальгии. Бывало, я сама пробиралась туда поиграть с пациентами других отделений. Иногда с По. За прошедшие годы атриум почти не изменился. Те же высокие деревья с ярко-окрашенными цветами, тот же аквариум с тропическими рыбками у дверей, где Барб ругала нас за крошки, которыми мы пытались накормить его обитателей.

Да, с тех пор как я стала бывать в Сейнт-Грейсиз, атриум, может быть, почти и не изменился, чего никак нельзя сказать обо мне. Столько всякого случилось здесь впервые, что все и не перечислишь. Первая операция. Первый лучший друг. Первый шоколадный молочный коктейль.

И вот теперь первое настоящее свидание.

Медленно и со скрипом открывается дверь. Смотрю за угол и вижу Уилла.

- Сюда, - шепчу я, поднимаясь со скамейки и протягивая ему бильярдный кий.

Лицо его расплывается в широкой улыбке. Уилл берет за другой конец кия, и я вижу перчатки у него на руках и выглядывающую из переднего кармана бутылку антисептика.

- Ух ты, - говорит он и смотрит на меня так, что сердце начинает кувыркаться в груди. На нем синяя в клетку пижама, которая висит на хрупких плечах, как на вешалке, и на фоне которой его голубые глаза кажутся еще ярче. Волосы выглядят аккуратнее и по крайней мере причесаны, хотя очаровательная растрепанность отчасти сохранилась.

- Чудесная роза, - говорит Уилл, но взгляд, задержавшись на моих голых ногах, взбегает к шелковому топу.

Я краснею и дотрагиваюсь до цветка у меня за ухом.

- Роза? Эта? Здесь?

Уилл смотрит на меня так, как никто еще не смотрел раньше.

- Эта самая. Он кивает.

Я тяну кий, и мы идем через атриум к главному вестибюлю. В какой-то момент Уилл замечает стоящую на столе вазу с белыми розами и щурится.

- Воруешь розы, Стелла? Сначала целых пятьдесят сантиметров украли, а теперь и цветок?

Я смеюсь и, подняв руку, проверяю, на месте ли моя.

- Поймал меня, да, я украли ее.

Он тянет кий со своей стороны и качает головой:
- Нет, ты нашла для нее лучшее место, чем ваза.

ГЛАВА 18

УИЛЛ

Глаза не могу отвести от нее.

Красная лента в волосах. Белая роза за ухом. Взгляды, которые она снова и снова бросает на меня.

У меня такое ощущение, что это все ненастоящее. Никогда прежде я не испытывал подобных чувств потому, главным образом, что все мои отношения строились на том, чтобы жить быстро, менять одну больницу на другую и умереть молодым. Нигде я не задерживался настолько, чтобы успеть по-настоящему кем-то увлечься. И даже будь такой шанс, желания бы, наверно, не возникло. Среди них не было Стеллы.

Мы останавливаемся перед большим аквариумом с тропическими рыбками, и лишь усилием воли я отрываю взгляд от нее и перевожу на ярко окрашенных обитателей стеклянной полусферы.

Слежу за оранжево-белой рыбкой, наматывающей круги у придонного коралла.

- Когда я была маленькой, то всегда смотрела на них и думала, как было бы здорово задерживать дыхание надолго и плавать вот так, как они, - говорит Стелла, следуя за моим взглядом.

Вот так сюрприз. Я знал, что она бывала в Сейнт-Грейсиз, но не знал, что впервые она попала сюда еще ребенком.

- И сколько ж тебе было?

Оранжево-белая рыбешка поднимается вверх и стрелой ныряет к самому дну.

- Доктор Хамид, Барб и Джули заботятся обо мне с шестилетнего возраста.

С шести лет. Ничего себе. Провести столько времени в одном месте... Такое я даже представить себе не мог.

Мы выходим в главный вестибюль и оказываемся перед большой лестницей. Она снова тянет бильярдный кий.

- Поднимемся по ступенькам.

По ступенькам? Я смотрю на нее как на сумасшедшую. Вспоминаю изматывающий подъем на крышу, и легкие горят от одной только мысли о повторении. Не самая сексуальная прогулка. Если она хочет, чтобы свидание продлилось больше часа, подняться наверх будет невозможно.

Стелла улыбается:

- Я шучу.

Потеряв счет времени, мы бродим по почти пустой больнице, говорим о семьях, друзьях и обо всем на свете, и бильярдный кий ходит взад и вперед между нами. Мы направляемся к открытому переходу, соединяющему первый и второй корпуса, и медленно идем по нему, вытягивая шеи, чтобы взглянуть через стеклянный потолок на штормовое серое ночное небо. На крышу перехода справа и слева от нас упрямо падает снег.

- А что у тебя с отцом? - спрашивает она, и я пожимаю плечами.

- Сбежал, когда я был еще маленький. Возиться с больным ребенком в его планы не входило.

Она пристально наблюдает за мной, ждет хоть какой-то моей реакции, но я спокоен.

- Это было так давно, что иногда мне кажется, будто я рассказываю не свою, а чужую, выученную наизусть историю.

У тебя нет времени на меня, у меня нет времени на тебя. Вот так. Все просто.

- А что твоя мама?

Пытаюсь открыть и придержать для нее дверь, что не так-то просто, когда в руке бильярдный кий да еще нужно сохранить дистанцию в один метр, но я же джентльмен, черт побери.

Вздыхаю и отвечаю по возможности коротко:

- Чудесная. Умная. Решительная. И полностью зациклена на мне.

Стелла смотрит на меня, давая понять, что такой ответ не прокатит.

- После того как он ушел, она решила, что справится за двоих. Иногда кажется, что она не видит меня и не знает, а видит и знает только кистозный фиброз или В. серасіа.

- А ты об этом с ней разговаривал?

Я качаю головой и пожимаю плечами, спешу закрыть тему:

- Слушать ей особенно некогда. Приходит, дает указания и уходит. Но через два дня мне исполнится восемнадцать, и тогда я сам буду принимать решения.

Она останавливается как вкопанная и останавливает меня, дернув к себе кий:

- Подожди-ка. У тебя день рождения через два дня?

Я улыбаюсь, но Стелла не улыбается ответ.

- Ну да! Выигрышное число восемнадцать.

- Уилл! - Она даже топает от досады ногой. - У меня нет для тебя подарка!

Ну не мило ли?

Тычу ей в ногу концом кия, но шутить уже не намерен. Есть кое-что, чего я действительно хочу:

- Как насчет обещания? Просто быть рядом.

Она удивлена, но пожимает плечами и кивает:

- Хорошо. Обещаю.

Стелла ведет меня в спортзал, и сенсоры движения включают свет при нашем приближении. Она снова тянет кий и ведет меня мимо спортивного оборудования к двери в дальнем углу, исследовать который я еще не удосужился.

Посмотрев сначала влево, потом вправо, она открывает крышку панели управления и набирает код.

- Да ты, можно сказать, здесь за главного, а? - спрашиваю я.

Замок щелкает, дверь открывается, а на панели загорается зеленый свет.

Она усмехается и закрывает крышку:

- Одна из привилегий быть любимицей.

Я смеюсь.

Дверь открывается, и меня встречает волна теплого воздуха, а смех разлетается эхом в пустом просторном помещении. Здесь полутемно, свет только в бассейне, пробегает яркой рябью по застывшей воде. Мы разуваемся и садимся на краю. Воздух теплый, а вода прохладная, и мы болтаем в ней ногами. На какое-то время устанавливается уютная тишина.

Я смотрю на нее - нас разделяет лишь лежащий между нами бильярдный кий.

- Что, по-твоему, случится, когда мы умрем?

Она качает головой:

- Не самый приятный разговор для первого свидания.

Я смеюсь и пожимаю плечами:

- Перестань. Мы все здесь смертны, и ты не можешь об этом не думать.

- В моем списке есть такой пункт.

Конечно есть.

Стелла смотрит вниз, на воду, выписывает ногами круги.

- Есть одна теория, которая мне нравится, так вот согласно ей, чтобы понять смерть, нужно увидеть рождение.

Она теребит ленточку в волосах.

- Мы ведь живем в животе у матери, верно? Живем и понятия не имеем, что наша следующая жизнь буквально в полушаге.

Стелла пожимает плечами и смотрит на меня:

- Может, смерть что-то вроде этого. Может, она просто другая жизнь? И до нее всего лишь полшага.

Следующая жизнь в полушаге? Надо подумать.

- Значит, если начало смерть и смерть также конец, то что есть настоящее начало?

Она поднимает на меня глаза и смотрит серьезно, мои загадки ее не развлекают:

- Ладно, доктор Сьюз. А почему бы тебе не рассказать мне, что ты думаешь? - Я пожимаю плечами и откидываюсь на спину.

- Смерть - большой сон, детка. Прощание. Отключка. Конец.

- Нет, такого не может быть. Эбби не просто отключилась. Я не могу в это поверить.

Я молчу. Смотрю на нее, и мне так хочется задать вопрос, который не дает мне покоя с тех пор, как я узнал, что Эбби умерла.

- Что случилось? С Эбби?

Стелла замирает, но вода у ее ног еще кружится.

- Эбби занималась клифф-дайвингом в Аризоне и допустила ошибку, когда входила в воду. Разбилась. Сломала шею и утонула. Нам сказали, что боли не почувствовала. - Она смотрит на меня, и в ее глазах тревога и смятение. - Откуда им знать, Уилл? Почувствовала она боль или не почувствовала? Эбби всегда была рядом, когда мне бывало плохо, а вот меня в нужный момент рядом не оказалось.

Я качаю головой. Как трудно остаться на месте, когда так хочется подвинуться и взять ее за руку. Но что сказать? Не знаю. На ее вопрос ответа нет. Стелла снова смотрит на воду, и глаза ее туманятся, а мысли улетели, должно быть, далеко-далеко, в Аризону.

- Предполагалось, что мы будем там вместе, но я не смогла. Заболела. Как всегда.

Она медленно, с усилием выдыхает, глядя в одну точку на дне бассейна:

- Постоянно это представляю, воображаю, как и что могло случиться. Что она почувствовала? О чем подумала? Я этого не знаю, и потому для меня Эбби постоянно умирает. Я вижу ее снова, снова и снова.

Я беру бильярдный кий и трогаю ее ногу в воде. Стелла вздрагивает и смотрит на меня. Глаза у нее чистые и ясные.

- Даже если бы ты была с ней там, ты все равно ничего бы не смогла

сделать и ничего бы не знала.

- Но она умерла там одна. Понимаешь?

С этим не поспоришь.

- Разве мы не все умираем в одиночку? Те, кого мы любим, не могут уйти с нами. - Я думаю о Хоуп и Джейсоне. О моей маме. Что расстроит ее больше: моя смерть или проигрыш болезни?

Стелла погружает ноги глубже в воду.

- Как думаешь, утонуть это больно? Страшно?

Пожимаю плечами:

- Так уйдем и мы, да? Мы ведь тоже тонем, только без веды. Всю грязную работу выполняют наши собственные жидкости. - Смотрю на нее краем глаза и вижу, как она ежится. - Думал, ты не боишься смерти.

Она шумно вздыхает и смотрит на меня раздраженно и недовольно:

- Я не боюсь смерти, но есть еще умирание. Ты знаешь, что при этом чувствуют люди? - Я не отвечаю, и она продолжает: - А ты чего боишься? Или ничего?

На губах уже вертится привычный саркастический ответ, но я сдерживаюсь, потому что хочу быть с ней настоящим.

- Думаю о самом последнем вдохе. Последнем глотке воздуха. Когда тянешь, тянешь и не получаешь ничего. Думаю, как рвутся и горят грудные мышцы. Все понапрасну, все бесполезно. Воздуха нет. Ничего нет. Только тьма. - Я смотрю на воду, а вижу четкую, со всеми деталями картину нарисованного. Образ знакомый, как и сосущее чувство под ложечкой. - Но... Эй! Такое только по понедельникам. В остальные дни я об этом не задумываюсь.

Стелла тянется ко мне, и я знаю, что она хочет взять меня за руку. Знаю, потому что и сам хочу того же. Сердце замедляет ритм, и я вижу, как она замирает на полпути, как впиваются в ладонь пальцы, как опускается рука.

Наши глаза встречаются, и в ее зрачках я вижу понимание. Ей знаком этот страх. И тут она улыбается одними лишь уголками губ, и я понимаю, что вопреки всему мы здесь.

Благодаря ей.

Стараюсь сделать вдох поглубже и вижу подрагивающий отблеск на ее ключице, шее, плечах.

- Господи, ты такая красивая. И смелая. Это просто преступление, что мне нельзя дотронуться до тебя.

Я поднимаю бильярдный кий. Никогда еще мне не хотелось так сильно ощутить под пальцами ее кожу. Я осторожно веду кончиком кия по ее

руке, резкому изгибу плеча, поднимаюсь по шее. Она вздрагивает от этого моего «прикосновения», ее глаза сомкнулись с моими, а на щеках пламенеет красный цвет.

- Твои волосы, - говорю я, касаясь их там, где они падают на плечи.

- Твоя шея, - говорю я, и свет оживляет ее кожу.

- Твои губы, - говорю я, ощущая то опасное влечение, то взаимное притяжение, грозящее риском поцелуя.

Внезапно смутившись, Стелла отворачивается.

- Я солгала в тот первый день, когда мы познакомились. У меня не было секса. - Она переводит дух. - Не хочу, чтобы меня кто-то видел. Со шрамами, с трубкой. В этом нет ничего сексуального и...

- В тебе все сексуальное, - перебиваю я. Она смотрит на меня, и я хочу, чтобы она увидела подтверждение этих слов на лице. - Ты само совершенство.

Стелла отталкивает бильярдный кий, встает, поднимает руки и медленно стягивает свой шелковый топ, под которым обнаруживается черный кружевной бюстгальтер. Топ падает на пол, а у меня отваливается челюсть.

Так же медленно она снимает шорты, переступает через них и выпрямляется, словно приглашая меня взглянуть.

Да она же вышибла из меня дух! Хватаю воздух, а ненасытный взгляд торопится ухватить все ее тело: плечи и грудь, бедра и ноги. Свет танцует на боевых шрамах у нее на груди и животе.

- Боже мой. - Это все, на что меня хватает. Вот уж не думал, что буду завидовать бильярдному кию.

Стелла улыбается стыдливо и вдруг опускается в воду и уходит с головой. Она смотрит на меня снизу вверх, и ее длинные волосы колышутся, словно у русалки. А потом выныривает, ловя ртом воздух, и мои пальцы сжимают кий.

Стелла тихонько смеется:

- Сколько меня не было? Пять секунд? Десять?

Я откашливаюсь. Закрываю рот. Как по мне, так мог и год пройти.

- Не знаю, не считал. Смотрел.

- Что ж, я тебе свое показала, - говорит она с вызовом в голосе.

На вызов я отвечаю всегда.

Поднимаюсь, расстегиваю рубашку. Теперь она зритель. Молчит, не говорит ни слова, но губы приоткрыты.

Я подхожу к ступенькам, спускаю брюки и стою в одних трусах. Они зовут меня, вода и Стелла. Шаг на ступеньку, еще один вниз. Я спускаюсь

в воду, не отпуская ее взгляд. Обоим не хватает воздуха, и впервые в этом не виноват КФ.

Я ухожу под воду, и она следует моему примеру. Пузырьки бегут вверх, а мы смотрим друг на друга через подводный мир, и волосы тянутся нас вверх, и в падающем свете отбрасывают тени наши тела.

Мы улыбаемся друг другу, и даже зная, что есть миллион причин против, глядя на нее сейчас, я чувствую, что влюбляюсь.

ГЛАВА 19

СТЕЛЛА

Выходим из бассейна, и пока ночь перетекает в раннее утро, наши волосы медленно сохнут. Проходим мимо всего того, что я миллион раз видела за годы, проведенные в Сейнт-Грейсиз. Дремлющие охранники, хирурги, сердито трясущиеся торговые автоматы в вестибюле, тот же белый кафельный пол, тот же неяркий свет в коридорах — и все кажется совсем другим, когда рядом со мной Уилл. Это как видеть все впервые. Не знала, что такое возможно — смотреть на привычные вещи другими глазами.

Медленно идем мимо кафетерия и останавливаемся перед огромным боковым окном, подальше от случайных прохожих, и смотрим, как постепенно светлеет небо. По ту сторону стекла все еще тихо. Мои глаза находят далекие огни, горящие в парке.

Я глубоко вздыхаю, показываю на них:

— Видишь те огни?

Повернувшись ко мне, Уилл кивает, после бассейна его волосы растрепались.

— Ага. Я всегда смотрю на них, когда сижу на крыше.

Снова перевожу взгляд на огни; он наблюдает за мной.

— Мы с Эбби каждый год ходили туда. Она называла эти огни звездами, потому что их было так много. — Я улыбаюсь, потом смеюсь. — Родные называли меня звездочкой.

Мне слышится голос Эбби, называющей меня так. Я чувствую боль, но не острую.

— Она загадывала желание, но никогда не говорила мне какое. Отшучивалась, что если скажет, то оно никогда не исполнится. — Маленькие точки огней мерцают вдаль, зовут меня, словно Эбби уже там. — Но я и так знала. Она загадывала новые легкие для меня.

Вдыхаю и выдыхаю, ощущая это постоянно присутствующее усилие, с которым мои легкие наполняются и спадают, и размышляю, каково это

будет —дышать новыми легкими. Легкими, которые за короткое время изменят жизнь, какой я ее знаю. Легкими, которые действительно работают. Которые позволят мне дышать, бегать, которые дадут больше времени для того, чтобы по-настоящему жить.

— Надеюсь, ее желание исполнится, — говорит Уилл, и я прислоняюсь головой к холодному стеклу, искоса глядя на него.

— Хочу, чтобы моя жизнь была не напрасной, — высказываю я свое желание подмигивающим огонькам.

Уилл пристально смотрит на меня:

— Твоя жизнь это все, Стелла. Ты действуешь на людей сильнее, чем думаешь. — Он касается груди, кладет ладонь на сердце. — Я сужу по собственному опыту.

От моего дыхания стекло запотеваает; я рисую на нем большое сердце. Мы смотрим друг на друга в отражении стекла, и я чувствую, как притягивает меня к нему через разделяющее нас пространство. Притягивает к нему мою грудь, руки, кончики пальцев. Больше всего на свете мне хочется поцеловать его.

Вместо этого я нагибаюсь и целую его отражение на стекле.

Он медленно поднимает руку, касается своих губ пальцами, словно ощутил поцелуй, и мы поворачиваемся друг к другу. Смотрю на него, а солнце показывается над горизонтом, отбрасывая теплый румянец на его щеки, заставляя гореть глаза, которые наполнены чем-то новым и в то же время таким знакомым.

У меня начинает покалывать кожу.

Он делает шаг навстречу; его рука в перчатке медленно скользит по бильярдному кию, глаза насторожены, и у меня начинает колотиться сердце. Делаю движение приблизиться, украсть еще несколько дюймов, оказаться к нему как можно ближе.

Но у меня звонит телефон. Он вибрирует и вибрирует, и волшебство момента улетучиваются, как воздушный шарик. Выхватываю телефон из заднего кармана, вижу сообщение от По и чувствую облегчение, смешанное с грустью, потому что мы с Уиллом снова отдаляемся друг от друга.

SOS.

Барб ищет вас обоих!!!

ГДЕ ВЫ, РЕБЯТА?

Господи. Меня переполняет паника, и я гляжу на Уилла, широко раскрыв глаза. Если она застанет нас вместе, нам не видать второго свидания.

— О нет, Уилл. Нас ищет Барб!

Что делать? Мы максимально далеко от нашего крыла.

Какую-то долю секунды он тоже выглядит растерянным, но потом собирается и сурит брови, переключаясь в аварийный режим:

— Стелла, где она будет искать тебя прежде всего?

Я лихорадочно соображаю:

— Отделение неонатологии!

Западный вход. Барб зайдет с другой стороны. Если я угадала, то могу успеть вовремя.

Киваю головой в сторону лифта и вижу, как медленно закрываются двери. Морщась, прислоняю кий к стене и спешу к лестничной клетке, в то время как Уилл бросается в другую сторону, чтобы подняться на наш этаж.

С трудом переставляя ноги, пытая от натуги, тащусь вверх по лестнице; руки и ноги начинают гореть, но я доволакиваю свое тело до пятого этажа. Поддергивая повыше портативный кислородный аппарат, висящий на плече, вхожу в пустой коридор. Ступни громко шлепают по полу, из груди вырывается учащенное дыхание.

Это очень плохо. Барб меня убьет. Ну, сначала Уилла, а потом определенно меня.

Ощущение такое, что мои легкие поджаривают; ковыляю к двери с большой красной цифрой «пять», поглядывая на западный вход в отделение. Стараюсь вдохнуть как можно больше воздуха и, отчаянно кашляя, открываю кнопочную панель. Руки так сильно трясутся, что я не могу набрать код.

Сейчас меня поймают. Слишком поздно.

Хватаю правую руку левой, чтобы не дрожала, и набираю 6428. Дверь, щелкнув, открывается, и я бросаюсь на пустую кушетку; в голове все плывет, я крепко закрываю глаза и притворяюсь, что сплю.

Не проходит и секунды, как дверь в восточное крыло распахивается, и я слышу шаги, а потом и аромат духов Барб, когда она останавливается прямо возле меня. В груди горит, но я стараюсь сдерживать дыхание и выглядеть спокойной, хотя тело отчаянно требует воздуха.

Чувствую, как надо мною веером взметывается одеяло, а потом шаги постепенно удаляются; восточная входная дверь сначала открывается, затем защелкивается за ней.

Тут же сажусь, давась кашлем, от пронзительной боли в груди и во всем теле глаза наполняются слезами. Боль понемногу слабеет, взор проясняется — тело начало получать необходимое количество воздуха. Чувствую огромное облегчение — оно может сравниться только с

невероятным количеством адреналина в моей крови.

Достаю телефон, отправляю Уиллу эмоджи с поднятым вверх пальцем. Через полсекунды он отвечает:

НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО НАС НЕ ПОЙМАЛИ.

Я смеюсь, тону в теплом диване, треволнения прошедшей ночи заставляют мое сердце парить на мили выше госпиталя.

Просыпаюсь от стука в дверь в неудобном уродливом зеленом кресле у окна. Сонно тру глаза, шурю на экран телевизора.

Уже час дня. Этим объясняется миллион сообщений от Камилы, Мии и По, интересующихся, как я провела прошедшую ночь.

Прошлая ночь.

Улыбаюсь при одной мысли о ней, чувствую, как меня захлестывает волна счастья. Поднявшись, ковыляю к двери и открываю ее, удивляясь, что по ту сторону никого нет. Странно. Внизу, на полу, нахожу молочный коктейль из буфета, а под ним — записку.

Наклонившись, вытаскиваю ее и с улыбкой прочитываю: «По сказал, что ты любишь шоколад. Ясно, что у ванили вкус лучше, но пусть так и будет, потому что ты мне нравишься».

Он даже нашел время нарисовать мультяшный пьедестал, на котором рожок с ванильным мороженым занимает первое место, оттесняя шоколадное и клубничное.

Смеюсь, выглядываю в коридор и вижу Уилла в маске и перчатках. Оттянув маску вниз, он строит мне рожицу, но тут из-за угла появляется Барб. Подмигнув, он захлопывает дверь в свою палату, успев исчезнуть прежде, чем она замечает его.

Пряча молочный коктейль и записку за спиной, я широко улыбаюсь.

— Доброе утро, Барб!

Она поднимает глаза от списка пациентов и смотрит подозрительно:

— Уже за полдень.

Кивнув, я медленно отступаю в палату.

— Конечно, за полдень. Так и есть. — Делаю неопределенный жест свободной рукой. — Знаешь, из-за этого снега трудно определить... который теперь час.

Чтобы не сморозить еще какую-нибудь глупость, прикрываю дверь и закатываю глаза.

Остаток дня ведем себя тихо, чтобы не вызывать у Барб подозрений насчет нас. Не рискуем даже Скайпом пользоваться; даже не обмениваемся сообщениями. Я устраиваю большое шоу: провожу ревизию своей

медицинской тележки и всякий раз, выходя за чем-нибудь необходимым в коридор, подсовываю записку под дверь Уилла.

В свою очередь Уилл не менее дюжины раз делает вылазки к торговому автомату и передает мне ответы вместе с каждым новым пакетом чипсов или леденцов.

«Когда свидание номер два?» — пишет он, и я улыбаюсь, глядя в блокнот и даже зная, на что действительно потрачу день.

В блокноте у меня план подготовки его дня рождения, который будет завтра.

ГЛАВА 20

УИЛЛ

Сижу на краю кровати и сонным взглядом наблюдаю, как спорят моя мать и доктор Хамид. Словно эти крики могут изменить результаты моих анализов. Цевафломин не дал никаких результатов.

Сегодня точно не самый лучший день моего рождения.

— Возможно, имеет место неблагоприятное лекарственное взаимодействие. Что-то мешает новому лекарству работать как следует, — бросает мать в ответ, и в ее взгляде читается отчаяние.

Тяжело вздыхая, доктор Хамиц качает головой.

— Бактерии глубоко укоренились в легких Уилла. Для проникновения в легочную ткань любому антибиотику требуется время. — Она показывает на мою дневную дозу внутривенного цевафломалина. В том числе и этому.

Мама набирает в грудь воздуха, хватается за спинку койки.

— Но если оно неэффективно...

Только не это. Я больше не вынесу. Встаю и перебиваю ее:

— Хватит! Перестань, мама. Мне сегодня восемнадцать, помнишь? Я больше не собираюсь ни в какие больницы.

Мама поворачивается ко мне, и я вижу, что она была готова к этому моменту — глаза ее полны гнева.

— Прости, что мешаю тебе веселиться, стараясь спасти твою жизнь, Уилл! Худшая мама года, верно?

Доктор Хамид медленно пятится к двери, понимая, что это ее шанс улизнуть и избежать бессмысленных препирательств. Снова перевожу взгляд на мать и сердито смотрю на нее:

— Ты же знаешь, что у меня безнадежный случай. Ты делаешь только хуже. Никакое лечение меня не спасет...

— Прекрасно! — восклицает мама. — Давай прекратим лечение. Не будем напрасно тратить деньги. Перестанем пробовать. Что дальше, Уилл? — Она раздраженно смотрит на меня. — Ляжешь на тропическом пляже и позволишь волне унести тебя? Что-нибудь глупое и поэтичное? —

Подбоченясь, она качает головой: — Извини, но я живу не в сказке. Я живу в реальном мире, где люди решают свои...

Спохватившись, она замолкает, а я делаю шаг вперед, поднимаю брови, всем своим видом предлагая ей закончить фразу:

— ...проблемы. Давай, мама. Скажи это.

В этом слове выражено все, чем я для нее всегда являлся.

Она медленно выдыхает, и впервые за долгое время ее взгляд смягчается:

— Ты не проблема, Уилл. Ты мой сын.

— Тогда стань мне мамой! — кричу я, и глаза застилает красная пелена.

— Когда ты в последний раз ею была?

— Уилл, — говорит она, делая шаг ко мне. — Я стараюсь тебе помочь. Я стараюсь...

— Ты меня вообще знаешь? Посмотрела хоть на один мой рисунок? Тебе известно, что здесь есть девушка, которая мне нравится? Готов спорить, что нет. — Качаю головой; злость из меня так и хлещет: — Как ты могла? Ты видишь во мне только эту долбаную болезнь!

Показываю на все книги и журналы по искусству на столе.

— Кто мой любимый художник, мам? Понятия не имеешь, правда? Хочешь справиться с проблемой? Измени свой взгляд на меня.

Мы смотрим друг на друга. Она с трудом сглатывает, берет себя в руки, тянется за сумочкой на кровати и мягко, но твердо говорит:

— Я тебя прекрасно вижу, Уилл.

Она уходит, тихо прикрыв за собой дверь. Конечно, ушла. Расстроенный, сажусь на кровать. Потом поднимаю взгляд и вижу изысканно упакованный подарок, обвязанный широкой красной лентой с аккуратным бантом. Так бы и выбросил, но вместо этого беру интересно, чем она собиралась меня порадовать. Срываю ленту, упаковочную бумагу, и на свет появляется рамка.

Не верю собственным глазам. Не потому, что не знаю эту вещь, а потому, что хорошо ее знаю.

Это политическая карикатура 1940-х годов. Оригинал, фотокопию которого я повесил в своей палате.

Подпись, дата и все такое. Даже не думал, что подобный раритет еще существует.

Вот дерьмо.

Плюхаюсь на кровать, хватаю подушку и прижимаю к лицу; раздражение в адрес мамы перерастает в острое недовольство собой.

Я так возмутился ее однобоким взглядом на меня, что не понимал: я

веду себя точно так же.

Знаю ли я, куда она сейчас пошла? Знаю ли, что ей нравится делать? Я так сосредоточился на мысли о том, как мне хочется жить своей собственной жизнью, что совсем забыл — у нее она тоже есть.

И это я.

Без меня мама останется совсем одна. До сих пор я думал, что она видит во мне только болезнь. Проблему, которую нужно решить. Но она видела своего сына, старалась заставить его бороться с болезнью вместе с ней. А я только и делал, что огрызался и ругался. Она хотела, чтобы я не отступал и сражался. Я же готовился сдать позиции.

Сажусь, снимаю фотокопию и заменяю ее уникальным оригиналом в рамочке.

Мама хочет того же, что и Стелла. Больше времени.

Больше времени провести со мной.

Отталкиваюсь от стола, на ходу вынимая наушники. Последние два часа я провел за рисованием, стараясь стряхнуть с себя негатив после очередной стычки с мамой.

Понимаю, что должен ей что-то сказать. Первым протянуть руку позвонить или послать сообщение, но ничего не могу с собой поделать и все еще немного злюсь. Я имею в виду, что это улица с двусторонним движением, и она тоже далеко не все сделала со своей стороны. Если бы она показала мне, что слушает, хотя бы намекнула...

Хватаю чашку с шоколадным пудингом и свои послеобеденные пилюли с медицинской тележки и, как надлежит, принимаю. Достаю телефон, сажусь на край кровати и начинаю бесцельно листать сообщения в Инстаграме, рассчитывая обнаружить кучу поздравлений от бывших одноклассников.

От Стеллы пока ничего. С прошлой ночи она ничего мне не прислала, а я спрашивал ее о втором свидании.

Звоню ей по Фейстайму и улыбаюсь, когда она берет трубку.

— Я свободен!

— Что?.. — начинает она, и тут ее глаза расширяются. — Ах да, правильно, с днем рождения! Не могу поверить, что забыла...

Машу рукой, перебивая ее. Ничего страшного.

— Ты занята? Не хочешь прогуляться? Барб поблизости нет.

Она наводит телефон на кучу учебников, лежащих перед ней.

— Прямо сейчас не могу. Занимаюсь.

У меня падает сердце. В самом деле?

— Ладно, все нормально. Просто я подумал, что, может быть...

— Может, позже? — спрашивает она, снова обращая телефон на себя.

— Позже придут мои друзья, — говорю я, грустно пожимая плечами.

— Это здорово. Мы что-нибудь придумаем. — Я в смущении смотрю на нее. — Понимаешь, мне просто не хватает тебя.

Она улыбается, взгляд теплеет, лицо счастливое.

— Вот и все, что я хотел увидеть! Эту улыбку. — Провожу пальцами по волосам. — Ладно. Возвращайся к своим учебникам.

Даю отбой, ложусь обратно на кровать, телефон бросаю на подушку.

Через секунду он начинает звонить. Хватаю его и говорю, даже не посмотрев на экран.

— Я знал, что ты переменишь свое...

— Привет, Уилл! — произносит голос на том конце. Это Джейсон.

— Джейсон! Привет, — отвечаю, слегка расстроенный тем, что это не Стелла, но все равно радуясь его звонку. Со Стеллой все получилось так быстро, что у меня в самом деле не было возможности поговорить с ним.

— Кое-что произошло, — каким-то странным голосом продолжает Джейсон. — Прости, парень. Мы сегодня не сможем к тебе прийти.

Серьезно? Сначала Стелла, а теперь Джейсон и Хоуп? Дни рождения мне явно не удаются. Но я отбрасываю эти мысли:

— О, конечно, все в порядке. Я все понимаю. — Он начинает извиняться, но я перебиваю: — Seriously, все отлично! Подумаешь, большое дело.

Закончив разговор, громко вздыхаю, сажусь на постели, взгляд мой падает на небулайзер. Беру «альбутерол» и закидываю голову, мыча:

— С днем рожденья меня...

От вечернею сна меня пробуждает вибрация телефона — поступило сообщение. Сажусь, фокусирую взгляд на экране и пролистываю вправо, чтобы прочитать весточку от Стеллы.

ИГРАЕМ В ПРЯТКИ. ТЫ ВОДИШЬ. ХОХО. С.

Смущенный и заинтригованный, скатываюсь с постели, засовываю ноги в свои белые «вансы» и распахиваю дверь. Ярко-желтый надувной шар чуть не тычется мне в лицо; он привязан за длинную нитку к дверной ручке. Присмотревшись, вижу, что внутри шарика, на самом дне, что-то есть.

Записка?

Дважды проверяю, нет ли кого поблизости, прежде чем топнуть по шару ногой. Мальчишка, возвращающийся в свою палату с открытым

пакетом чипсов, подпрыгивает на пару метров, чипсы вылетают из пакета и устилают пол. Быстро хватаю скатанную в трубочку записку, разворачиваю и читаю аккуратный почерк Стеллы:

Начни оттуда, где мы впервые встретились.

Отделение неонатологии! Крадусь по коридору мимо мальчишки, с обиженным видом собирающего свои картофельные чипсы, и поднимаюсь на лифте на пятый этаж. Виляя между медсестрами, пациентами и врачами, бегу через переход во второй корпус, минуя двойные двери восточного входа в отделение. Оглядываюсь, верчу головой туда-сюда в поисках следующей подсказки. Вот! За стеклом к пустой кровати привязан еще один ярко-желтый шарик. Осторожно, на цыпочках захожу в палату, вожусь с узлом на нитке, чтобы отвязать шар.

Господи, Стелла. Ты что, морские узлы вяжешь?

Наконец справляюсь, выбираюсь назад в коридор, смотрю в обе стороны и — ХЛЮП!

Разворачиваю записку, читаю следующее послание:

Розы красные. Или они...

Морщу лоб, уставившись на записку. «Или они...» О! Вспоминаю ее лицо в ту ночь, белую розу, аккуратно заложенную за ухо. Ваза. Направляюсь напрямиком в атриум, сбегая по ступеням в главный вестибюль, спешу в помещение, со всех сторон закрытое стеклом. Распахиваю двери и вижу плавающий в воздухе желтый шарик, привязанный к вазе.

Машу рукой охраннику, с подозрением наблюдающему, как я срываю шарик с вазы. Стараюсь сдерживать дыхание легкие протестуют, такая гонка не для них. Улыбнувшись охраннику порядка, громко лопаю шарик и, чтобы объяснить, смущенно пожимаю плечами:

— У меня сегодня день рождения.

Подбираю записку, разглаживаю и читаю:

Если бы я только могла задерживать дыхание достаточно долго...

Едва закончив читать, разворачиваюсь к аквариуму с тропическими рыбками; в глаза бросается их ярко-оранжевая и желтая окраска. Жадно высматриваю, где на аквариуме следующий шарик.

Или я неправильно понял?

Задумываюсь снова. Бассейн.

Выбегаю из помещения в сторону спортивного зала в первом корпусе; последняя записка зажата в кулаке. Толчком открываю дверь в зал, иду мимо тренажеров и вижу дверь в бассейн, предусмотрительно распахнутую и подпертую стулом. Захожу внутрь и с облегчением вздыхаю, увидев

желтый шарик, плавающий в воде в паре метров от края.

Смотрю по сторонам и замечаю кий, оставленный здесь в пятницу.

Заведя кий под шарик, цепляю нитку и вытаскиваю шарик из воды, чувствуя, что к нему для утяжеления что-то привязано.

Вытаскиваю и... невольно хохочу бутылка «Кэл стат», антисептика из видео Стеллы.

Кием протыкаю шарик, потом ищу среди обрывков послание.

Спустя ровно сорок восемь часов после на шею первого свидания...

Переворачиваю записку в ней больше ничего нет. Я хмурюсь, смотрю на часы. Восемь пятьдесят девять. Через минуту будет ровно сорок восемь часов после нашего первого... У меня звонит телефон.

Сдвигаю заставку и вижу фото Стеллы, чертовски привлекательной в колпаке шеф-повара и с желтым шариком в руке; она широко улыбается. Сообщение гласит: **...начинается второе!**

Наморщив лоб, уменьшаю изображение, пробую определить, где она может находиться. Такие металлические двери установлены по всей больнице. Погоди-ка! Сдвигаю картинку вправо и вижу угол автомата с молочными коктейлями в буфете. Быстро иду к лифту, поднимаюсь на пятый этаж, прохожу по коридору и по мостику в корпус 2. Заскакиваю в другой лифт и снова спускаюсь на третий этаж, где находится кафетерий; стараюсь успокоить дыхание и приглаживаю волосы, смотрясь в стены из нержавеющей стали. Бильярдный кий по-прежнему у меня в руке.

Как ни в чем не бывало выхожу из-за угла и вижу Стеллу, прислонившуюся к двери кафетерия. Когда она замечает меня, глаза ее вспыхивают от радости. Стелла сделала макияж, длинные волосы откинута с лица и собраны лентой.

Она прекрасна.

— Думала, ты меня никогда не найдешь.

Протягиваю ей кий; она берется за другой конец, толкает дверь и ведет меня через темный кафетерий.

— Знаю, уже поздно, но нам пришлось подождать, пока кафетерий закроется.

В недоумении оглядываюсь.

— ...Нам?

Остановившись перед двойной дверью, стекла которой словно расписал мороз, она поворачивается ко мне, смотрит с загадочным выражением на лице, потом набирает код на панели. Щелкнув, дверь открывается, и меня встречает хор голосов:

— Сюрприз!

У меня отвисает челюсть. Хоуп и Джейсон, а также подружки Стеллы, Миа и Камила, только что вернувшиеся из Кабо, сидят за столом, накрытым больничной простыней; по концам стола горят белые свечи, языки пламени бросают теплые отсветы на корзинки, полные свежего хлеба, и на аккуратно нарезанный салат. Даже медицинские чашки с красно-белыми пилюлями «креона» поставлены перед тремя местами за столом.

Я совершенно ошеломлен.

Перевожу взгляд со стола на Стеллу и не нахожу слов.

— С днем рождения, Уилл, — говорит она, концом кия легонько толкая меня в бок.

— Он настоящий! — восклицает Камила (или Миа?), и я смеюсь, а Хоуп бросается ко мне и крепко обнимает.

— Нам так не хотелось обманывать тебя, — извиняется она.

Джейсон тоже меня обнимает, хлопает по спине.

— Но вот твоя девушка нашла нас через твою страничку в Фейсбуке и убедила устроить тебе сюрприз.

Миа и Камила при словах «твоя девушка» обмениваются многозначительными взглядами, и Стелла сердито смотрит на них, потом смотрит на меня. Моя девушка. Как это замечательно звучит.

— Сюрприз определенно удался, заявляю я, — обводя их благодарным взглядом.

Появляется По в маске, стерильной шапочке и перчатках и размахивает щипцами:

— Привет! Угощение почти готово!

Мы рассаживаемся, соблюдая дистанцию между всеми больными. Стелла с одного края, я с другого, По — посередине, между Хоуп и Джейсоном. Миа и Камила сидят по другую сторону стола, обеспечивая необходимое расстояние между мной и Стеллой. Все принимаются за хлеб с салатом, а я смотрю на них и улыбаюсь. Я так счастлив, что даже противно.

Через стол смотрю на Стеллу, улыбаюсь ей и говорю одними губами «спасибо». Она кивает, краснеет и опускает взгляд.

Моя девушка.

По подает на стол самую прекрасную в мире пасту с лобстерами, которую я когда-либо видел; блюдо украшено листьями базилика, свежим пармезаном и даже трюфелями! Все благоговейно взирают на это чудо.

— Откуда все это взялось?— интересуюсь я, в то время как мой желудок издает громкое голодное урчание.

— Отсюда! — отвечает По, кивая себе за спину, на кухню. — В каждой больнице имеется VIP-кухня, где хранятся деликатесы для знаменитостей и политиков. — Он пожимает плечами. — Для важных людей, понимаешь?

Он поднимает стакан.

— Но сегодня ты — виновник торжества, все это для тебя! Салют!

Все поднимают стаканы.

— Салют!

Через стол смотрю на Стеллу и подмигиваю ей.

— Как жаль, что у меня аллергия на морепродукты, По.

Он замирает на полуслове и медленно поворачивает голову в мою сторону.

Ухмыляюсь, трясую головой.

— Шучу, шучу!

— Я чуть не запустил в тебя лобстером, — хохочет По.

Все смеются над нами, и мы принимаемся за главное блюдо. Это определенно лучшая паста из тех, которые я ел, а мне доводилось бывать в Италии.

— По! — возглашаю я, тыча вверх вилкой. — Это неопишимо!

— Когда-нибудь ты станешь лучшим шеф-поваром в мире, — поддерживает меня Стелла, и По, улыбаясь до ушей, шлет ей воздушный поцелуй.

Довольно скоро принимаемся рассказывать смешные истории. Джейсон рассказывает историю о том, как два года назад мы подбили всю школу прийти в одном нижнем белье за день до летних каникул. Что произвело достаточно сильное впечатление, потому что обычно нас ругали, даже если мы неровно повязывали галстук.

Вот единственная вещь в школе, по которой я не скучаю, — форма.

Стелла принимается вспоминать всякие шалости, которые они с По проделывали здесь, в больнице, начиная с попытки похищения из кафетерия автомата для приготовления молочных коктейлей и кончая гонками на креслах-каталках по детскому отделению.

Судя по всему, я не единственный, кого Барб время от времени желает убить.

— Ой, был еще один случай, ребята! — восклицает По и смотрит на Стеллу. — Помнишь Хеллоуин в том году?

Стелла уже начинает улыбаться, глаза ее светятся, она кивает.

— Сколько нам тогда было, Стелла? Десять?

Подтвердив кивком, она сама начинает рассказывать:

— Ну, мы набросили простыни и... — По принимается завывать, как

привидение, вытягивает перед собой руки и скользит по залу. — Мы прокрались в отделение для слабоумных.

Разыгрывают?

Я так хохочу, что у меня начинается приступ кашля. Отодвигаю стул от стола, машу рукой, чтобы продолжали веселиться, пока я прокашляюсь.

— Да ну! — говорит Джейсон. — Вы все придумываете!

— Ох, дружище, — стонет По, утирая слезы. — Это был такой скандал. Лучший Хеллоуин в моей жизни. Однако мы попали в крупные неприятности.

— И это даже не мы придумали! --начинает Стелла. — Эбби...

Голос ее прерывается, и я вижу, как она пытается справиться с собой. Наши глаза встречаются; я понимаю, как горько ей сейчас.

— Мне ее не хватает, — говорит Камила. Миа кивает в знак согласия, ее глаза полны слез.

— Эбби была неукротимая. Свободная, — отзывается По, кивая. — Она всегда говорила, что собирается жить на полную катушку, потому что Стелла этого лишена.

— Она так и жила, говорит Стелла. Пока ее это не убило.

В зале наступает полное молчание. Смотрю, как она встречается взглядом с По; оба грустны, но улыбаются — их объединяет это короткое воспоминание об Эбби.

Жаль, я ее не знал.

— Но она много прожила. Гораздо больше, чем мы, — с улыбкой замечает По. Ей бы понравилась вот такая тайная вечеринка.

— Да, — соглашается, помолчав, Стелла. — Понравилась бы.

Я поднимаю свой стакан:

— За Эбби.

— За Эбби! — провозглашают все, поднимая стаканы. Стелла смотрит на меня через стол, и взгляд ее карих глаз — лучший подарок на день рождения.

ГЛАВА 21

СТЕЛЛА

Прислонившись к кухонной стойке, я с улыбкой наблюдаю за По, который как раз достал из духовки свежесдобитый пирог. Поймав взгляд, он поднимает голову и вопросительно вскидывает брови.

- Хотелось посмотреть мастера в деле.

Он подмигивает, снимает рукавицы и, вооружившись большим поварским ножом, уверенно и ловко – и даже щегольски - разрезает пирог на восемь частей.

Я аплодирую, а По берет большую свежую клубничку, внимательно рассматривает ее со всех сторон, подрезает здесь, чикает там и уже через несколько секунд, растянув губы в улыбке, демонстрирует ягоду, превратившуюся его стараниями в чудесную, изящную розетку, которая и водружается торжественно на край пирога.

Я наблюдаю это чудодейственное превращение, раскрыв от изумления рот:

- Невероятно!

По с напускным равнодушием пожимает плечами:

- Готовлюсь. В следующем месяце мы с Майклом собираемся навестись к моей маме. - Новость он сообщает мне с таким видом, будто ничего особенного в ней нет,

Разумеется, я пишу от восторга. Наконец-то!

- Да. — По улыбается от уха до уха. — Ты права. Майкл любит меня, и эти последние недели без него дались тяжелее, чем я представлял. И я люблю его. — Он прямо-таки лучится радостью. - Жду завтра на ланч. Надо постараться.

Я едва не бросаюсь ему на шею, но в последний момент сдерживаюсь и останавливаюсь на положенной дистанции. Оглядываюсь, вижу кухонную рукавичку, надеваю и тянусь к руке друга. Слезы подступают к глазам, я шмыгаю носом и качаю головой.

- По, я так...

Он срывает с моей руки рукавичку, шлепает ею меня по голове и моргает, сдерживая слезы:

- Dios mio! Не раскисай, Стелла! Ты же знаешь, я не могу допустить, чтобы девушка плакала в одиночку.

- Это слезы радости, - говорю я, и мы оба шмыгаем носом. - Я так счастлива! — Из другой комнаты доносится смех, и он вытирает глаза.

- Идем, а то пропустим все веселье!

По осторожно выносит свой замечательный, украшенный свечами пирог, и все начинают петь. Уилл улыбается и обводит взглядом всех сидящих за столом.

- С Днем рожденья тебя. С Днем рожденья тебя. С Днем рожденья, с Днем рожденья поздравляем тебя!

«И еще много-много таких дней», - шепчу я одними губами, вкладывая в пожелание все свои чувства.

- Извини, Уилл, только пирог, - с улыбкой говорит По. - Я, конечно, молодец, но приготовить торт менее чем за час - это даже мне не по силам.

- Все замечательно. Огромное тебе спасибо. - Уилл улыбается в ответ и с опаской посматривает на свечи. - Ребята, если я задую их, съесть пирог вы уже не сможете.

Он смотрит на нас с По, и мы с важным видом киваем. Хоуп, привстав, задует свечи, ерошит виновнику торжества волосы и улыбается:

- Я даже желание за тебя загадала.

Он улыбается и подмигивает ей:

- Надеюсь, мы еще увидим, как Стелла выскакивает из пирога в бикини!

Все смеются, а Миа достает телефон и селфи-палку, вытягивает руку и просит приготовиться для группового фото

Мы все сбиваемся в кучку, не забывая держать безопасную дистанцию, и...

Застекленная дверь распахивается, ударяясь о стену, мы все вздрагиваем и оборачиваемся...

Барб... Ох-хо...

Она смотрит на нас. Мы смотрим на нее. Все потрясены, и никто не произносит и слова.

Первым приходит в себя По.

- Привет, Барб, - говорит он, откашливаясь. — А мы думали, у тебя сегодня выходной. Что будешь? Позволь угостить. Стелла как раз собиралась начинать..

У Барб, должно быть, двойная смена. И молчит она сейчас вовсе не

случайно. Барб знает меня и знала, что у Уилла сегодня день рождения. Дело дрянь.

Не говоря и слова, Барб смотрит на нас, и лицо ее каждой своей черточкой выражает гнев. Она поднимает руку, указывает на нас троих, и мое сердце срывается в пропасть.

- Встать. Живо.

Мы медленно поднимаемся. Барб качает головой, бросает короткое «следуйте за мной», поворачивается и молча идет к выходу из кафетерия.

Прежде чем последовать за ней, машем на прощание Хоуп и Джейсону, Мии и Камиле. Плохо получилось. Много раз я видела Барб сердитой и расстроенной по разным поводам, но такой - никогда. Страшно от одного только взгляда на нее.

Мы тащимся за ней по коридору. Я бросаю обеспокоенный взгляд на Уилла. «Все будет хорошо», - одними губами шепчет он, но его улыбке не хватает уверенности.

- До взятия посевов и получения результатов анализов всем находиться в палатах. — Она поворачивается к Уиллу. - Ты завтра утром будешь переведен.

- Нет! - говорю я, и Барб пристально смотрит на меня. - Нет, Уилл ни в чем не виноват и...

Она поднимает руку и не дает мне договорить:

- Ты, может быть, согласна рисковать своей жизнью, а я - нет.

Наступает оглушительная тишина, которую нарушает неожиданный смех По. Мы все смотрим на него, а он с видом полнейшей невозмутимости качает головой и, поймав мой удивленный взгляд, залихватски усмехается:

- Совсем как в те времена, когда мы были детьми...

- Вы уже не дети, По! - кричит Барб, обрывая его на полуслове.

— Мы были осторожны, - продолжает По уже серьезным тоном. — Соблюдали правила, делали все, как ты нас учила. - Действительно, мы и сейчас держимся на безопасной дистанции друг от друга. Он кашляет, коротко и быстро, и добавляет: — Извини, Барб, но было здорово.

Она открывает рот, но так ничего и не говорит, а потом поворачивает на наш этаж. Больше никто не произносит ни слова до самого конца. Я смотрю на Уилла. Так хочется быть ближе, но, увы, из-за этого мы и влипли в неприятности.

Все расходятся по палатам. По, прежде чем скрыться за дверью, подмигивает нам с Уиллом. Барб провожает меня неодобрительным взглядом.

Ближе к полуночи вижу на экране ноутбука мирно посапывающего Уилла, он уснул сразу после нашего разговора. Лицо умиротворенное. Трудные сонные глаза - день получился долгий, наполненный планированием и подготовкой вечеринки и закончившийся налетом Барб. Мы знаем: скоро его отошлют, и не будет ни полуночных прогулок, ни встреч в спортзале, ни записок под дверь. Ничего не будет.

Мои веки медленно опускаются, но тут в динамиках громкой связи раздается сигнал. Я вздрагиваю и просыпаюсь.

- Код синий. Весь свободный персонал..

Вскакиваю и бегу к двери. Господи. Синий код. У кого-то остановилось сердце. А нас, больных, на этом этаже сейчас не так уж много.

Я открываю дверь, и как раз в этот момент объявление повторяется еще раз, и слышно оно в коридоре уже яснее:

- Код синий. Весь свободный персонал в палату 310. Код синий.

Палата 310. По. Господи, пусть он просто неправильно подключил монитор.

Я хватаюсь за стену, и комната идет кругом. Мимо с грохочущей тележкой проносится бригада экстренной медицинской помощи. Следом за ними в палату По вбегают Джули, чья смена только что началась. Из открытой двери доносится голос Барб:

- Он не дышит! Пульса нет. Шевелитесь поживее!

Не может быть. Этого не может быть

Я бегу, спотыкаясь, к его палате. Вижу лежащие на полу ноги, ступни указывают в разные стороны. Нет. Нет, нет, нет. Рядом с По — Барб, в руках у нее реанимационный мешок, и она гонит воздух в его легкие. Он не дышит. По не дышит.

— Ну же, малыш, давай, не подводи меня! — кричит она.

И тут же другой голос:

— Дефибриллятор!

Кто-то склоняется над ним, задирает его любимую футболку в цветах колумбийской футбольной команды, подаренную матерью на день рождения, лепит на грудь два электрода. И я наконец-то вижу его лицо: глаза закатились, кожа посинела.

У меня холодеют руки и ноги.

— По! — воплю я в отчаянии.

Барб поворачивается, видит меня и кричит:

- Нет! Кто-нибудь, уведите ее отсюда!

- Обширный напряженный пневмоторакс. Коллапс легких. Нам нужен

набор для интубации! - снова кричит незнакомый голос, и я смотрю на неподвижную грудь и посылаю ей мысленный сигнал - подняться.

Дышать. Ему нужно дышать.

Вокруг толпятся люди, и я стараюсь протиснуться между ними, добраться до него, до По. Я бьюсь о плечи, отталкиваю руки.

- Закройте дверь! - велит Барб, и чьи-то руки подхватывают меня и выставляют в коридор, а она снова обращается к По: - Борись, малыш Борись же, черт возьми!

Я вижу Джули, ее темные глаза. А потом дверь захлопывается мне в лицо.

Я отшатываюсь, поворачиваюсь и вижу рядом с собой Уилла. Лицо бледное, как у По. Он тянется ко мне, но в последний момент отдергивает руки и сжимает кулаки, а его глаза полны отчаяния. Чувство такое, что меня сейчас вырвет. Я прислоняюсь к стене, соскальзываю по ней на пол и стараюсь справиться с дыханием. Уилл садится в метре от меня, у противоположной стены. Обхватываю дрожащими руками колени, опускаю голову и закрываю глаза, но все равно вижу лежащего на полу По.

Полосатые носки.

Желтая футболка.

Этого не может быть. Он очнется. Должен очнуться. Сядет, отпустит шуточку — мол, переел пасты или зачитался до обморока Андерсоном Купером и спросит, не хочу ли я прогуляться с ним за молочным коктейлем. Тем самым коктейлем, который мы пьем уже десять лет.

Слышу чьи-то шаги, поднимаю голову и вижу спешащую по коридору доктора Хамид.

- Доктор... — начинаю я хриплым, расколотым голосом.

— Не сейчас, Стелла, — решительно говорит она и распахивает дверь.

Я снова вижу его. Лицо повернуто ко мне, глаза закрыты.

Лежит неподвижно.

Но еще страшнее выглядит Барб. Она стоит, закрыв ладонями лицо. Она перестала бороться. Сдалась. Нет.

Они уже все свернули и убрали. Дефибриллятор. Интубационные трубки.

— Нет! — Я слышу свой голос, свой крик, в который вложилось все мое тело. — Нет-нет-нет-нет!

Заставляю себя подняться, поворачиваюсь и бегу в комнату.

По, нет!

По умер!

Спотыкаюсь. Вижу его глаза в тот день, когда мы встретились в первый

раз. Вижу, как он улыбается мне от дверей комнаты. Вижу его руку в рукавице на моем запястье - это было несколько часов назад. Ощупью нахожу дверную ручку и вваливаюсь в комнату. Слезы текут по щекам, глаза застилает туман.

Я оборачиваюсь - Уилл пришел за мной следом. Делаю шаг к нему, и рыдания сотрясают тело, рвут грудь, так что невозможно дышать.

- Его нет, Уилл. По больше нет! Майкл, родители... Господи... - Обхватив себя руками, трясущей головой. - По... Он только собрался... Они не увидят его больше. Никогда.

И только тут до меня доходит.

- Я не увижу его больше. Никогда.

Сжимаю пальцы в кулак. Прохожу по коридору. Возвращаюсь.

— Я даже не обняла его ни разу. Не дотронулась до него. Не подошла близко. Нет, нет, нет! — Я кричу громко, истерично, кашляя и задыхаясь. Кружится голова. - Он был мне лучшим другом, а я даже не обняла его.

И уже не обниму. Ужасно знакомое чувство. Невыносимое.

— Я всех теряю. Эбби... По... Все ушли.

— Меня ты не потеряешь, — негромко, но решительно говорит Уилл и, подойдя ближе, протягивает руки, почти обнимает меня.

— Нет! - Я отталкиваю его, отступаю дальше и дальше, больше, чем на один метр. Отступаю, упираясь спиной в стену. — Что ты делаешь?

Он спохватывается и тут же пятится к двери с перекошенным лицом.

— А, черт. Стелла... Я... я забыл... не подумал...

- Уходи! — говорю я, но он уже вылетел в коридор и бежит к себе. Захлопываю дверь. Голова гудит от злости. Я оглядываю комнату, и все, что вижу, напоминает о той или иной потере, и стены сдвигаются, теснят, оставляют мне все меньше места.

Это не спальня.

Я подбегаю к стене, цепляю ногтями края постера, срываю его. Скидываю с кровати покрывало, швыряю во все стороны подушки. Хватаю Лоскутка, бросаю в дверь. Сметаю со стола книги, бумаги, списки — все разлетается по комнате, катится по полу. Слепо шарю по ночной тумбочке, запускаю в стену первое, что попадает под руку.

Звенит стекло, черные трюфели градинами рассыпаются по полу.

Я застываю на месте. Трюфели По.

Все замирает, только грудь вздымается и опадает. Я опускаюсь на колени, всхлипывая и дрожа всем телом, пытаюсь собрать трюфели. Взгляд натывается на Лоскутка. Бедняга лежит на боку у двери, одинокий, заштопанный. И трюфель — у потрепанной лапы. Печальные коричневые

глаза смотрят на меня с молчаливой укоризной. Я тянусь к нему, поднимаю, прижимаю к груди, а глаза находят рисунок Эбби и фотографию, на которой мы с ней вместе.

Я встаю на нетвердых ногах и тут же валюсь на кровать. Подтягиваю к груди ноги, свиваюсь в комочек на голом виниловом матрасе и замираю. Только слезы все бегут и бегут по щекам.

Сон приходит и уходит. Снова и снова я просыпаюсь от собственных рыданий, возвращаюсь в мир, где одна только боль. Я мечусь во сне, где улыбки на лицах Эбби и По превращаются в гримасы муки, где их черты стираются и исчезают. Приходят Барб и Джули. Я зажмуриваюсь, притворяюсь, что сплю, и они уходят.

Лежу, смотрю в потолок. В комнате светлеет, утро постепенно переходит в полдень, а я как будто окаменела.

На полу назойливо вибрирует телефон, но я не отвечаю. Не хочу ни с кем разговаривать. Ни с Уиллом. Ни с родителями. Ни с Камиллой и Мией. Зачем? Какой в этом смысл? Я умру или умрут они, и этому кругу умирающих и горюющих не будет конца.

Если этот год и научил меня чему-то, то лишь тому, что горе убивает. Оно убило моих родителей и убьет родителей По. Майкла.

И меня.

Годами я жила в согласии со смертью. Знала, что рано или поздно это случится, и жила с осознанием неизбежного, в полной уверенности, что умру прежде родителей и Эбби.

Чего я не ждала и к чему не была готова, так Это к тому, что мой черед печалиться и горевать придет раньше.

Услышав голоса в коридоре, я поднимаюсь, бреду через разгромленную комнату, подбираю телефон и иду к двери, ощущая ладонью настойчивую вибрацию. Выхожу в коридор, поворачиваю к палате По и вижу, как кто-то входит в нее с коробкой в руках. Иду следом, сама не зная зачем. Заглядываю с какой-то тайной, безумной надеждой, что вот сейчас увижу сидящего на кровати По, который посмотрит на меня так, словно все это было жутким кошмаром.

Я слышу, как он позвал меня: Стелла. Знаю, как произнес мое имя - с теплотой во взгляде, с улыбкой на губах.

Вместо этого - пустая больничная палата, одинокий скейтборд у кровати. Один из тех немногих следов, что оставил после себя По, мой замечательный, мой лучший друг. И Майкл. Он дот на кровати, обхватив голову руками. Рядом, полу, коробка. Майкл пришел за его вещами. стером

с Гордоном Рамзи. За футболкой. За кой со специями. Майкл плачет. Хочу скато-нибудь, утешить, но подходящих слов нет. Внутри меня глубокая яма, и выбраться из нее нет сил.

Так что я зажмуривалось, отворачиваюсь и иду дальше.

Проходя мимо комнаты Уилла, провожу пальцами по двери. Полоска света под ней манит постучать.

Нет, все-таки иду дальше. Ноги несут сами - по ступенькам, коридорам, через двери. Останавливаюсь перед игровой комнатой, смотрю на вывеску с яркими разноцветными буквами, и перехватывает горло. Здесь все началось. Здесь я играла с По и Эбби, и никто из нас не знал и знать не мог, как мало жизни нам отпущено, сколь короток наш срок. И как много этой жизни прошло здесь, в больнице.

Тяну за ворот рубашки; впервые за все годы в Сейнт-Грейсиз я ощущаю давление окружающих меня стен и стеснение в груди.

Мне нужен воздух.

Пробежав по коридору, я возвращаюсь в корпус 1 и стучу по кнопке вызова лифта до тех пор, пока стальные створки не расходятся и кабина не уносит меня на наш третий этаж. Распахнув дверь, я настороженно смотрю на организованную с маниакальной тщательностью медицинскую тележку. Долгое время я неукоснительно следовала всем указаниям по приему лекарств и составляла дурацкие ежедневные планы, изо всех сил стараясь прожить как можно дольше.

Но зачем?

Жизнь остановилась в тот день, когда умерла Эбби. Так какой во всем этом смысл? По отталкивал всех, чтобы никому не навредить, и кому от этого лучше? Убитый горем Майкл сидит на его кровати, наверняка сожалея и о тех неделях, которые они могли бы провести вместе. Умру я сейчас или через десять лет, моя смерть станет ударом для родителей. Поставив целью выиграть несколько дополнительных вдохов, я лишила себя немногих доступных радостей.

Открываю дверцу встроенного шкафа, беру куртку, шарф и перчатки, кладу в рюкзачок портативный кислородный концентратор и иду к двери. Не могу больше оставаться здесь.

Выглянув в коридор, убеждаюсь, что на сестринском посту никого нет, подтягиваю лямки и поворачиваю к лестнице в конце коридора. Иду быстро, пока никто не заметил, толкаю дверь, и передо мной первый пролет. Каждый шаг -

приближение к свободе, каждый глоток воздуха - вызов Вселенной. Я уже бегу, не думая ни о чем, захваченная волнением, и уже вижу впереди

красную дверь. Достаю сложенный в несколько раз доллар Уилла, все это время лежавший в кармане куртки, подсовываю под аварийную кнопку, тяну дверь и подкладываю, чтобы не закрылась валяющийся у стены кирпич.

Я ступаю на крышу и подхожу к краю - посмотреть на мир внизу. Вдыхаю колючий воздух набираю полные легкие и кричу. Кричу, пока не срываюсь на кашель. Хорошо. Пока дыхание возвращается в норму, смотрю вниз и вижу Уилла в его комнате. Он вешает на плечо дорожную сумку

и поворачивается к двери.

Уходит.

Уилл уходит.

Я смотрю на далекие праздничные огоньки, мерцающие и мигающие, как звезды, манящие и зовущие.

И на этот раз я отзываюсь на их зов.

ГЛАВА 22

УИЛЛ

Сажу в кресле, жду Барб, обещавшую перевести меня в другое отделение. Утро постепенно перетекает в полдень, свет меркнет, вечер переходит в ночь, а от нее ни звука. Похоже, вчерашняя угроза подзабылась на фоне всего случившегося с той поры.

Смотрю на часы, отсчитывающие минуты на прикроватной тумбочке. Цифры на табло меняются, и с каждой переменной вчерашнее уходит все дальше в прошлое.

Унося в прошлое По.

Он умер в мой день рождения.

Я грустно качаю головой, вспоминая его смех за обедом. Он прекрасно себя чувствовал и вдруг... Вот так...

А Стелла... С каким ужасом и злостью она посмотрела на меня, когда оттолкнула.

Что-то, чего там не было раньше. Дерзость? Со мной или без меня — она туда пойдет. Я и сам в душе бунтарь, но здесь случай опаснее: что-то вроде жажды смерти. Двое непокорных с едва функционирующими легкими отправляются на двухмильную прогулку только для того, чтобы полюбоваться праздничными гирляндами?

— Послушай, сейчас не время бунтовать. Ты это из-за По, да?

Она поворачивается ко мне.

- Из-за По, да. Из-за Эбби. Из-за нас с тобой. Из-за всего, что мы никогда не сделаем вместе.

Молчу, только смотрю на нее. То, что она говорит, мог бы сказать и я сам, но в ее исполнении это звучит иначе.

— И если это все, что у нас будет, давай возьмем это все. Хочу быть бесстрашной и свободной. - Стелла смотрит на меня с вызовом. - Это ведь просто жизнь, Уилл. Все закончится, и глазом моргнуть не успеешь.

Мы идем по пустынной дорожке, и лед сверкает в свете фонарей. Я стараюсь держать дистанцию, полтора метра, и не спешить, чтобы не поскользнуться.

Всматриваюсь в далекую улицу впереди и поворачиваюсь к Стелле.

— Давай хотя бы возьмем такси, - предлагаю я, зная, что машина уже идет.

Она закатывает глаза:

— Я хочу гулять, наслаждаться вечером. - Ее рука касается моей руки. Я пытаюсь освободиться, но ее пальцы уже сплелись с моими и не отпускают. — Все в порядке. Мы же в перчатках!

- Да, но нам полагается находиться в полутора метрах друг от... - начинаю я, и она отстраняется, но контакт не прерывает.

- В метре, — твердо возражает Стелла. - Я буду держаться этого расстояния.

Секунду-другую всматриваюсь в ее лицо, а потом отпускаю страх и беспокойство. Я больше не в больнице и собираюсь увидеть что-то по-настоящему, а не с крыши или из окна. И теперь рядом Стелла. Держит меня за руку. И хотя я знаю, что делать так нельзя, понять, что в этом плохого, не получается.

Я отменяю вызов такси.

Мы бредем по снегу к призывно мигающим вдалеке огонькам, и парк пусть медленно, но приближается.

— И все равно я хочу увидеть Сикстинскую капеллу, — говорит Стелла, уверенно шагая по хрустящему снегу.

- Было бы круто. - Яжимаю плечами. В моем списке Рим не на первом месте, но если Стелла отправится туда, я, пожалуй, тоже поеду.

— А куда ты хочешь поехать? - спрашивает она.

- Мест много. — Я думаю о тех городах и странах, где побывал, но которых так толком и не увидел, - Бразилия, Копенгаген, Фиджи, Франция. — Хочу объехать весь свет, посмотреть те города, где был в больницах. Джейсон сказал, что, если я решусь, он составит мне компанию.

Она сжимает мою руку и понимающе кивает. Снег падает, цепляясь за наши руки и куртки.

— Тебе какая погода нравится, теплая или холодная? — спрашиваю я.

Стелла задумывается, закусив губу, потом кивает:

— Мне нравится снег, но если не считать этого, предпочитаю теплую.

— Она с любопытством смотрит на меня. — А тебе?

— А я люблю холодную. Хотя и не большой любитель топтать снег. — Я поправляю шапку, ухмыляюсь и, наклонившись, зачерпываю пригоршню

снега и леплю снежок. — Другое дело поиграть в снежки.

Стелла вскидывает руки, качает головой и, хихикая, отступает.

- Уилл, не надо. Не надо!

В следующий момент - я и не заметил, когда она успела это сделать, - снежок ударяет, грудь. Я замираю, смотрю на нее с недоверием и картинно, со стоном, падаю на колени.

- В меня попали!

Посланный рукой снайпера, второй снежок попадает в руку. Я бросаюсь в погоню, и оба хохочем и продолжаем перестрелку, понемногу приближаясь к расцветенному гирляндами парку.

Силы хватает ненадолго, и вскоре мы уже задыхаемся. Я беру ее за руку в знак перемирия, и мы, пыхтя и отдуваясь, тащимся на вершину холма, а добравшись, оборачиваемся и оглядываемся.

Стелла выдыхает, пар клубится у ее губ, и мы смотрим на снежное покрывало внизу и далекую теперь больницу.

— Этот вид получше. Снег медленно падает на ее волосы и лицо.

— Что у тебя в списке на сегодня? Убежать с Уиллом?

Стелла смеется, и, несмотря ни на что, смех у нее настоящий, счастливый.

— Нет. Но мой список изменился.

Она раскидывает руки, падает на спину, и снег мягко проседает под ней. Смотрю, как она делает снежного ангела, смеясь, возит по снегу руками и ногами. Никакого списка, никакой больницы с ее удушающей атмосферой, никакого навязчивого режима, никого, оком нужно беспокоиться.

Она просто Стелла.

Я раскидываю руки, падаю рядом с ней, и снег послушно принимает мою форму. Смеюсь, тоже делаю снежного ангела, мерзну от снега и согреваюсь теплом момента. Мы замираем и смотрим в небо. Звезды такие большие и яркие, что кажется - протяни руку и бери. Смотрю на нее и хмурюсь, замечая выпуклость на груди.

Вообще-то я и не присматриваюсь, но груди такими большими точно не могут быть.

— Это что еще такое? - спрашиваю я, тыча в выпуклость пальцем.

Стелла расстегивает куртку, под которой обнаруживается мягкая игрушка, панда, раскинувшаяся у нее на груди. Усмехаюсь, поворачиваю голову, и мы встречаемся глазами.

- Расскажи.

Она вытаскивает игрушку из-под куртки, встряхивает и поднимает.

- Ее дала мне Эбби, когда я в первый раз попала в больницу. С тех пор Лоскутик всегда со мной.

Представить нетрудно. Маленькая испуганная девочка, впервые попавшая в Сейнт-Трейсиз, обеими руками вцепившаяся в плюшевого медвежонка.

— Вот и хорошо. Потому что иначе мне пришлось бы сказать тебе, что третья грудь - неустранимое препятствие.

Она сердито стреляет в меня глазами, засовывает панду под куртку и садится, чтобы застегнуть «молнию».

Я поднимаюсь.

- Пойдем посмотрим на твой огоньки.

Она пытается встать, но снова падает. Я опускаюсь на колени и вижу, что лямка ее концентратора зацепилась за корень. Отцепляю лямку и протягиваю руку. Она принимает помощь, я тяну, и мы вдруг оказываемся рядом, так близко, что нас разделяют считанные дюймы.

Я смотрю ей в глаза, наше дыхание смешивается в крохотном пространстве между нами, делая то, что не могут сделать тела. За ее спиной два наших снежных ангела - в метре друг от друга. Я отнимаю руку и быстро отступаю, чтобы не поддаться искушению и не поцеловать ее.

Мы идем дальше и наконец входим в парк, встречающий нас огромным прудом. Гирлянды сияют чуть дальше. Лунный свет отражается от застывшей глади, темной и красивой. Оглянувшись, вижу, что Стелла, тяжело дыша, плетется за мной.

- Ты как? - Я шагаю к ней. - В порядке?

Она кивает, смотрит мимо меня и протягивает руку.

- Давай передохнем.

Я поворачиваюсь и вижу каменный пешеходный мостик. Мы устало тянемся к нему вдоль края пруда. Стелла вдруг останавливается, осторожно трогает лед ногой, постепенно переносит на нее больше и больше веса...

- Не надо, - прошу я, мгновенно представив, как она проваливается в темную стылую воду.

- Лед крепкий. Давай! - Она смотрит на меня, и я узнаю этот взгляд, дерзкий, лукавый, откровенный. Безрассудный.

Если это все, что у нас будет, давай возьмем это все.

Я делаю глубокий вдох, принимаю вызов, беру ее за руку, и мы вместе скользим по льду.

ГЛАВА 23

СТЕЛЛА

Впервые за долгое время я не чувствую себя больной. Я держу Уилла за руки, и мы катимся по льду, хохоча и стараясь устоять на ногах. Потеряв равновесие, я взвизгиваю, отпускаю его руки, чтобы не утянуть за собой, и шлепаюсь на задницу.

- Не разбилась? — спрашивает, хохоча, Уилл.

Я качаю головой и смеюсь. Мне хорошо. Нет, больше, чем хорошо. Он бежит с воплем по льду, падает на колени и скользит. Я смотрю на него, и боль утраты уже не такая острая, хотя разбитое сердце все еще заполнено ею до краев.

В кармане звонит телефон, но я не отвечаю, как не отвечала почти весь день. Смотрю на кружащего по льду Уилла. Телефон наконец умолкает, и я нехотя поднимаюсь, но тут он начинает громко пищать, принимая одно за другим сообщения. Достаяю его из кармана, смотрю раздраженно на экран — от мамы, от папы, от Барб. Они не спрашивают о По - речь о другом.

ЛЕГКИЕ ПРИБУДУТ ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА. ГДЕ ТЫ?

СТЕЛЛА. ПОЖАЛУЙСТА ОТВЕТЬ! ЛЕГКИЕ УЖЕ ВЕЗУТ.

Я застываю на месте, и воздух вырывается из моих нынешних дерьмовых легких. Нахожу взглядом Уилла, наблюдаю, как он медленно кружится на льду. То, чего я хотела. То, чего хотела Эбби. Новые легкие.

Я снова смотрю на Уилла, парня, которого люблю, у которого В. серасiа и который не может рассчитывать на новые легкие.

Я смотрю на телефон, и мысли кружатся и путаются.

Новые легкие — это больница, лекарства и выздоровление. Это терапия, вероятность инфекции и боль, боль, боль. Но самое главное, нас с Уиллом разведут как можно дальше, чтобы исключить возможность моего заражения.

Надо выбирать.

Новые легкие?

Или Уилл?

Я смотрю на него, и он улыбается так широко, что никакого сравнения и быть не может.

Выключаю телефон, разбегаюсь, скольжу и на полной скорости врезаюсь в него. Уилл хватает меня и даже ухитряется устоять на ногах сам и удержать от падения меня.

Чтобы жить, мне не нужны новые легкие. я уже чувствую, что живу. Родители говорили. что хотят видеть меня счастливой. Я должна решить, знаю ли, что это такое. Так или иначе, в конце концов они потеряют меня, и я не могу это контролировать.

Уилл был прав. Хочу ли я всю оставшуюся жизнь плыть вверх по течению?

Я отталкиваю его и пытаюсь кружиться, раскинув руки и обратив лицо к звездному небу.

- Боже, я люблю тебя.

Это говорит он. Тихо, с чувством, всерьез — самые чудесные слова.

Я роняю руки и останавливаюсь. Поворачиваюсь к нему лицом. Дыхание вырывается частыми, крохотными облачками. Он не отводит взгляд, и я чувствую то же, что и всегда - влечение, то неоспоримое притяжение, которое заставляет меня сокращать разделяющую нас брешь, преодолевать этот один метр.

На этот раз я не сопротивляюсь ему.

Я бегу к Уиллу, и наши тела сталкиваются. Ноги подгибаются, мы летим кувырком на лед и шлепаемся вместе и со смехом. Я тяну его руки к себе, опускаю голову ему на грудь, и вокруг нас падает снег, и мое сердце колотится так громко. что это слышит даже он.

Нас притягивает друг другу, словно магнитом. и с каждым вдохом мы ближе и ближе.

- Ты знаешь, чего я хочу, - шепчет он, и я почти чувствую это. Его губы касаются моих губ, холодных от снега и льда, но это прикосновение идеально. — Но не могу. Нельзя.

Я отворачиваюсь и смотрю на падающий снег. Не могу. Нельзя. Я сглатываю то знакомое ощущение, что сдавливает грудь.

Он молчит, и я чувствую, как поднимается и опадает под моей головой его грудь. Слышу слетающий с губ вздох.

— Ты пугаешь меня, Стелла.

Я поднимаю глаза. Смотрю, не понимая:

- Что? Почему?

— Из-за тебя я хочу ту жизнь, иметь которую не могу. — Я знаю, что имеет в виду Уилл. Он качает головой, и на его лице серьезное выражение,

а голос печален. - Ничего страшнее я не испытывал.

Я думаю о том дне, когда мы встретились, и о той ночи, когда он дрожал на краю крыши.

Его рука в перчатке бережно касается моего лица. Голубые глаза темнеют.

- Кроме, может быть, вот этого.

Мы молча смотрим друг на друга в лунном свете.

- Как отвратительно романтично. - Он криво усмехается.

— Знаю, — говорю я. — Но мне нравится.

И тут мы слышим сначала негромкое, потом более отчетливое и пугающее, переходящее в треск похрустывание. Лед прогибается под нами и стонет. Мы вскакиваем, хохоча, и, схватившись за руки, бросаемся к берегу.

ГЛАВА 24

УИЛЛ

— Где бы ты хотела жить? - спрашиваю я. Мы не спеша идем по берегу к пешеходному мостику, и ее рука уютно устроилась в моей.

Я сметаю свежий снег с перил, мы запрыгиваем и сидим, болтая синхронно ногами.

— В Малибу, — отвечает Стелла, ставя рядом с собой кислородный концентратор. Мы смотрим на замерзший пруд. — Или в Санта-Барбаре.

— Калифорния? — Я делаю недоуменное лицо. — В самом деле? А почему не Колорадо?

Она смеется.

— Уилл! Какое Колорадо? С нашими-то легкими!

Я представляю, как переношу на бумагу величественные пейзажи Колорадо.

— Что тут скажешь? Горы прекрасны!

- Нет уж. - Она громко вздыхает и с шутливой обреченностью добавляет. - Я люблю пляж и море, ты любишь горы. Сама судьба разводит нас!

У меня в кармане пищит телефон. Достая его посмотреть, кто это может быть, а Стелла хватается за руку, пытается помешать.

- Надо же по крайней мере сообщить, что у нас все хорошо, - говорю я.

- Так вот какой ты бунтарь, - бросает она, вырывая телефон у меня из руки.

Смеюсь и тут же замираю от удивления - весь экран заполнен сообщениями от мамы. В такое-то позднее время?

Я отвожу руку с телефоном в сторону и вижу, что текст сообщений один и тот же:

ЛЕГКИЕ ДЛЯ СТЕЛЛЫ. СРОЧНО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ.

Меня подхватывает волна восторга. Поворачиваюсь, соскакиваю с перил, хватаю Стеллу за руку и тяну к себе:

— Господи! Стелла, нам нужно возвращаться! Прямо сейчас и как

можно скорее! Легкие! Тебе привезли новые легкие!

Она как будто и не слышит. Нужно скорее вернуться, почему она так себя ведет? Неужели не понимает?

На ее лице полное безразличие. Смотрит мне за спину, и все, что я говорю, как будто ее не касается. Потом говорит:

— Я еще не посмотрела огоньки. Какого черта?

И тут наконец до меня доходит.

- Ты знала? - спрашиваю я. - Но что мы здесь делаем? Новые легкие - твой шанс на настоящую жизнь.

- Новые легкие? Пять лет, Уилл. Столько в среднем живут с пересаженными легкими. - Стелла фыркает и смотрит на меня. - А когда и те легкие начнут сдавать? Что тогда?

Виноват во всем я. Превенняя Стелла, Стелла двухнедельной давности никогда бы не сказала такой глупости. И вот теперь, благодаря прежде всего мне, она готова пустить все на ветер, от всего отказаться.

— Для таких, как мы, пять лет - это целая жизнь! - кричу я. — Когда у меня еще не было В. серасіа, я бы убил за новые легкие. Не глупи. — Набираю номер. — Я звоню в больницу.

— Уилл! — Стелла снова пытается вырвать у меня телефон.

В этот момент трубка ее канюли попадает в трещину в камне мостика, голова дергается назад и Стелла теряет равновесие. Пытаясь удержаться, она хватается за край перил, но пальцы скользят по заледеневшей поверхности, и у меня на глазах Стелла падает в пруд. Я пытаюсь схватить ее, но поздно. Она ударяется спиной о лед, а рядом грохается концентратор.

- Черт! Стелла? Ты как? - спрашиваю я, уже приготовившись прыгать к неподвижному телу.

И тут Стелла начинает смеяться. Не пострадала. Слава богу. Я с облегчением

выдыхаю и качаю головой.

- Это было что-то...

Громкий треск. Стелла пытается подняться, но не успевает.

- Стелла! - кричу я. Лед под ней трещит и раскалывается, а черная вода под ним поглощает ее целиком.

ГЛАВА 25

СТЕЛЛА

Бьюсь, как рыба, в ледяной воде, пытаюсь выплыть наверх, но куртка такая тяжелая и тянет, тянет вниз, в темную глубину. Дергаю, расстегиваю «молнию», стараюсь сбросить ее и вижу уплывающего Лоскутика.

Легкие горят. Вверху виден свет, просачивающийся через пролом во льду, и тонкий, ведущий к поверхности шнур от кислородного концентратора.

Но я снова смотрю на панду.

Погружаюсь все глубже и глубже, холод выдавливает воздух из легких, и пузырьки убегают вверх.

Устремляюсь за медвежонком, тянусь к нему в отчаянном порыве, касаюсь кончиками пальцев меха. И кашляю. Кислорода больше нет, голова гудит, и вода наполняет легкие.

В глазах мутнеет и темнеет, вода меняет цвет, сливаясь с черным небом, на котором проступают крошечные пятнышки света

Звезды.

Звезды с картины Эбби. Они плывут ко мне. обступают, кружат и мигают. И я плыву между ними.

Подождите.

Все не так.

Я моргаю и вот уже снова в воде; чувствую, как прибывают силы, и рвусь к свету. Сверху ко мне тянется рука; я хватаюсь за нее и без особых усилий вырываюсь из-под воды.

Лежу, хватаю воздух, потом сажусь и оглядываюсь.

Где Уилл?

Я поднимаю руки, трогаю волосы. Сухие. Трогаю рубашку и брюки. Сухие. Кладу ладонь на лед, ожидая ощутить холод, но не чувствую ничего. Здесь что-то не так.

- Знаю, ты скучаешь по мне, но тут тыхватила лишнего, - произносит голос у меня за спиной. Я оглядываюсь и вижу волнистые каштановые

волосы, карие, такие же,
как у меня, глаза, знакомую улыбку. Эбби.

Это же Эбби.

Ничего не понимаю. Я обнимаю ее, прижимаю к себе, хочу убедиться, что она настоящая. Да, настоящая. Она... Стоп, подожди-ка.

Я отстраняюсь, оглядываюсь на замерзшее озеро, на каменный мостик.

- Эбби? Я... умерла?

Она щурится, качает головой.

— Э... не совсем.

Не совсем? Я так рада ее видеть, но все же еще больше рада ее словам. Умирать я пока еще не хочу.

Я хочу прожить свою жизнь.

Где-то вдалеке всплеск, и мы обе его слышим. Я оборачиваюсь, ищу источник звука, но ничего не вижу. Что же это за шум?

Прислушиваюсь и вот тогда-то наконец слышу — что-то вроде эха.

Его голос.

Голос Уилла, хриплый, надсадный, прорывающийся между короткими, мелкими вдохами.

- Держись, Стелла!

Смотрю на Эбби и понимаю, что она тоже его слышит. Моя грудь начинает медленно подниматься и опускаться, подниматься и опускаться, снова, и снова, и снова.

Как будто мне делают сердечно-легочную реанимацию.

- Не... сейчас. Ну же... давай. Дыши. - Его голос, уже яснее.

- Что происходит? - спрашиваю я, и картина передо мной начинает медленно меняться. Уилл. Его силуэт проступает четче. Он уже близко. Так близко, что можно дотронуться.

Моим телом.

Уилл склоняется над телом.

Его бьет дрожь, он кашляет, клонится вниз... Каждый вдох дается с трудом, с напряжением, и я вижу, что он задыхается, отчаянно пытается втянуть в себя воздух. И каждый свой вдох отдает мне.

- Он дышит за тебя, - говорит Эбби.

Моя грудь снова поднимается.

С каждым вдохом, который он отдает мне, мир вокруг проясняется и оживает. Я вижу его посиневшее лицо, вижу, как ему больно, каких трудов стоит ему протолкнуть воздух в мое тело.

- Уилл, - шепчу я.

- Он любит тебя, Стелл, — говорит Эбби. Она видит то же, что и я, и

чем яснее картина у меня перед глазами, тем бледнее и размытее ее образ.

Я поворачиваюсь к ней, снова ощущая ту боль потери, которая не дает спать по ночам. Вопрос, остающийся без ответа.

Эбби улыбается мне и качает головой - она уже знает, что я хочу спросить.

- Больно не было. И страшно не было.

Я с облегчением выдыхаю, отпускаю вздох, который держала больше года. Грудь поднимается, я начинаю кашлять, и изо рта выплескивается вода. И с моим телом — оно рядом, всего лишь в нескольких сантиметрах, - происходит то же самое.

Эбби улыбается еще шире.

- Мне нужно, чтобы ты жила, ладно?

Живи, Стелла. За меня.

Она блекнет, и на меня накатывает паника.

— Нет! Не уходи! - кричу я, хватая ее за руку.

Она крепко обнимает меня, прижимает к себе, и я улавливаю теплый цветочный запах ее духов.

- Я не уйду далеко. Я всегда буду здесь. Рядом. Обещаю.

ГЛАВА 26

УИЛЛ

Горло горит.

Легкие отказали.

Еще раз. Ради Стеллы.

- Не... сейчас. Ну же... давай. Дыши, - умоляю я, и холод колотит в мое тело. Я держу в ладонях ее лицо, вдувая воздух в ее легкие.

Больно. Больно так, что невозможно терпеть.

В глазах все плывет, кромка тьмы расширяется, заливает все, и остается только лицо Стеллы в обрамлении черноты.

Дать больше нечего - ничего не осталось.

Нет.

Я выпрямляюсь. Делаю еще один короткий, безнадежный вдох, понимая в глубине души, что он - последний, что другого у меня не будет.

Я даю его ей. Даю ей все, что имею. Ей, девушке, которую люблю. Она заслуживает.

Весь воздух, что есть в моем теле я выталкиваю в ее легкие и, обессиленный, валюсь на нее, не зная, хватит этого или нет, слыша вдалеке сирену «Скорой помощи», которую успел вызвать. Вода стекает струйками по моей голове, моя рука находит ее руку, и сам я наконец отдаюсь тьме.

ГЛАВА 27

СТЕЛЛА

Я чувствую укол в руку.

Глаза распахиваются, голова кружится, и зрение постепенно возвращается - яркими огнями вверху.

Но это не те праздничные огни, красивыми гирляндами опутавшие деревья в парке. Эти огни – флуоресцентные больничные лампы.

Потом их закрывают лица.

Мама.

Папа.

Я сажусь, вылезая из-под одеял и перевожу Взгляд на Барб. Она стоит рядом с медсестрой отделения экстренной медицинской помощи, которая берет кровь из моей руки.

Пытаюсь отодвинуть ее руки, подняться, но сил недостает.

Уилл.

Где Уилл?

— Стелла, успокойся. - Доктор Хамид склоняется надо мной. - Твои новые легкие...

Я срываю кислородную маску, ищу Уилла взглядом. Доктор Хамид пытается вернуть маску на место, но я отворачиваюсь, уклоняюсь.

— Нет, не хочу!

Папа обнимает меня.

- Стелла, сейчас же успокойся.

- Милая, пожалуйста... - Мама берет меня за руку.

— Где Уилл? - кричу я. Его нигде не видно. Я ищу, ищу его глазами, но слабость берет верх, и я бессильно падаю на каталку.

Я вижу только его поникшее тело, отдавшее мне весь свой воздух.

— Стелла, — произносит слабый голос. — Я здесь.

Уилл.

Он жив.

Поворачиваю голову на звук голоса и нахожу Уилла.

Между нами не больше трех метров, но ощущение другое. Я хочу протянуть руку, дотронуться до него. Убедиться, что он в порядке.

- Возьми легкие, - шепчет он и смотрит на меня так, словно мы здесь одни.

Нет. Не могу. Если я возьму легкие, то переживу его лет на десять. Если я возьму легкие, он станет для меня вдвое большей опасностью. Нам не позволят жить в одном квартале, а не то что находиться в одной комнате. А если я заражусь В серасіа после получения здоровых легких, которые нужны всем больным КФ? Это будет неправильно. Убийственно неправильно.

— Ты возьмешь легкие, Стелла, — говорит мама, сжимая мою руку.

Я смотрю на папу, хватаюсь в отчаянии за его руку.

— Ты ведь знаешь, что я потеряю? Знаешь, что я уже потеряла? Эти легкие ничего не изменят.

Я устала. Устала сражаться с самой собой.

Все молчат.

— Не хочу терять еще и Уилла. Я люблю его, пап.

Перевожу взгляд с папы на маму, потом на Барб и доктора Хамид. Ну поймите же меня.

- Возьми их. Пожалуйста. - Уилл пытается подняться, отбросить термоодеяло, но Джули и женщина, у которой его глаза, удерживают на месте.

- Если я возьму их, для нас ничего не изменится. Станет только хуже, - говорю я, зная, что новые легкие не избавят меня от кистозного фиброза.

- Не все сразу. - Уилл смотрит мне в глаза. — Воспользуйся своим шансом. Мы оба этого хотим. Не думай о том, что ты потеряла. Думай о том, что приобретешь.

Живи, Стелла.

Я чувствую теплое и крепкое объятие Эбби, то, у пруда. Слышу ее голос. Она говорила то же, что теперь говорит Уилл. Те же слова.

Живи, Стелла.

Я делаю глубокий вдох и ощущаю то знакомое сопротивление, которое преодолеваю каждый день, сражаясь за воздух. Там, у пруда, с Эбби, я сказала, что хочу жить. Как именно жить - об этом можно будет беспокоиться потом.

— Ладно. — Я киваю доктору Хамид. Решение принято.

Напряжение спадает. Уилл с облегчением вытягивается и кладет руку на медицинскую тележку, стоящую между нашими каталками. Я делаю то же самое, но с другой стороны. Нас разделяет нержавеющей сталь, но это

совершенно не важно.

Его рука остается на тележке, а меня уже увозят.

Туда, где новые легкие. К новому старту.

Но дальше от него.

Я слышу шаги родителей, Барб и доктора Хамид смотрю не на них, а на Уилла. Он смотрит на меня, и в этом взгляде я вижу его таким, каким он был, когда мы в первый раз встретились в коридоре. Я вижу, как мы идем по больничному коридору с бильярдным кием и он говорит мне быть рядом через год. Вижу его в воде, в бассейне... танцующий в глазах свет. Вижу его за столом, напротив меня, на той нашей вечеринке, вижу, как он хохочет, и слезы текут по его счастливому лицу. Я вижу, как он смотрел на меня, когда, несколько часов назад, на замерзшем пруду, сказал, что любит меня.

Вижу, как ему хочется поцеловать меня.

И вот теперь он улыбается той же кривой усмешкой, и знакомый свет сияет в его глазах. А потом он исчезает из поля зрения. Но я все еще слышу его голос. И слышу голос Эбби.

Живи, Стелла.

ГЛАВА 28

УИЛЛ

Я падаю без сил на каталку; все болит и ноет.

Стелла получает новые легкие, «Получает новые легкие», - поет сердце, преодолевая боль Мама держит меня за руку, а Джули кладет на лицо кислородную маску.

И тут я вспоминаю.

Нет.

Резко сажусь и сквозь полыхающий в груди пожар кричу в коридор:

- Доктор Хамид!

Она оборачивается и, нахмурившись, смотрит на меня издалека. Потом, кивком приглашая Барб следовать за ней, возвращается. Вторая медсестра увозит Стеллу в операционную. Я смотрю на них, потом на свои руки.

- Я делал ей искусственное дыхание, изо рта в рот.

В палате полная тишина. Им нужно переварить услышанное. Теперь у нее, возможно, В. серасіа. И виноват в этом я.

— Она не дышала. — Я сглатываю. - Ничего другого не оставалось. Мне так жаль. — Поднимаю голову, смотрю на Барб, потом на доктора Хамид.

— Ты все правильно сделал, — говорит она и вает. — Ты спас ей жизнь. А если Стелла заразилась, мы с этим справимся.

Доктор Хамид смотрит на Барб, потом на Джули и снова на меня:

- Если мы не используем эти легкие, они пропадут. Будем оперировать.

Они уходят, а я под бременем всего случившегося снова опускаюсь на каталку.

Усталость растекается по всему телу. Меня трясет, грудная клетка молча стонет от холода. Джули снова прилаживает кислородную маску, а мама наклоняется и гладит меня по голове, как Когда-то в детстве. Я закрываю глаза, выравниваю дыхание и призываю сон на смену холоду и боли.

Проверяю время. Четыре часа. Столько прошло с тех пор, как ее увезли в операционную.

Я в комнате ожидания. Покачивая нервно ногой, смотрю в окно на падающий снег. Поеживаюсь, шок от пребывания в ледяной воде не прошел бесследно. Мама пытается вернуть меня в палату, уложить под гору одеял, но я хочу остаться здесь. Я должен остаться здесь. Как можно ближе к Стелле.

Услышав четкие приближающиеся шаги, отворачиваюсь от окна. Вытягиваю шею и вижу мать Стеллы. Она сидит через два стула от меня, сжимает в руках чашку с кофе.

Спасибо, - говорит она наконец, поймав мой взгляд. - За то, что спас ей жизнь.

Я киваю и поправляю канюлю в носу, кислород шипит.

- Стелла не дышала. Любой бы...

- Я имею в виду легкие. — Теперь уже она смотрит в окно. - Ее отец и я - мы просто не могли... - Она умолкает, качает головой и смотрит на часы над дверью операционной комнаты. — Еще несколько часов.

Я улыбаюсь ей.

— Не беспокойтесь. Она еще составит «план из тридцати восьми пунктов по восстановлению после имплантации». Вы и моргнуть не успеете.

Она смеется, и больше мы не обмениваемся ни словом, а потом она уходит перекусить.

Я остаюсь один и, не находя покоя, то переписываюсь с Джейсоном и Хоуп, то смотрю в стену, а в голове кружатся связанные со Стеллой мгновения и минуты последних нескольких недель.

Я хочу запечатлеть их все на бумаге.

День нашей первой встречи. Стелла в самодельном защитном костюме. Праздничный обед по случаю моего дня рождения.

Створки лифта расходятся, и из кабины, словно услышав мои мысли, с охапкой рисовальных принадлежностей выходит Барб.

- Если долго смотреть в стену, можно через некоторое время пробурить небольшую дырочку, - говорит она, передавая все мне

Я смеюсь. Разве это не правда?

- Новости есть? - Так хочется знать, как проходит операция. Но что еще важнее, заразил а ее или нет. Мне нужно знать, получила ли Стелла от меня В. серасiа. Мне нужно знать, что новые легкие дадут ей желанное время.

Барб качает головой.

- Пока никаких. - Она бросает взгляд в сторону операционной и

вздыхает. - Как только что-то узнаю, сразу тебе скажу.

Открываю первую чистую страницу блокнота, начинаю рисовать, и воспоминания оживают у меня перед глазами. Время едва ползет.

Вот уже полдень. Двери распахиваются. Первыми входят родители Стеллы, за ними, немного отстав, Миа и Камила, каждая с горкой контейнеров из кафетерия.

- Уилл! - Миа подбегает ко мне и обнимает одной рукой, изо всех сил стараясь не уронить купленное. Я еще не совсем оправился после прошлого вечера, и теперь мне стоит немалых трудов сдержаться и не моргнуть от боли.

- Мы не знали, чего ты хочешь, поэтому принесли сэндвич, - говорит Камила, и они все садятся рядом со мной. Мать Стеллы открывает сумочку и достает «сэндвич героя» в пластиковой упаковке.

Я благодарно улыбаюсь, а живот уже урчит в предвкушении праздника.

- Спасибо.

Отвлечшись от рисования, наблюдаю за ними, слушаю, что они говорят о планах Стеллы, и понимаю, как сильно они ее любят. Она — тот клей, который держит их вместе. Ее отца и мать, Мию и Камилу. Она нужна всем им и каждому.

Возвращаюсь к своему блокноту, каждая страница которого - тот или иной эпизод нашей истории.

Час проплывает за часом — Камила и Миа уходят, Барб и Джули приходят и уходят, но я продолжаю рисовать, потому что хочу сохранить каждую деталь, каждую мелочь. Смотрю на ее ротелей - мать уснула, склонив голову на грудь отца, который обнял ее, словно оберегая от неприятностей, и сам борется со сном.

Я улыбаюсь. Похоже, второй шанс сегодня получает не только одна лишь Стелла.

Наконец двери операционной открываются, и доктор Хамид выходит в коридор в сопровождении небольшой группы ассистентов.

Я протягиваю руку, бужу родителей Стеллы, и мы все встаем, с волнением всматриваясь в лица врачей. Как она перенесла операцию? Все ли в порядке?

Доктор Хамид снимает хирургическую маску, улыбается, и мы, все трое, облегченно вздыхаем.

— Получилось отлично, — говорит один из врачей.

— Слава Богу! — Мать Стеллы крепко обнимает отца. Я улыбаюсь вместе с ними, все счастливы. Получилось. У Стеллы новые легкие.

До предела вымотанный, но в чудесном настроении, перебираюсь на кровать. Поднимаю голову — мама садится рядом на стул и смотрит на меня.

- Тебе тепло? - спрашивает она в миллионный, наверно, раз с тех пор, как вернулась в больницу. Исключительно ради ее спокойствия я надел три рубашки и укрылся двумя термоодеялами. Невольно улыбаюсь - со стороны выглядит, должно быть, забавно.

- Уже потею. — Я тяну за ворот рубашки.

В дверь стучат, и в палату заглядывает Барб. В ответ на мой вопросительный взгляд показывает лист с длинным перечнем результатов анализов.

Замираю в ожидании, но ее лицо сохраняет бесстрастное выражение, ничем не выдавая того, что мне предстоит услышать.

Выдержав паузу, она прислоняется к двери и пробегает глазами по списку - сверху вниз.

- Бактериальным культурам нужно несколько дней для полного роста, и вероятность проявления еще сохраняется. Но по состоянию на сегодняшний день... - Она улыбается и качает головой. — Стелла чиста. Заражения не произошло. Как это могло случиться, я представить не могу, но чего нет, того нет.

Боже.

Стелла не подхватила В. серасіа.

Это уже хорошо.

- А что с Уиллом? - спрашивает из-за моей спины мама. — Цевафломалин?

Мы с Барб понимающе переглядываемся. Она просматривает другие бумаги, с результатами анализа, ответ на который я уже знаю.

- Не сработал, да? - спрашиваю я.

Барб вздыхает и качает головой:

- Нет. Не сработал.

А, черт.

Стараюсь не смотреть на маму, но уже чувствую, как она огорчена, как опечалена. Тянусь к ней, беру за руку, пожимаю. Впервые, пожалуй, я расстроен не меньше, чем она.

Смотрю печально на Барб:

- Мне так жаль из-за всего, что произошло.

Она качает головою:

- Не надо, милый...

Пожав плечами, Барб уходит с грустной улыбкой.

- Любовь это любовь

Мама плачет, а я держу ее за руку. Знаю, она сделала все, что могла. Винить некого. В конце концов мама засыпает, а я сижу на стуле у окна, смотрю на медленно уходящее за горизонт солнце. на огни в парке. День кончается, а Стелла так и не увидела, как они загораются.

Просыпаюсь среди ночи от какого-то непонятного беспокойства. Обуваюсь, выскальзываю из палаты и иду на первый этаж, к послеоперационной палате, где спит Стелла. Дверь открыта, и я вижу ее на кровати. Рядом какая-то большая машина, помогающая ей дышать.

У нее получилось.

Дышать немного тяжело, но я стараюсь не обращать внимания на дискомфорт. На душе легко. Легко, потому что через несколько часов Стелла проснется, и впереди у нее по крайней мере еще пять чудесных лет и большой список намеченных дел и может быть, если ей хватит смелости, она сделает кое-что еще, не по списку. Например, посмотрит праздничные огни в час ночи. Ко всему прочему я чувствую и еще что-то. Свою ответственность за нее, за то, чтобы в эти годы все беды обходили ее стороной.

Я стискиваю зубы. Хотя все во мне сопротивляется этому, я точно знаю, что должен сделать.

Я обвожу взглядом собранную мной небольшую армию. Барб, Джули, Джейсон, Хоуп, Миа, Камила, родители Стеллы. Ну и разношерстная ж подобралась команда. Все смотрят на мою кровать, на разложенные на ней коробки, каждой из которых отведена особая важная роль. В руке у меня рисунок, показывающий сложный, запутанный план, разработкой которого я занимался все утро. Каждая деталь учтена и взаимосвязана с другими, у каждого участника плана своя задача.

Стелла будет рада.

В коридоре слышится мамин голос, громкий и сердитый. У нее своя задача, и она выполняет ее, играет свою роль.

Когда мама переходит на этот тон, у меня мурашки бегут по спине.

– Итак... - Я еще раз окидываю их взглядом. — Мы должны сделать это вместе.

Смотрю на Хоуп, которая вытирает слезу на щеке. Джейсон прижимает ее к себе. Я отвожу глаза, смотрю на Джули, Камилу и Миа, родителей Стеллы.

- Все «за»?

Джули кивает, ее поддерживает хор согласных голосов. Молчит только Барб. Все выжидающе смотрят на нее.

- Ох... Да, черт возьми. Да, — с улыбкой говорит она. За все время мы с ней впервые пришли к согласию.

- Стелла еще долго будет спать? - спрашиваю я.

Барб смотрит на часы:

- Несколько часов. - Она оглядывает коробки на кровати. - У нас куча времени.

Отлично.

Я раздаю коробки, одновременно вводя каждого в курс дела.

Первыми свой листок и общую коробку получают Камила и Миа.

- Вы двое работаете с Джейсоном и Хоуп на...

Мама заканчивает свой разговор в коридоре и просовывает голову в палату.

— Готово. Они согласились.

ДА! Я знал, что у нее получится. Качаю головой:

— Знаешь, ты кого угодно можешь напугать.

Она улыбается в ответ:

— В свое время у меня была хорошая практика.

Я раздаю остальные коробки, и все выходят в коридор, чтобы подготовиться. Моя мама задерживается у порога:

— Тебе что-нибудь нужно?

Качаю головой:

— Нет. Я скоро. Сначала нужно еще кое-что сделать.

Дверь закрывается, я поворачиваюсь к столу, достаю пару латексных перчаток и набор цветных карандашей. Я застрял на том рисунке. Том, где Стелла кружится на замерзшем пруду за мгновение до того, как я сказал, что люблю ее. Стараюсь воспроизвести все до мельчайшей детали. Лунный свет на ее лице. Разметавшиеся волосы. Выражение радости в каждой черточке лица.

Смотрю на рисунок, и слезы подступают к глазам. Я смахиваю их тыльной стороной ладони, впервые с полной уверенностью зная, что поступаю абсолютно правильно,

Я снова стою у двери послеоперационной, смотрю, как поднимается и опускается перевязанная бинтами грудь Стеллы. Новые легкие работают отлично. Высохшая панда у нее под рукой, лицо во сне спокойное.

Я люблю ее.

Я постоянно искал что-то. Искал, сидя на крышах всех больниц мира,

что-то такое, что даст мне цель.

И вот теперь я нашел эту цель.

- Она просыпается, - говорит ее отец, заметив, что Стелла начинает ворочаться.

Ее мать идет ко мне через палату.

- Спасибо тебе, Уилл, — со слезами на глазах говорит она.

Я киваю, опускаю руку в сумку и достаю завернутый в бумагу пакет.

- Передадите ей, когда проснется?

Ее мать берет пакет и печально мне улыбается.

Я еще раз смотрю на Стеллу - веки ее подрагивают, глаза вот-вот откроются. Хочу остаться. Хочу стоять у двери, рядом с ней. Пусть даже всегда в метре от нее.

Даже в полутора метрах.

Но именно по этой причине я, со всем, что есть во мне, поворачиваюсь и ухожу.

ГЛАВА 29

СТЕЛЛА

Я открываю глаза.

Смотрю в потолок. В глазах проясняется, но боль в груди лучами расходится по всему телу.

Уилл.

Пытаюсь оглядеться, но еще слишком слаба. Люди в палате есть, но его среди них не видно. Пробую сказать что-нибудь, но мешает аппарат искусственной вентиляции легких.

Останавливаю взгляд на лице мамы, и она протягивает мне пакет.

– Милая, это для тебя.

Подарок? Странно.

Пытаюсь вскрыть пакет, но эта задача мне не по силам. На помощь приходит мама. В пакете - черный альбом для рисования с надписью «В МЕТРЕ ДРУГ ОТ ДРУГА».

Это от Уилла.

Я листаю страницы, рассматриваю раскрашенные цветными карандашами рисунки.

Вот я с пандой в руках; вот мы с бильярдным кием, который держим с обоих концов; мы под водой, за столом на праздничном обеде; кружимся на льду замерзшего пруда.

На последней странице мы вдвоем. В моей руке воздушный шарик с лопнувшей верхушкой, из которой сыплются и катятся к Уиллу звезды. В руках у него перо и свиток со словами «Главный список Уилла».

Ниже один-единственный пункт:

1. Любить Стеллу вечно.

Я улыбаюсь и обвожу взглядом лица стоящих в палате. И все-таки почему его нет здесь?

Джули выходит вперед и кладет мне на колени айпад.

Я смотрю на нее растерянно.

Она нажимает кнопку «Плей».

- Моя прекрасная командирша Стелла. - На экране появляется Уилл - волосы, как обычно, в милом беспорядке, на губах озорная, как всегда, улыбка. — Думаю, в твоей книжке правильно сказано: душа времени не знает. Последние несколько недель будут длиться для меня вечно. — Он делает глубокий вдох и улыбается своими голубыми глазами. — Жаль Только, что ты не увидела те огоньки.

Я с удивлением поднимаю голову - свет в ой комнате внезапно гаснет. Возле выключателя стоит Джули.

И тут же за окном послеоперационной вспыхивает двор, все пространство которого заполнено праздничными гирляндами из парка, протянутыми между деревьями и фонарными столбами. Их волшебное мерцание вливается в комнату, и у меня захватывает дух. Барб и Джули подкатывают кровать к окну, чтобы я смогла лучше все увидеть.

Там, по другую сторону стекла, под сенью этих чудесных огней стоит Уилл.

Только тогда я наконец понимаю, что на самом деле здесь происходит.

Он уходит. Уилл уходит. Боль уже иного рода пригвождает меня к кровати, и я сжимаю пальцами простыню.

Уилл улыбается мне, опускает глаза и достает телефон. За спиной у меня звонит мой. Джули подает его мне, включает громкую связь. Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, сказать ему, чтобы остался, но слов нет.

Только шипит трубка аппарата вентиляции легких.

Не уходи. Я пытаюсь сказать это взглядом.

Сказать, что он нужен мне.

Уилл едва заметно улыбается, и я вижу слезы в его голубых глазах.

— Наконец-то я лишил тебя дара речи, - говорит он, и его голос доносится из моего телефона.

Уилл поднимает руку и прижимает ладонь к оконному стеклу. Я с трудом поднимаю свою и прикладываю к стеклу с другой стороны. Теперь только оно и разделяет нас.

Останься – хочется крикнуть мне.

- В кино всегда так говорят: «Кого любишь - отпусти». — Он качает головой, сглатывает и с трудом продолжает: - Я всегда считал, что это чушь. Но видеть, как ты едва не умерла...

Договорить у него не получается, и мои пальцы сжимаются в кулак на прохладном стекле. Хочу ударить, разбить его, но сил хватает только, чтобы постучать.

- В данный момент ничто другое для меня не важно. Ничто. Кроме

твоей жизни.

Уилл еще крепче прижимает ладонь, и его голос дрожит:

- Только одного я хочу - быть с тобой. Но мне нужно, чтобы ты была в безопасности. В безопасности от меня.

Он пытается продолжать, и слезы бегут по щекам.

— Я не хочу уходить, но слишком люблю тебя, чтобы остаться. - Уилл смеется сквозь слезы и качает головой. – Господи, они были правы в этих тупых фильмах.

Он прислоняется лбом к окну там, где моя ладонь. Я чувствую его даже через стекло.

- Я буду любить тебя вечно. - Мы смотрим друг на друга, и каждый видит боль в глазах другого.

Мое сердце идет трещинами под новым шрамом. Дыхание туманит стекло, и я снова рисую дрожащим пальцем сердце.

- Закрой, пожалуйста, глаза, — просит он дрожащим голосом. - Я не смогу уйти, если ты будешь смотреть на меня.

Я качаю головой, и он видит вызов в моих глазах.

Сюрприз для меня - твердость в его лице.

– Не беспокойся обо мне. - Он улыбается сквозь слезы. — Если завтра я перестану дышать, знай, что я ничего бы не изменил.

Я люблю его. А он вот-вот уйдет навсегда, чтобы я смогла прожить свою жизнь.

— Пожалуйста, закрой глаза, – повторяет он. — Позволь мне уйти.

Секунду я молчу, запоминаю до последней черточки его лицо и наконец скрепя сердце заставляю себя закрыть глаза.

Он уходит.

Уилл уходит.

Когда я открываю глаза, его уже нет.

Слезы текут не переставая. Мы договаривались о метре, но теперь он гораздо дальше.

Медленно открываю глаза, я еще надеюсь в глубине души, что увижу его по другую сторону стекла. Но вижу только мигающие огни во дворе и исчезающий в ночи автомобиль.

Я тяну вверх дрожащую руку, касаюсь кончиками пальцев отпечатка его губ на стекле. Его прощальный поцелуй.

ГЛАВА 30

ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

***

УИЛЛ

Громкоговоритель в зале аэропорта хрипит и оживает, и приглушенный голос прорывается сквозь утренний шум и стук колес багажных тележек, катящихся по выложенному плиткой полу. Я вытаскиваю из уха наушник и слушаю объявление. Если сменят выход на посадку, мне придется тащиться через весь зал. Это с моими-то паршивыми легкими.

— Прошу внимания, пассажиры с в Стокгольм рейса 616 авиакомпании «Айсленд Эйт»...

Вставляю наушник в ухо. Не мой рейс. До декабря я в Швецию не собираюсь.

Расположившись в кресле, я в миллионный раз открываю Ютьюб и отыскиваю, как всегда, Последнее видео Стеллы. Если бы Ютьюб отслеживал индивидуальные просмотры, полиция несомненно уже появилась бы у моего дома, подозревая во мне сталкера. Но мне все равно, потому что это видео о нас. И когда я нажимаю кнопку «плей», Стелла рассказывает нашу историю.

— Человеческое прикосновение. Наша первая форма общения, — говорит она громким и ясным Голосом и делает глубокий вдох — ее новые легкие работают замечательно.

Ее дыхание - моя любимая часть видео. Нет напряжения. Нет одышки. Дыхание ровное и чистое. Без усилий.

- Безопасность, надежность, комфорт - все это в легком поглаживании пальцем или в мимолетном касании губами щеки, - продолжает Стелла, и я, оторвавшись от айпада, оглядываю шумный зал аэропорта, снующих туда-сюда пассажиров с тяжелыми чемоданами, но все равно она права. Долгие

объятия в зале прибытия, ободряющие похлопывания у линии безопасности, обнимающаяся юная парочка у ворот - везде прикосновения.

Прикосновение... Чувствовать тепло любимого человека порой необходимо нам как воздух. Такое понимаешь, только когда этого лишаешься.

Я вижу ее. В метре от меня; в тот вечер на пруду, когда мы пошли посмотреть иллюминацию, по другую сторону стекла в ту последнюю ночь, всюду и всегда неодолимое желание близости, прикосновения.

Я ставлю видео на паузу - просто чтобы полюбоваться ею.

Она выглядит... намного лучше, чем тогда, когда я видел ее вживую. Сейчас она без портативного кислородного концентратора. Без темных кругов под глазами. Для меня она всегда была прекрасна, но теперь она свободна. Она - живая

Каждый день я ловлю себя на том, что жалею о случившемся. Жалею, что ушел, снова и снова переживаю тот миг, когда повернулся и пошел прочь, волоча тяжелые, как бетонные блоки, ноги, преодолевая ту магнетическую силу, что тянула меня назад, к ее окну. Наверно, то притяжение, как и та боль, останется навсегда. Но мне достаточно лишь видеть ее вот так, чтобы знать: оно того стоило.

На моем экране появляется напоминание от ее приложения: принять утренние лекарства. Я улыбаюсь, увидев изображение — маленький танцующий пузырек. Оно - своего рода портативная Стелла, которая всегда со мной, всегда заглядывает через плечо, напоминает о процедурах. Напоминает о важности времени.

- Ну что, готов? - Джейсон толкает меня в плечо. Выход на посадку уже открыт, посадка на рейс в Бразилию началась. Я улыбаюсь другу, проглатываю, не запивая, лекарства, засовываю айпад в рюкзак и застегиваю «молнию».

- С рождения готов.

Я наконец-то собрался по-настоящему посмотреть те места, о которых всегда мечтал. В каждом городе у меня контрольная проверка у врача - таково одно из трех условий, которые выставила мама, прежде чем дать согласие на поездку. Два других ничего особенного собой не представляют. Я должен посылать ей по возможности больше фотографий и каждый понедельник, при любых обстоятельствах, связываться с ней по Скайпу. Не считая этого, я могу жить так, как хочу. И в кой-то веки это включает в себя выступление единым фронтом.

Мы наконец-то пришли к взаимопониманию.

Я встаю, перевожу дух и подтягиваю лямку портативного кислородного

концентратора. Но воздух застревает в горле, так и не попав в легкие, потому что в шуме и хаосе аэропорта я слышу помимо клокотания слизи в легких мой самый любимый звук на свете.

Ее смех. Он звенит колокольчиком, и я тут же достаю телефон, нисколько не сомневаясь, что оставил включенным видео. Экран, однако, темный, а смех не такой уж далекий. Он где-то близко, в нескольких метрах от меня.

Ноги знают, что нужно идти, двигаться на посадку, пошевеливаться. Но глаза уже ищут. Мне нужно знать. Ровно шесть секунд — и поиск успешно завершён. Я даже не удивляюсь, когда обнаруживаю, что она смотрит на меня.

Стелла всегда находила меня первой.

ГЛАВА 31

СТЕЛЛА

- Где твоя импровизация? А ну-ка, вспомни, как это делала Эбби. - Миа шутливо толкает меня в плечо.

Я отрываюсь от путеводителя и, рассмеявшись, аккуратно закрываю его и кладу в задний карман.

— Рим не сразу строился. — Эта ватиканская шутка предмет моей гордости. — Получили? Рим?

Камила смеется и закатывает глаза:

- Легкие новые, а чувство юмора на прежнем уровне.

Я перевожу дух. Мои легкие расширяются и сужаются без малейших усилий, и это так чудесно, что даже верится с трудом. Вкус последних восьми месяцев - горько-сладкий, и это еще слабо сказано. Все работает без сбоев, и даже физическая боль постепенно уступает место совершенно новой жизни. Мои родители снова вместе, и мы наконец-то начинаем оживать. Не все, что разбито, можно склеить, и боль от потери Эбби и По, наверно, не пройдет никогда. Точно так же, как никогда, что бы ни случилось, не сотрется память об Уилле. Так и должно быть.

Боль напоминает, что они были, что я - жива. Благодаря Уиллу впереди у меня годы. Время. Намного больше времени. Не считая его любви, это самый большой подарок из всех, что я когда-либо получала. Даже не верится, что тогда я едва не отказалась его принять.

Я оглядываю зал аэропорта, смотрю на высокие потолки и широкие окна, и радость вперемешку с волнением бежит по венам. Мы направляемся к выходу 17, где идет посадка на рейс до Рима. Наконец-то я могу это сделать. Побывать в Ватикане и Сикстинской капелле - первый пункт из многого, что я хочу увидеть и сделать. Да, не с Эбби, и я определенно не стану вычеркивать тот пункт из списка Уилла, но путешествия как будто приближают меня к ним.

В какой-то момент ловлю себя на том, что задаю темп нашей маленькой группе. Камила и Миа едва поспевают. Еще несколько месяцев назад я бы

рухнула от такой ходьбы, но сейчас чувствую себя так, будто готова идти и идти.

- Все фоткаются! — объявляет Миа, когда мы находим наш выход на посадку, и поднимает телефон. Мы сбиваемся в тесную кучку и широко улыбаемся на камеру.

После вспышки я мельком смотрю на экран своего телефона и вижу присланную мамой фотографию: папа за завтраком, яичница и бекон изображают грустный смайлик с подписью УЖЕ СКУЧАЕМ, СТЕЛ! Присылай фото!

Толкаю в бок Мию.

- Эй, отправь-ка снимок моим родителям, они уже просят...

Я умолкаю, видя, как Миа открывает в изумлении рот и тарачится на Камилу.

- Что? Я опять сделала то самое с лицом? - спрашивает Камила и тяжело вздыхает. - Сама не знаю, почему у меня всегда такая улыбка...

Миа останавливает ее, подняв руку, и стреляет глазами в сторону большой группы, ожидающей посадки на другой рейс. Взгляд ее застывает на чем-то у меня за спиной.

Камила ахает от удивления.

Я оборачиваюсь, следуя за ее взглядом и, пробегая глазами по длинной людской очереди, ощущаю холодок на шее.

Сердце начинает биться быстро-быстро, потому что там, в очереди, стоит Джейсон.

Я уже знаю. Знаю, еще не увидев его.

Уилл.

Я застываю на месте, а он поднимает голову, и наши взгляды встречаются. В его глазах та знакомая голубизна, которая так долго мне снилась и от которой у меня подкашивались ноги. Он по-прежнему болен. На плече - портативный концентратор, лицо усталое и худое. Видеть его таким почти физически больно, как больно знать, что его легкие не могут так же наполниться воздухом, как мои новые.

Но потом уголки его губ ползут вверх, складываясь в знакомую дерзкую улыбку, и мир тает и исчезает. Это Уилл. Это действительно он. Болен, но жив. Мы оба живы.

Я делаю глубокий и свободный вдох, иду к Уиллу и останавливаюсь ровно в полтора метра от него. Он смотрит на меня теплыми глазами. Я — без канюли, я свободно дышу, у меня нет сумки с кислородным концентратором.

Я — практически другая Стелла.

Кроме одного.

Я улыбаюсь ему и делаю еще один, только один, украденный шаг, пока между нами не останется один метр.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Лекарства цевафломалин, в испытаниях которого принимает участие Уилл, на самом деле не существует. Мы надеемся, что однажды оно будет найдено.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

РЕЙЧЕЛ

Прежде всего эта книга — для тысяч людей по всему миру с кистозным фиброзом. Я всем сердцем надеюсь, что она повысит осведомленность населения о кистозном фиброзе и поможет каждому из вас быть услышанным.

Спасибо вам, Микки Дотри и Тобиас Иаконис, за то, что доверили мне прекрасный сценарий и историю Уилла и Стеллы. Для меня было честью работать с вами обоими. Кроме того, я чрезвычайно благодарна издательству «Simon & Schuster» и моему замечательному редактору Алексе Пастор, которая совершенно восхитительна в том, чем она занимается.

Огромное спасибо моему агенту, Рейчел Экстром Каредж из «Folio Literary Management» за помощь.

Благодарю также самую изумительную из наставниц, Сиобхен Вивиан, мою лучшую подругу Лианну Рану, команду Лэрри Лоу из «Monday Night Trivia», Алиссу Золькевич, Кайлу Рихтер, Кэт Ло и Джуди Деррик: ваша поддержка была потрясающей. Без вас этой книги бы не было.

Особая благодарность моей маме, которая верила в меня со дня моего появления на свет. Ты показала, что значит быть единственным родителем, и я бесконечно признательна тебе за твою силу, смелость и заботу на протяжении всех этих долгих лет. oh И наконец, моей любимой Элисон Деррик. Спасибо, спасибо, спасибо тебе за то, что ты такая, какая ты есть. Ты - мое солнышко.

МИККИ И ТОБИАС

Этот роман посвящается Клэр Вайнленд и всем больным КФ, которые все еще отважно сражаются с кистозным фиброзом. Мужество и заболевая стойкость Клэр перед лицом этого неизлечимого заболевания должны

стать уроком для всех нас. Продолжайте бороться, улыбаться, не терять присутствия духа. Мы были знакомы с ней совсем недолго, но ее влияние на жизнь каждого из нас сохранится до конца наших дней. Ее вклад в эту историю огромен. Ее вклад в историю человечества был - и всегда будет - безмерным.

Спасибо Джастину Бальдони, от которого ни когда не услышишь в ответ «нет». Преданность энергия и сострадание Джастина вдохновляли нас во всем. Его непоколебимая вера в этот проект научила нас тому, что с талантом, сосредоточенностью и честолюбием можно свернуть горы. Мы благодарим его от всей души.

Спасибо Кэти Шульман, чья готовность ответить на звонок в любое время дня и ночи обычно пригодились нам в три утра. Знания, опыт и творческая мудрость Кэти помогли нам писать сцену за сценой, страницу за страницей. Для нас было честью и удовольствием наблюдать за ее работой. И она позволила нам подержать свой «Оскар». Это было так волнительно!

Спасибо Терри Прессу, Марку Россу, Шону Урсани и всей команде кинокомпании «CBS». Нам очень повезло с тем, что довелось работать под вашим чутким руководством. Ничего этого не получилось бы без вашей веры в проект. Мы сотрудничали с настоящей «командой мечты» и каждый день чувствовали это. Огромное спасибо Рейчел Липпинкот, за геркулесовым трудом которой по написанию романа было приятно наблюдать и благодаря которой книга обрела законченный вид.

Без неустанных усилий всех причастных не было бы ни сценария, ни фильма, ни книги. За все это мы бесконечно признательны.

Примечания

1

Кистозный фиброз — наследственное заболевание (передается генетически), вызывающее нарушение работы слизистой и потовой желез. При этом слизь становится очень густой и вязкой и потому легко скапливается в легких и кишечнике. Со временем это наносит необратимый ущерб органам.

2

B. ceracia (*Burkholderia ceracia*) — патоген легочных инфекций у больных муковисцидозом, а также патоген ряда овощей. Может вызывать больничную и внебольничную пневмонию, инфекции мочевых путей, менингит, перитонит, ожоговую и послеоперационную раневую инфекцию, сепсис и эндокардит.

3

Кистозный фиброз.